

ГРАНИ

GRANI

59

1965

Postverlagsort: Frankfurt/Main, Dezember 1965

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год издания XX

№ 59

1965 год

СОДЕРЖАНИЕ

От «ФЕНИКСА» к «СФИНКСАМ»	3
«СФИНКСЫ» № 1 — литературный российский журнал	7
Оглавление журнала «Сфинксы»	76
АЛЛА КТОРОВА — Скоморошки (глум)	78

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

СЕРГЕЙ ЛЕВИЦКИЙ — Гениальный неудачник (Об Андрее Белом)	142
ЭММАНУИЛ РАЙС — Ленинградский Гамлет (О стихах И. Бродского)	168

ИЗ ОПЫТА БИБЛИИ

Епископ НАФАНАИЛ — Манассия — царь Иудейский	173
--	-----

ФИЛОСОФИЯ. ПУБЛИЦИСТИКА.

Д. УШИНИН — Достоевский и Кант (О книге Я. Голосовкера)	181
НИКОЛАЙ ИРКОЛИН — «Почему ночью темно?» (Проблемы космологии). Окончание	195
<i>Хронология важнейших событий (июль-декабрь 1964 г.)</i>	216
<i>Обращение издательства «Посев» к писателям, поэтам, литературным критикам и деятелям искусства и науки, к литературной молодежи и студенчеству</i>	221
Содержание всех вышедших номеров журнала «Г р а н и» (с № 1 по № 58)	225

1965, ©, Copyright by Possev-Verlag, V. Gorachek KG, Ffm.

Все права сохранены за издательством «П о с е в».

От «Феникса» к «Сфинксам»

От одного из наших российских читателей мы получили экземпляр журнала «Сфинксы», который ходит по рукам в Москве. Мы решили его, как было в случае «Феникса» и «Синтаксисов», опубликовать *полностью*, исходя из того, что, помимо высокого литературного достоинства, журнал — *документ нашего времени*.

Редакция рада новой возможности ознакомить нашего читателя с творчеством молодой России. Итак, — перед нами «Сфинксы». Дата выпуска — июль 1965. Редактор — В. Я. Тарсис.

В отличие от «Феникса» и «Синтаксисов», журналов исключительно молодежных, в «Сфинксах» мы замечаем новое: найдена творческая и духовная общность между молодежью и достойными представителями старшего поколения. В первую очередь это выразилось в признании молодежью редакторского авторитета В. Я. Тарсиса, что является бесспорным доказательством утверждения: проблема «отцов и детей» в сегодняшней России возникает лишь в том случае, когда «дети» сталкиваются с *недостойными* «отцами». Ищущая молодежь требует от старшего поколения главного — бескомпромиссной честности. И идет за теми и с теми «отцами», у которых ее находит.

Что же касается самого содержания «Сфинксов», то в нем господствует творчество молодежи. Это дает нам право предполагать преемственность в развитии направлений, настроений и исканий молодого литературного поколения от «Феникса» к «Сфинксам». Право это подтверждается еще и присутствием среди авторов «Сфинксов» хорошо нам знакомых фамилий поэтов-фениксовцев В. Ковшина и Ю. Стефанова. Надо полагать, что и другие поэты «Сфинксов» тоже печатались в свободных молодежных журналах, которых в одной только Москве насчитывается более четырнадцать.

Что же отличает «Сфинксов» от «Феникса»? Первую черту

— творческое сотрудничество и содружество разных поколений — мы уже отметили выше. Вторую — легко заметить, сравнивая внешнее оформление журналов: например, на обложке у «Сфинксов», вместо названия города, как было в случае «Синтаксиса» («Москва-Ленинград») или в случае «Феникса» («Москва»), напечатано крупными буквами Р О С С И Я. Россия, а не СССР. Так же, как под стихами одного из поэтов подписано «Москва-Петроград», а не Ленинград. В самом низу обложки мы находим название издательства «А Р И», и тут же, в скобках, расшифровку: «Авангард Русского Искусства».

Итак, журнал «Сфинксы» обладает не только своим издательством, но своим русским искусством и уже не в масштабе одной или двух столиц, но целого государства, именующего себя по-старому, естественно, — Россия.

Эти как бы внешние особенности «Сфинксов» отражают внутренний строй помещенных в журнале произведений. В маленьком вступлении невозможно заняться подробным анализом содержания, но хочется лишь подчеркнуть одно главное направление, наиболее ярко воплотившее себя в четырех отрывках из поэмы «Сошествие во ад» Ю. Стефанова.

Если постараться сформулировать эволюцию, которую проделала российская молодежь от «Феникса» до «Сфинксов», вероятно можно было бы сказать, что движение шло от общечеловеческих мотивов (поэма Ю. Галанскова «Человеческий манифест») к христианско-православному мироощущению и национальному самоосознанию. (См. поэму А. Васюткова «Боголюбовская сказка» и поэму Ю. Стефанова «Сошествие во ад»).

Тема России в целом ряде произведений тесно переплетается с религиозными мотивами. Внимание авторов приковано к историческим путям России, которая в свое прошлое вобрала не только Октябрьскую революцию, но и такие имена, как Святослав, Андрей Боголюбский, Феофан, Рублев, Никон и Аввакум.

Что касается политического лица журнала, то оно такое же непримиримо антикоммунистическое, как и лицо «Феникса». На страницах «Сфинксов» мы встречаем и политическую сатиру (Б. Слуцкий «Грехи и страхи...», «У государства есть закон...», А. Михайлов «Хорошо быть халтурщиком», А. Галич «Молчание — золото», Е. Головин «Песня старых партийцев» и др.), и произведения трагического склада (А. Галич «Уходят друзья», «Облака плывут, облака...», А. Михайлов «Если ты не был в концлагере...», С. Морозов «Он придет в коверкотовом пиджаке», Ю. Стефанов «Сошествие во ад» и др.).

Так же, как и «Феникс», авторы журнала «Сфинксы» ничто отрицают положительную роль «Октября», который ассоциируется для них с цепью, накинутой на «рабов вольных конституций». Ленинский мавзолей видится влившимся в мостовую «осколком затвердевшей крови», а пятиконечная звезда оснащена пятью хищными «когтями» (Е. Головин «Песня старых партийцев»).

Авторы «Сфинксов» определяют себя «лобастыми мальчиками никакой революции» (Л. Школьник). Перспектива видения России ушла для них в глубь веков. На фоне тысячелетней истории государства — «Октябрь» и пятьдесят лет коммунизма — лишь эпизод, четвертая часть татарского ига. Отсюда раскрывается перспектива и в будущее России, их собственной России, хозяевами которой они себя уже чувствуют.

Вероятно, таким ощущением ситуации и обуславливается новый спокойный и уверенный тон и редакционной статьи, и произведений авторов журнала. В нем нет лихорадочного, напряженного до предела ожидания событий «Феникса», вызывающих угроз и горячих, пламенных призывов к немедленным действиям. Для авторов «Сфинксов», по-видимому, «век крушения вер» окончился. Наступил период духовного строительства. Их жизнь и созидание идут своим собственным путем, параллельно «советской действительности», при полном игнорировании коммунистической власти. Поэтому и РОССИЯ вместо СССР, и Петроград вместо Ленинграда, и «Авангард Русского Искусства» вместо социалистического реализма.

«Современная русская литература богата и разнообразна. Множество имен, множество направлений... Публика... хочет знать эту литературу, не удовлетворяясь суррогатами и пародиями на нее. Вот почему появились на свет «Синтаксисы», «Бумеранги», «Фениксы» и некоторые другие так называемые «подпольные» журналы. Вот почему появились и «Сфинксы» — новый журнал, приподнимающий занавес молчания, опущенный на русскую литературу безграмотными политиканами и их лакеями» («От редакции»).

Авторы «Сфинксов», как и фениксовцы, исповедуют «Любви и Правды суеверие» (М. Славков*), для них ответственность и жертвенность — главное условие жизни. И по отношению к ис-

*) Обращаем внимание читателя, что М. Славков, молодой поэт, — один из персонажей документальной повести В. Тарсиса «Палата № 7» (см. Грани № 57, 1965 г.). — Р е д.

кусству: художник должен отвечать «за каждый мазок мысли и слова, всем, даже жизнью» («От редакции»). И по отношению к своей стране — России:

...Склонюсь к изголовью:

и слезы и гной
 моею ты кровью,
 Россия, омой,
 и на половины
 мне плоть раздери,
 и, словно холстиной,
 лицо оботри,
 и в славе, и в силе
 иди на звезду.

Я вместо России
 останусь в аду!

(Ю. Стефанов «Сошествие во ад»)

Что же касается будущего, то редакция «Сфинксов» настроена оптимистически. И оптимизм ее рожден и основан не на юношеских беспочвенных мечтаниях, а на логике — «логике исторического развития»:

↑ «Не будем загадывать, как долго русское искусство будет развиваться в столь же ненормальных условиях, в которых это происходит сейчас, — пишет редакция в своей передовой. — Осмелимся лишь утверждать, что не вечно. Такова уж логика исторического развития. Народ без искусства существовать не может. Государство не может существовать без народа. Если у государственных деятелей не хватает ума и таланта, чтобы это понять, можно только оплакивать их как государственных деятелей».]

Помочь молодому русскому искусству выйти из подполья на свет Божий — задача таких журналов как «Сфинксы», «Феникс», «Синтаксисы», «Бумеранг», «Мастерская» и многие другие.

А наша задача — помогать этим журналам. И не только публикацией и возвращением их на родину, но и глубочайшим вниманием к поискам новых творческих путей, к словесным находкам, к литературным опытам их авторов. Мы ни на миг не должны забывать, что по-дружески приглашаемся присутствовать при скромном и великом таинстве рождения нашей новой литературы.

« С Ф И Н К С Ы »

В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ УЧАСТИЕ:

Л. ГУБАНОВ

В. АЛЕЙНИКОВ

В. БАТШЕВ

С. МОРОЗОВ

Б. ДУВИН

В. ГУСЕВ

А. ВАСЮТКОВ

М. СЛАВКОВ

В. КОВШИН

П. ВЛАДИМИРОВ

Ю. ВИШНЕВСКАЯ

М. ШЕЛГУНОВ

Ю. СТЕФАНОВ

Л. ШКОЛЬНИК

М. ЭДВИН

А. УСЯКИН

В. ТАРСИС

Б. СЛУЦКИЙ

Д. САМОЙЛОВ

А. ГАЛИЧ

В. ЭРЛЬ

А. МИРОНОВ

А. МИХАЙЛОВ

Е. ГОЛОВИН

Б. АЛЕКСАНДРОВ

РЕДАКТОР В. Я. ТАРСИС

РОССИЯ

июль 1965 июль

№ 1

Издательство

А Р И

(Авангарда Русского Искусства)

От редакции

Не будем загадывать, как долго русское искусство будет развиваться в столь же ненормальных условиях, в которых это происходит сейчас. Осмелимся лишь утверждать, что не вечно. Такова уж логика исторического развития. Народ без искусства существовать не может. Государство не может существовать без народа. Если у государственных деятелей не хватает ума и таланта, чтобы это понять, можно только оплакивать их как государственных деятелей.

Современная русская литература богата и разнообразна. Множество имен, множество направлений... Но у всех имён и у всех направлений есть одно общее — они почти неизвестны широкому читателю, так как не укладываются в прокрустово ложе соцреалистических догм. Можно лишь восхищаться способности многих писателей и поэтов творить в условиях почти полной изоляции от читателя, в нужде, в постоянной опасности навлечь на себя гнев властей.

Публика узнаёт о существовании русской литературы почти исключительно из гнусных и бездарных фельетонов, любовно обсасывающих детали частной жизни литераторов, чьи произведения не нравятся немногим заправилам культурной политики. Одновременно она хочет знать эту литературу, не удовлетворяясь суррогатами и пародиями на неё. Вот почему появились на свет «Синтаксисы», «Бумеранги», «Феникс» и некоторые другие так называемые «подпольные» журналы. Вот почему появились и «Сфинксы» — новый журнал, приподнимающий занавес молчания, опущенный на русскую литературу безграмотными политиками и их лакеями. Литература не может жить в «подполье». Можно писать «в стол», но нельзя писать «для стола». Это закон творческой психологии. Собранные в «Сфинксах» произведения широко известны в литературных кругах. Редакция собрала их

вместе, дабы представить восприятию более широкому и объективному, на активность которого еще можно надеяться.

Редакция приносит извинения за то, что не уведомила авторов о том, что их произведения включены в журнал. Возможно, что это навлечет на вас, друзья, определенные неприятности. Но мы надеемся, что они не будут столь трагическими, чтобы вы перестали быть художниками, отвечающими за каждый мазок мысли и слова, всем, даже жизнью.

Э. Кэммингс

Перевод Бориса Александрова

ОТЕЦ МОЙ ШЕЛ СКВОЗЬ РОК ЛЮБВИ

Отец мой шел сквозь рок любви
сквозь сущность сквозь дар иметь
и с песней утра из ночей
отец мой шел сквозь глубь высот

вопрос мертвящий этот — где
отец зажег значением здесь
а если (робкое словцо)
сжималось узкое кольцо

легко из трупа слово чей
растет малыш румяный — кто
и так весна его руки
будила я рождала сны

услышав плачи почему
он колыбель качал ему
он слышал зов издалика
он чуял рост огромных гор

Спускаясь в глубь морских долин
отец мой шел сквозь горький смех
и сплавил в песне сети звезд
и шел желание начать

он радость пел белей чем снег
белей чем яблонь майских цвет
и песне вторил свет луны
запастьями сухих лучей

пронзительней чем чуткий ум
всеведущих и чутких солнц
стоял сурово (как колонн
недвижный ряд) отцовский сон

он плотью был он плотью жил
калека б из последних сил
взобрался б на высокий холм
увидеть как смеялся он

Презрев надутый чванством долг
отец мой шел сквозь чувства рок
и гнев его — как майский дождь
и жалость — словно зелень рощ

с наименьшей лаской чем года
осенней грустью гладят нас
дарил он как победы весть
всем бесконечный праздник есмь

упорно (пламенем свечи
влекомый) как движенье вниз
земли стареющей отец
во тьме свершал заветный труд

его печаль — как честный хлеб
ложь не вилась за ним вослед
и если б каждый стал врагом
он новый вылепил бы мир

Отец мой шел сквозь чащи мы
он песней шум будил листвы
(услышав как отец поет
ребенок знал весна идет)

пускай же убивают то
с чем породниться не дано

пускай свобода станет нам
как в грязном кабаке вино

пусть в сердце страх совет гнездо
пусть робость тычется в окно
а яд с названьем все равно
поможет я сбежать в оно

хоть горек яркий спелый плод
и точат черви лепестки
и смерть как моль влетает в дом —
в наследство все мы отдаем

лишь правду прячем для себя
— ненавистью создан свет —
а мой отец прожил дотла
всю жизнь — любви пределов нет.

Владимир Алейников

* * *

Я от вас никуда не уйду.
Только белые ветки в бреду
вам подскажут дороги ко мне,
да и те уведут в стороне
замерзающей синей волны.
Только мало такой стороны...

Я от вас никуда и ни с кем.
Только снежная грусть на виске
вам случится, но в этих ли снах
наше дело опять сторона.
Эти поздние гости вольны.
Только много такой стороны...

Я не знаю: надолго ли знать.
Нашей тени еще замерзать
придорожной росой у плетня,
подорожной золой у огня.

Огорошенным нашим кострам
Я не знаю: надолго ли к нам...

Я не знаю: надолго ли жить.
Что заломленной галькой копыт
в темноте увидав наугад.
Я не знаю: надолго ли рад
нашей дружбе, уставшей, когда
погасает у моря вода...

Я не знаю: надолго ли быть.
Что летящие лики любить,
что ломать обессилев на век
перебитые горлышки рек.
Нашей дружбе, узнавшей, когда
погасает у моря звезда...

БОГ ОБРАЩАЕТСЯ К РЕЧИ

Бормочу: «На любой крест
наделю, а потом — врозь»,
бормочу, на любом месте
не считать, а потом в рост.
На тебя ничего нет,
чтобы жаловалась, узнав:
для пустыни храним свет,
для пустыньницы — тень прав.
На тебя не великий пост.
На меня не великий чин.
Отпустите меня. Прост
до изорванных тех овчин.
Если долго просить — знал:
говоривший уже глух.
Если сразу просить — звал
недосказанный свой слух.
Или облако, или лед —
это значит: одна мгла.
На обломке впишу: «Врет.
Онемела и слог жгла».
Недосказанностью свинца

Наше: только не зря, не в зор.
Недосчитанностью конца,
неразменностью до сих пор.

* * *

У каждого пойманный бег.
Укажете: помнится, чтится.
У каждого, помнится, век.
У каждого — помнится, сбывься.
Возможно, что это луна.
У города, может, излишки
указанных... только до сна
досказанных нами и слишком
расторгнутых... дожили до ста
и снова угадывал пришлых.
У матери верен завет.
Обещаны батюшки-светы.
До этих пределов дошед,
достигший, ты дожил до сметы
достывших, ты дожил до жал,
из жалости знающих имя.
Усопшие, степью кружа,
насколько простятся с живыми,
встречают: насколько «уйди»
желанно, насколько пугая,
изучены наши пути
бессмертья — от края до края...
успевший к отъезду — иди.
Усталая ласточка улиц,
не прячься, пока на груди
извилины жил протянулись.
У каждого, гол или бос,
неважно, окажется: «что же?»
Напомни, насколько похожи...
У каждого давний маршрут
троллейбуса или трамвая.
На каждого, помнится, жгут
невинные люди свивают.

Владимир Батшев

Е. Капустянскому

Оглядываюсь на забытое прошлое,
как матодор на быка.
Кисти шпагами просятся
в руки, дрожит рука.

Но устарели полотна,
как рыцарские турниры.
Картины в глазах полощатся,
одетые в древние туники.

Слушай натурщиков, девочка,
ты утонешь в своей неискренности.
А как это чудо делается?
Не так как принято исстари.

Кистью жизнь не надо подравнивать —
никому ничего не должен.
Натяни на суставы подрамника.
мою душу, зеленый художник!

МАРСОВО ПОЛЕ

Дышало поле, в дыму упарилось,
а продышаться хотело после.
Сугробы деревьев как нотные пары,
но марлевым маревом Марсово поле.

Дышало поле. Душой дышало,
хоть уши надушены спелой ватой.
И как вода сквозь дырки дуршлага
все уходило, а кровь оставалась.

Да, кровь оставалась, а люди толпились.
И торопились провинциалы.
Поле дышало: оно утомилось.
Принципиально не уставало.

Дышало без хрипа. Упадочно. Чутко.
Как было жутко в водовороте,
а белый ливень колонн парашютных
не мог на место никак водвориться.

Сбегались зеваки. Сбивались в массу.
Дорожки песком посыпали садовники...
Меня выводили на поле Марсово,
где ждали петли и звезды сановников.

КАНАТОХОДЕЦ

Губы мертвенно жаркие
на проводах.
По стене рукой шаркаешь
и по проволоке.
Умирают тайны тихони.
Губы стынут
у канатоходца
в цирке.
Ты быстра под басы и бисирование
нежное.
Табаком где-то балансируешь,
нервами.
Забываю, что губ амбразуру
я запер.
Уплываешь, себя образуя
замуж.
Рыжей щепкой в ручье уплываешь.
Маешься.
Ты моею быть перестанешь
в мае.
В мае сонное солнце сожжет
стихов вырезки,
в мае мертвенно меня ждет
выстрел...
в мае радужно реет праздников
роль,
в мае мама или прачка
вымывает кровь,

смоет с сердца подкупленного,
 набальзамированного...
 Стрекозой под стрелчатым куполом
 балансируешь...

Александр Васютков

Отрывки из поэмы

«БОГОЛЮБОВСКАЯ СКАЗКА»

Вступление

Шапчонки колокольчиков
 Кольшутся едва.
 Не прячет их нисколечко
 Высокая трава.
 Они дорогу сузили,
 Доходят до села.
 Так в Суздале, так в Суздале
 Растут колокола.
 Где голуби венчаются
 Под крышами церквей,
 Когда-нибудь отчаются
 Руки звонарей.
 В сверхсовременном веке,
 Перерывая сон,
 Нам в сомкнутые веки
 Ударит звон.

Глава I.

Звон!

Звон по Суздалю!

По Боголюбову!

Кольшут пузами

бояре глупые!

И парчовые, собольи —

во все стороны.

Жена в далекой провинции
кинет письмо в камин.

3

За фикции, за фракции
вскрывают твой матрас...

Уже не «совесть Франции»,
а просто...

педераст.

П. Владимиров

* * *

Стоят церквушки по Руси
Забывтые, забитые,
Стоят церквушки по Руси
Ничем не знаменитые.

Вздыхают, охают, кряхтят
И как старухи молятся,
О старине былой грустят,
Припоминают молодость.

Не блещут златом купола,
Покошен набок крест,
И не звенят колокола,
Шум наводя окрест.

Стоят одни на пустырях,
В деревне, у дорог.
Забыли люди о церквах,
Забыл о них и Бог.

На мир глядят из темных дыр,
Им непонятен век,
Им непонятен новый мир
и новый человек.

А ветер время уносил .
Не мало и не много.
Стоят церквушки по Руси
И ожидают Бога.

Александр Галич

* * *

Облака плывут, облака,
Неспеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Неспеша плывут облака,
Им тепло, небось, облакам,
А я насквозь продрог на века.

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял,
Ведь не даром я 20 лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст,
До сих пор в ушах шмопоган,
— Эй, подайте мне ананас
И коньячку еще 200 грамм!

Облака плывут, облака
В милый край плывут, в Колыму.
И не нужен им адвокат,
И амнистия им ни к чему.

Я и сам живу — первый сорт,
20 лет на пятак разменял,
Я в пивной сижу, словно лорд.
И даже зубы есть у меня.

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот,
А мне 4-го перевод
И 23-го перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидят в кабаках.
Нашей памятью в те края
Облака плывут, облака.

УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Уходят, уходят, уходят друзья
Одни в никуда, а другие — в князья.
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

Не спешите сообщить по секрету —
Я не верю вам, не верю, не верю,
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.
Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка причастьем.
Есть, уходят на последней странице,
А которые на первой — все чаще.

Уходят, уходят, уходят друзья.
Сто муж одному, а другому — стезя.
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит чужих и своих не щадит.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались прямиком на Гавай,
И, как спятивший трубач спозаранок,
Уцелевших я друзей собираю.

Я на ощупь, и на вкус, и по весу
Учиняю им проверку, но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности в горе.

Уходят, уходят, уходят друзья.
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях,
За ними былины, за ними поля,
И только за ними кричат лагеря.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

Иногда потеря — гром, крушенье.
Всю планету полоснуло по сердцу.
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству.
Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стертый.
Я ведь все равно по мертвым не плачу,
Я ж не знаю, кто живой, а кто мертвый.

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни в никуда, а другие в князья,
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья.

МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Ни в пустыни, ни к полюсу холода,
Ни на катере к этакой матери,
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи — попадешь в богачи.
Промолчи, промолчи, промолчи.
И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не против, конечно, а «за».
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду,
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото.

Промолчи — попадешь в богачи.
Промолчи, промолчи, промолчи.
И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята.
Но под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от горя, от холода,
Мы-то знаем — доходней молчание,
Потому что молчание — золото.
Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в палачи —
Промолчи, промолчи, промолчи.

ДОМАШНЯЯ ЕВРЕЙСКАЯ (предупреждение)

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи:
Не ходить вам в камергерах, евреи.
Не горюйте вы зазря, не стенайте —
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.
А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам лэхáим,
А таскаться на допросы с вертухами.
Если ж будешь торговать ты елеем,
Если будешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Россинантом
И украсят лапсердак аксельбантом.
Это правда, это правда, это правда,

Это было — и боюсь, что будет завтра,
Может завтра, а может скорее,
Так не шейте, вы, евреи, ливреи.

Евгений Головин

ПЕСНЯ СТАРЫХ ПАРТИЙЦЕВ

Ю. Стефанову

Все, как прежде, ни лица, ни стона,
Скованные цепью Октября,
Как живые факелы Нерона
Красные полотнища горят.

Веселится молодой и старый,
Пять когтей разнежила звезда.
Струнами чудовищной гитары
Натянулись в небе провода.

И рабы привольных конституций
Вылезли из всех своих углов.
На багровых лозунгах смеются
Зубы наших заповедных слов...

Раз отцы не сберегли здоровья —
Мы добудем счастье всех людей, —
Где осколком затвердевшей крови
В мостовую впился мавзолей.

Леонид Губанов

НОРМАЛЬНЫЙ КАК ЯБЛОКО

2

Красные деревья
громче, чем бинты.
Певчие евреи —

пешие беды.
Морды мне сдавали,
лица не пеклись...
В морге ли собранье
сизых учениц?
Тусклые победы...
Шали не терпеть...
хмурые мольберты...
Очередь к тебе...
Что это? Откуда?
Белая беда...
Вьносил, окутал
смехом в никуда.
Влюбленна как горло
в праздники чела.
Робкие погоны
милого вчера.
Умираем, скинув
рваный плащик смут.
Новые могилы,
как ботинки жмут.

4

Опять уходят за вином...
Смеются красные рубахи...
О, серые глаза рыбалки,
Опять уходят за вином.
Ты — груша с головы до пят,
ты в грусти, а раздеться где нам?
Все одуванчики не спят,
но мало мне тепла и тела!
Заиндевший монастырь
от звонницы меня отучит.
Целую ручки, мы просты...
Целую ручки!
В надежде на зеленый кров
скоблю подвыпившее устье.
Мой телефон не пустит кровь...
Ах, пусть он...

Я до поры и до пера...
Я — Камень!
О, незамужние вчера
слов карих.

6

Еще и губ не выносили,
но кашляли в платок тайком.
Мы пол-России износили,
большевичками отпоем...
На наши тихие молебны
ареста сладкий перезвон.
Как мальчики смеются нервы
и крутят желтый горизонт.
Креститесь долгими руками,
пока потерянное зря...
Пока нам весело на камне
с тревожным именем Земля.
Туда, где сад отпустит когти,
ступают белые кресты.
У каждой родины в колоде
и перемены, и глисты.
О, позолоченная память
над позвоночником коня!
Я у собора под глазами,
ты под глазами у меня.
Наверное, я вербой брошен
оттуда, где плывут и спят.
Мы на любимых руки крошим,
накладывая на себя,
но что нам делать до обедни,
когда и парус не распят,
когда, как долечки, отдельно
по черным слободам казнят.
У бабушки моей Зимы
нашлись зеленые погоны...
«По горло» мне любовь страны,
«до лампочки» ее погода!
...Меня прошло совсем немного.

Ах, все равно я выйду за...
Там начинают звезды трогать,
там начинаются глаза.

ЧЕТВЕРТОГО ЧИСЛА

В. Батшеву в день рождения

Откуда благодать
воскресного листа?
Короной хлопотать...
Не слезете с креста.
Четвертого числа
случится мой престол:
не пятками в леса,
а писарем за стол.
Сиреневый простор,
простило, не люблю...
Всем яблоням по сто,
а платью — по рублю.
Четвертое в поту:
такое накрутил...
Кто по миру — по льду,
лишь крестик на груди.
Колодой на весах
молитвенник зимы.
Четвертого числа
мы дети без сумы!
Мы дети без надежд,
о, Господи, за зов...
Калитки нам нарежь
и подари засов,
чтоб никакая блядь
за норов наш и прыть
не смела звезды мять
и стеклами стелить.
Мы те еще грибы,
которых не собрать.
Бюстгальтерам судьбы
не с молоком ли спать?

Я знаю, что смешон,
 что волосы в поту,
 но ёлкой наряжен
 который раз в году?..
 Вам свечи мне нести
 и рты не разевать,
 когда придут простить
 до майки раздевать.
 Итак, твоих имен
 слепая резеда,
 итак, любовь уйдем,
 не надо ни следа...
 Затылок ли чесать?
 По лестнице грешить?
 Четвертого числа
 повеситься и жить.

3 июня 1965

Владимир Гусев

МНОГИМ

Не войти, а вползти,
 Как
 вползают гады
 в заселенный домик.
 Не войти, а вползти
 Вам
 в скрипящий рублевками томик.
 На коленях плясать
 Суждено
 вашей бабе
 в молитвах.
 Не писать,
 не писать
 Вам на камнях,
 на соточных плитах.
 Не писать,
 не писать

начинаю с ночей
телефонами серыми
моей веры кадила.
Что у вас есть от сердца,
кроме валокардина?
Есть в ладонях глаза
на страницах журналов?
Это я не со зла,
я — подбитый журавль,
мне ведь поздно на юг,
меня льды окольцуют.
Серебристо прольюсь
в колокольнях сосуллек.
И как белая боль
остывают снега,
раздавая любовь
средам и четвергам.
Нас ноябрь повенчал —
пьяный архиерей,
но таилась вина
на висках январей.
Из подъездов бегом!
Двери настезь распахнуты...
И шрапнели снегов
прошивают лопатки.

2.

Ломается сухой ледок,
остывших ледников немилость,
вот так в ноябрь твоя ладонь
в ладони у меня сломилась,
вот так мне девять пуль в висок,
как очередь из автомата,
вонзил последний наш звонок,
последний,
самый,
понимаешь.

Купейная и не моя,
ты улыбаешься устало...
А на трапеции моста
ломается сустав состава,

и белый факельщик судьбы
 просыплет синь в незрячесть окон,
 а мне теперь не до судьи,
 а мне прожить хотя б до осени,
 дожить, как петли поездов
 на горло пыльное перронов,
 так перехватывают вздох
 твои забытые пароли.
 Луны браслетом позолоченным
 запястье трогает январь.
 Тебя забыть как целовать,
 ночные пальцы позвончика,
 как на полуденных щеках
 твоим ресницам не колотьяся.
 Немые клеточки считать
 мне остается,

остается

осколок солнечный в горсти
 тобою брошенного дома —
 как бы одною из шести
 тех, помнишь, апельсиновых долек,
 «Памир» забористый глотать,
 рассматривать стаканов грани,
 цитировать твои глаза
 по серым книжкам фотографий
 и думать,

ладно, не захочется
 морочить старые порезы.
 Не угадал, что так закончится:
 чужим прокуренным подъездом.
 И были на плечах веригами
 залого худеньких невест,
 а вместо грамоты вверительной
 под синим дождичком навес.
 Больная нота задрожит
 в расстроенном, как я, органе,
 ведь мне до пятниц не дожить,
 казнен я буду четвергами,
 уж туч готовы топоры,
 уже не нова солнца плаха,
 уже гнусавят тропари
 дьячки в засаленных рубахах,

и опустеет мой Грааль,
осыплется закатным маком
и треснет шея, как гранат,
открыв рубиновую мякоть.

31-ое МАРТА

Заплачет про ветры,
про синие почести.
Март — это проверка
моей неоконченности,
март — это премьеры,
ее доработают,
актеры примерят
лохмотья разбойничьи,
не надо, не трогайте,
касайтесь полегче:
их будет так много,
но этот последний,
ведь марту — мат,
и он ломает
березовую таль снегов,
восьмерки синие следов
ему замазывать, замаливать.
Он стынет, он к тебе в ладошку
забился, словно воробей,
не отогреть его ледышку
моей бессвязной ворожке.
А мы забыли, мы слукавили...
Так и не вымолив прощенья,
март умирал под каблуками
и праздновал твое рожденье.

* * *

Я у века — июльский паданок,
не захвален и не захватан,
выхожу я на улиц паперти
собирать медяки закатов,

и не надо сходить с ума,
надо просто сердце согреть,
как озябшие руки зима
греет у фонарей.
Я устал в зеркалах мерцать!
Ждет в аптеке меня стрихнин.
Есть на свете еще мышьяк,
есть на свете еще стихи.
Сунуть горло в петлю

Москва-реки,
заорут сумасшедшие: «Боречка!»
Все судьбой моей озабочены
доморощенные Макаренки...

Лягу под фонари фантомные
и взбесившиеся машины
наматывают меня на шины,
как Толстого на валик фонографа.

ПУШКИНСКИЙ СОНЕТ

Я, словно озимь, тайно возникал,
и заносились роковые плети,
но я не верил плевелам и сплетням,
я верил слов полночным сквознякам,
и начинали радужно сникать
тугие и заоблачные плески,
и падала серебряная плесень —
больные, бальные и белые снега,
а в них дымились головы тулупов,
прощай, Наташа, не сердись, голубчик,
что речка Черная обнимет вдовьим
крепом,
ах, как люблю моцартов этот реквием!
дрожала сосен стылая фольга,
и поднимался, как лорнет, наган.

Владимир Ковшин

* * *

Итак, узнав, что нужно умереть,
как умирают дни: светло и верно,
я понимаю — истина примерна
и время двери закрывать.

Зачем же вновь, зачем же все опять,
как вывеска разлапистой таверны,
шумливо, спутано и скверно?
Не время ль двери закрывать?

* * *

Сегодня Троица. Под дождик
бросаются звонки церквей.
Улыбку пряча в узкий ротик,
старуха кормит голубей.

И в духоту втоптав молитвы,
как крестик в золото фелони,
священник светит лбом открытым
сквозь свечек тусклые огни.

И Троица, и дождь, и золото,
Россия, Бог и дым голов,
и непроставленный на картах
хрипательный говор петухов,

и лоб, и свечи, и молитва,
и обмороченность толпы —
так ясно все и неоткрыто:
Россия, Молох и молитва,
Россия, свечи и мечты.

* * *

Как в горе я предельно беден:
дрожит рука и нету губ,
и голос оскорбленно туп,
и лба откос на плоскость сведен.

А в миске тлеет жалкий суп.
Как в горе в предельно беден:
и лба откос на плоскость сведен,
рука дрожит и нету губ,
и в миске тлеет жалкий суп.

* * *

Марине Ивановне Цветаевой

Тут пахнет медленною смертью
и звучной преснотой углов.
Пора подсчитывать улов
и озаботиться над сетью.

Мы — рыбаки. У нас не плачут,
а только пьют, и пьют, и пьют,
и песни жуткие поют,
и жизнями за песни платят.

* * *

«...и одели Его в багряницу.»

От Иоанна, XIX, 2.

«...но мужайтесь: Я победил мир.»

Упоенно цветет багряница,
побеждая протяжность волос.
Славен будь, нестрадавший Христос.
Алых роз величаво бесстыдство.

О, блаженная одурь креста.
(Что еще может грешнику сниться?)
Алой розой цветет багряница
на трепещущих бедрах Христа.

* * *

Одиссей возвратился,
пространством и временем
полный...

О. Э. Манделъштам

И пространство и время
в неясной печали слилось.
Одиссей улыбался
на грани решенного боя.
И тяжелые волны
вздымались и двигались вниз,
и качали корабль,
и качалось тяжелое море.

Но когда расцвели
неожиданных встреч повороты
в каждом камне,
в любом
измененьи куста,
стало жалко дорог
и так грустно качались полотна,
когда рыжий матрос
осторожно спускал паруса.

Одиссей, Одиссей,
как хотелось тебе в этот вечер
от Итаки забытой,
от ласковых всех Эвриклея,
снова шумом и светом,
и бранью наполнивши плечи,
откачнуться,
как парус,
в пространства знакомых морей.

Александр Миронов

* * *

И снова, в кандалах, — в Сибирь,
в себя: взрывать свои надежды,
и снова тянутся столбы,
и лица — те же, песни — те же.

Заупокойный хоровод
бредовых образов и писем —
пока выдерживал, но вот
мой прах мне бандеролью выслан.

О, Господи! Зачем теперь
позвякивать скандальной строчкой...
Кандальный лязг, пора потерь.
Стон двойника — из одиночки...

И все к чертям, но вот черта,
а если — за, — то пожалеешь.
Постой, ведь совесть нечиста...
Давай, ступай, да поживее.

И вот в лесах. Стереть клеймо,
принять свой прежний облик...
Опять в толпу. Опять — ремонт.
Опять — над голову — обух.

РАЗГОВОР С МАРКСИСТОМ

Кровавли! натуральные! мозолю!
подлицаюсь то рыжецов отречных
святоатцы и те, тунявые,
мод пошедшие падут в мусс!..
мена
ус задрав сует тсс!..

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

каркающий обвал
в прочной цепи облав —
двое — их обнял жар
стиснуты суетой
сколько раз отражал
камень порыв святой
камень — рванулся вверх
камень — как сердце — вверх!
липкую жгучесть век —
настежь — глазами вверх!
скоро — в тисках сожмут
скоро — вдвоем сожгут
скоро — взовьется стяг
скоро — сожгут — простят!
вечные сны Марин
идол неумолим...

* * *

Обесстрочила душу зима —
перемена погод и идей
уверяет, как будто — сама —
но в согласье с тобой, иудей.

Мой российский, с крестом на груди,
что еще ты нагородил?
Не Шекспир — а навязчивый сон,
колокольный рождественский звон.

Я наткнулся на чей-то костер
и ладони над ним распростер
и простил своих глупых убийц
я, живой — своих мертвых убийц...

Существуете вы или нет? —
я простил вас — простите меня.
Я не сам... Я по чьей-то вине...
я не вор... просто жертва огня.

Иудей, за орган, за орган!
За предел измельчавшей души.
Кто-то ночью, мне вторя, орал.
Он спешил, в неизвестность спешил.

Валерий Тарсис

ДУША МОЯ — ВРАГ МОЙ

Смолоду душа моя пела.

На все лады. Она была многоголосой не как орган, может быть, но всё же...

Не удивляйтесь, душа моя пела даже как меццо-сопрано, ибо сама была женщиной.

Я обладал гибким змеиным разумом, железными мускулами, шелковыми волосами Самсона, проникновенными глазами Иоанна Предтечи, закотившимися от восторга, когда он глядел с блюда на обнаженную Саломею.

И тем не менее я не совершил ничего гибкого, змеиного, железного, шелкового, и только слегка проник в самого себя, ибо душа обладала мною и весь мой актив пускала в оборот по своему усмотрению. Из этого можно сделать вывод, что ни волей к власти, ни импульсом к борьбе я не обладал.

Смолоду душа моя пела на разные голоса. Она вмещала всё решительно и всё, что попало. Поэтому она призывала меня ко всему — любить, драться, падать жертвой и вольно дышать. Я пел попеременно:

Любви все возрасты покорны...
Тореадор, иди скорей на бой...
Не плачь, дитя, не плачь напрасно...
Мы жертвою пали в борьбе роковой...
...где так вольно дышит человек...

И если я начну припоминать всё, о чем пела и к чему призывала моя душа, это может меня завести в такие дебри, откуда живьем не выберусь. Никому не посоветую предпринимать опас-

ные путешествия и даже просто поохотиться в дебрях души — того и гляди угодишь в трясины или омут.

Как все женщины смолоду, душа моя была изменчива и ветренна. Не лишена она была и смелости. Она не обращала внимания на разум, предпочитала с ним не водиться, поэтому мой змеиный разум был бездушен. Душа с ним только изредка играла, как кошка с мышенком, насладившись всеми его мускулами, нервами, горячей кровью.

С беззаботностью шаловливой девчонки она не раз предавала мой разум. Распинала его на кресте, воскрешала в святые ночи, устраивала ему пиршества, вознесение, усекновение главы, опьяняющие сретения со правдой и святой ложью, широкие масленицы, успения и великие посты, веселые мясоеды, венчала с собой на красной горке, отдавалась ему в душные медовые спасы и на тайных вечерах предавалась Иуде, даже не за тридцать сребреников, а безвозмездно. При этом она уверяла меня, что не делает ничего дурного, что все ее предательства и измены — плод моего расстроенного воображения.

И разум мой пасовал.

Я на всё соглашался и со всем соглашался.

Малу-помалу мой мужественный, но бездушный разум стал догадываться, что у души есть постоянный друг дома, какой-нибудь рассудок, этакая хитрая бестия, лишенный всех достоинств разума, но очень удобный для души, покладистый. Он не морщится всеми извилинами мозга, не терзает сердца, но все одобряет, подлизывается, даже готов произнести похвальное слово по поводу всех сомнительных авантур души.

Все чувства моей души думали по-своему, по каким-то малодоступным для разума законам душевной логики.

В расцвете своем душа моя разошлась вовсю и чуть ли не официально стала жить со своим рассудком, только изредка допуская разум в свои жаркие объятия.

Кроме того, она путалась еще с целым сонмом мелких демонов. Они учили ее зависти и злословию, двуличию и притворству.

Они явно пытались развратить разум. Они не могли примириться с его неприступной позицией.

Я страдал всё больше, она это видела.

Приближалась моя поздняя юность. А душа как будто не старела. Она удачно боролась со временем, легко сбрасывала его

ношу, в то время как разум сгибался под тяжестью памяти, накопившей целые горы сомнительных сокровищ.

Я уже чувствовал, что душа моя — враг мой, но не мог ее отвергнуть. Может быть, это глупо, но во мне всё еще царил старый долг верности.

Но я не сдавался. Я решил тщательно изучить противника и в подходящую минуту объявить ему войну.

Мне подсказал один мудрец:

— Если в результате тщательных исследований исчезли абсолюты, то единственный разумный путь, при котором возможен прогресс — это путь вероятностей.

Но нельзя жить с молнией.

И мой разум погрузился в омут души. На ее поверхности, словно желтые кувшинки, плавали обципаные лепестки правдоподобий. Мой разум в скафандре, смонтированном из непроницаемых материалов — правдолюбия и лжестойкости — отважно погружался всё глубже в омут души. Он кружился в кругах и спиральных водоворота, но его не в силах были закружить даже самые глубоководные течения. Мертвая зыбь не могла его укачать.

Душа моя смеялась и пела, как сирена.

Мой разум смутно тревожила мысль, что не останется даже малейшего следа от его сизифовой работы.

Тогда меня отвезли в больницу и поместили в отделение для безнадежных.

Где теперь моя душа — не знаю.

Но вот что странно:

Если душа моя безнадежно больна, если разум меня покинул, то кто же я теперь?

— Больной, — отвечают хорошенькие сестры.

Они-то меня больным не считали, у них был наметанный глаз, и я решил, что как больной могу позволить некоторые вольности. Если душа моя вернется и начнет меня толкать на крутые откосы, я с ней расправлюсь по-своему.

Утром на линейке дежурная сестра сказала, что я с ней заигрывал, и старший врач решил, что меня можно считать здоровым.

Душа моя опять запела. И когда мои глаза беспокойно скользнули по невидимым откосам, она говорит: — Не ищи, лучше меня не найдешь.

А эти — самые высшие ценности:
 Патриотизм и человеколюбие,
 Истину и демократию,
 Стихи и историю,
 Любовь и хлеб...
 Легконоги они, халтурщики,
 Куда ветер подует, туда и они.
 Подлое перекасти-поле, несутся,
 А подует обратный ветер,
 И здесь они впереди всех,
 Пенкосниматели.
 Ведь им нечего переоценивать,
 А потому они всегда веселые и
 удачливые.

И все их любят.

Сергей Морозов

* * *

Он придет однажды в коверкотовом пиджаке
 и протянет бумажку, как волку вслед
 охотник — жакан.
 А в этой бумажке написано, что меня нет,
 и что кости мои обглодал в пустыне шакал.
 Что не может плакать, не может плакать пурга,
 последние слезы выливши в океана Ледовитого
 подушку.
 И он мне скажет: «Я не хочу вас пугать,
 но все же подумайте.»
 Подумайте...
 Он придет однажды в коверкотовом пиджаке.
 Но почему вы уверены, что он придет
 не к вам?

* * *

Это льется в меня твоя боль и застенчивость
 голубыми глазами затушенных ламп.
 Это значит, что скоро за тонкими стенами

разразится весна, словно галочий гвалт.
И обреют с карнизов седые сосульки,
будто бороды старых петровских бояр,
и под гомон людей и проснувшихся улиц
тишина развернется, как тульский баян.
Поплывут по ручьям те плоты междометий,
где любое из бревнышек тихое «да».
Только б им проскочить между мартовских
мелей.

Да чужим плотогонам своих душ не отдать.
Но цветут ли сады на плоды без оглядки,
когда ночи на нет в лепестках сведены.
Вы простите меня, если в чем-то солгал я.
В этом больше весны, чем венозной вины.

СТИХИ О ГОЛУБОЙ ЛОШАДИ

Вл. Батшеву

Вот карусель устало кончит бег,
и выплеснут толпу ворота парка,
и Голубая лошадь станет пару
по всей земле отыскивать себе.
Она пройдет по храмам и дворцам,
по низеньким двухкомнатным квартирам,
квартетом ног встревожит лиру мира,
найдет тот двор и своего творца.
Он тихо спит на старом топчане,
и не понять, где волосы, где стружки.
Охлаждены ночью лунной стужей,
заботы стынут на его челе.
«Столяр! Столяр! Ты смастери коня,
чтоб был такой же голубой и русский,
чтоб зелень глаз была немного грустной,
и чтоб могли друг друга мы понять.»
Но спит столяр на старом топчане,
и не понять, где волосы, где стружки.
Охлаждены ночью зимней стужей,
заботы гаснут на его челе.

* * *

Когда умру, не надо, не жалейте.
Я тоже про себя не вслух тужил.
Но если жить вам станет тяжелее,
то значит, я здесь не напрасно жил.

В БОЛЬНИЦЕ

1.

Все это только половина,
все это только невзначай.
И тех, которых полонили,
своим начальством назначать.
Но их любовь — сама загадка.
Ее отгадка — нелюбовь.
А где-то в книге есть закладка
среди тисненых тяжких лбов.

2.

А койки белые, как льдины,
палата — ломкий ледоход.
И я прошу: «Ко мне прильните,
дохните доброю дохой!»
Ведь мой доход — одни царапины,
а мой расход — одни стихи.
А может, где-нибудь в Саратове
мои записаны грехи.
Но может, где-нибудь на площади
меня читает нищий вслух.
И в шляпе: белянькие грошики
несостоявшихся разлук.

* * *

Мне быть седым не по летам
в каком-нибудь холщевом списке.
Но мне удастся полетать,
где не сумеют ваши спины.

И пусть я раньше упаду,
но буду знать: Земля не плоска.
А может, мне идти по льду
в заката санную полоску?
Я не успею обласкать,
но все равно добром помянут.
И тихих речек голоса,
как травы осенью,
повянут.

МОНАШЕСКОЕ

Посвящается Ольге

Господи, помоги нам,
если Ты есть еще!
Господи, по могилам
счастья ведется счет.
Если пришли мы раньше,
значит ли, что не в срок?
Если Ты больше знаешь,
да от других не скрой.
Кончится ли, начнется,
главное — это жить,
как по ночам — на черном —
желтые этажи.
Кажется ли, на деле,
городу вопреки
все тополя недели
белые парики.
Тихо шурша, знакомо,
все облетают врозь.
Нам на земле законы
лишь исполнять пришлось.
В отблесках чьей-то спеси
больше не смог играть:
в близкое небо свесил
рыжую месяц прядь.
Чувствую и не сверяюсь
(полдни стоят ржаны):

трупы не все на свете
 дымные сожжены.
 Входит легко под гимны
 в чуткое сердце грусть.
 Господи! Помогите нам!
 Или же расстригусь...

Давид Самойлов

* * *

Не верь ученикам. Они испортят дело,
 Разнимут, раскрадут, растащат по
 частям,
 И опозорят дух, и похоронят тело,
 И не дадут в земле спокойно тлеть
 костям.

Не верь ученикам. За дверь их мирно
 выставь.
 Им посох вслед швырни, сложи с себя
 свой сан.
 Бунтуйся же, Христос! Гони евангелистов!
 И на Голгофу поднимайся сам...

Макар Славков

БЕЛЫМ-БЕЛО

Под белый флаг друзей не соберешь...

Я в белой эмиграции берез
 им раны перетягиваю натуго...
 Бетховена играет страсти радуга,
 покамест одного меня лишь радуя
 и согревая в мерзостный мороз...
 Я — в белой эмиграции берез.

Минувших лет седеющая тень
 хитросплетения наводит на плетень,
 размахивая плетью раболепия,
 пленила ослепительно нелепая
 лохань терпенья всех, кого не лень...
 Никто не благ.
 Но, слава Богу, не пил я
 ни капли из нее и в летний день.
 Всевьшний!
 Пыли в грудь мою не лей,
 коль грешен, иссуши и в петлю вдень...

Вокруг на сотни верст белым-бело...
 Безмолвие кричащее... Алло!!!
 Ночь зажигает звездное табло...
 Меня единоборство не ослабило, —
 стих белого каленья
 с кровью набело
 ложится грациозно-безалаберно...
 Ни пудры, ни помады не понадобилось...
 В наличии
 лишь
 зоркость и тепло.

Я
 в белой
 эмиграции
 берез
 стихи от стужи времени
 сберег!

Январь 1965

ГОРНИЛО ГОРЕСТЕЙ

Во мне сиротское и вдове,
 чрезмерное и чрезвычайное,
 отныне сложенное вдвое
 под сердцем обрело звучание...

Борис Слуцкий

* * *

Грехи и страхи,
Враги и овраги
Не стоят чернила,
Не стоят бумаги.
Не стоит чернила
Все то, что чернило,
Все то, что моральный
Ущерб причинило.
Пишите-ка оды,
Где слово «свободы»
Неточно рифмуют
Со словом «народы».
Пишите баллады,
Где слово «обеда»
Прекрасно рифмуют
Со словом «победы».
Я ваши таланты
Всегда почитаю
И ваши баллады
Всегда прочитаю.

* * *

У государства есть закон,
Который гражданам знаком.
У антигосударства
Не знает правил паства.

Держава, подданных держа,
Диктует им порядки,
Но нет чернил у мятежа.
У бунта — нет тетрадки.

Когда берет бумагу бунт,
Когда перо хватает,
Уже одет он и обут
И юношей питает.

Отраду старым подает.
Уже чеканит гривны,
Бунтарских песен не поет,
Предпочитая гимны.

Юрий Стефанов

Четыре отрывка из поэмы

«СОШЕСТВИЕ ВО АД»

1.

За водку и сало,
от жути немея,
отчизна плясала,
как Саломея.

В сраме и блюде
совесть поправ:
тыща на блюде
срубленных глав...

Головы эти
видите, люди? —
Тысячелетье
славы на блюде.

Тысячеглаво
чудное чудо:
лик Святослава —
красное блюдо,

лик Феофана —
блюдо громов,
блюдо тумана —
инок Рублев.

Грозны и дики,
смотрят угрюмо

Никона лики
и Аввакума

С плахи стола,
с окровавленных блюд...
Колокола
по загубленным бьют.

Смертного часа
колокола:
Ироду Спаса
Русь продала...

II.

Пытки и сечи —
время Саргона:
из человеческой
кожи попона,
содранной кожей
обит кабинет, —
как ты похожа
на этот рассвет!

Сечи и пытки —
время Батые:
стонут кибитки,
церкви святые
с содранной кожей —
— праздник зверью, —
как ты похожа
на эту зарю.

III.

Я слышать не в силах
такие слова:
Россия, Россия...
Россия мертва...
Мертвы ее хаты,
овины, луга,
рассветы, закаты,

гармошки, стога,
мертвы ее кручи,
лощины мертвы,
мертвы ее тучи
среди синевы,
мертвы ее грады,
деревья, трава...
И недруги рады:
Россия — мертва!

IV.

О, Господи Боже,
молитву услышь!
Я знаю — Ты тоже
со мною скорбишь,

и мне одному
Ты укажешь пути —
в подземную тьму
за Россией сойти.

По скользким ступеням
я тихо сойду
к России в геенне,
к России в аду.

Приблизусь несмело,
скажу чуть дыша:
— Тебе мое тело,
и кровь и душа!

Склонюсь к изголовью:
и слезы, и гной
моею ты кровью,
Россия, омой,

и на половины
мне плоть раздери,
и, словно холстиной,
лицо оботри,

и в славе, и в силе
иди на звезду.

Я вместо России
останусь в аду!

1963

Аркадий Усякин

ПРИТЧА ПРО ТЕХНИКА ГРИГОРЬЕВА

Я шел по дороге сквозь солнечный дождь. Мне казалось, что вокруг цветут персиковые деревья. И еще мне казалось, что я начал понимать что-то, чего люди еще не понимали. Но это был лишь сон. А вокруг цвели персиковые деревья. Тысячи деревьев. Но их было слишком много. Даже во сне никогда не цветут тысячи персиковых деревьев сразу. Как наяву невозможно понять того, чего еще не понимают люди.

И встретил поэта и спросил у него:

— Цветут ли персики на земле весной?

И он ответил мне:

— Цветут! И это сказка. Это тысячи белых цветов, благоухающее море божественной красоты. Я напишу стихи!

Но я не поверил поэту. Я встретил философа и спросил у него:

— Цветут ли персики на земле весной?

И он ответил мне:

— Необъясним процесс цветенья. Но цветут. Ласкают взор.

Но я не поверил философу. Я шел по дороге и увидел крестьянина, окапывающего деревья. И спросил у него:

— Цветут ли персики на земле весной?

Но крестьянин окапывал деревья и ничего не ответил. Только устало покачал головой.

И я не поверил ему. Я шел по дороге сквозь солнечный дождь, и мне казалось, что я начал понимать что-то, чего люди еще не понимали.

* * *

*

И встретил Бога. И Бог спросил меня:

— Цветут ли персики на земле весной?

Я спал и снились мне цветущие персиковые деревья.

* *
*

Мир стоял погруженный в сон. Как стоячее болотце. Лишь с бульканьем вырывались пузыри и лопались со свистом. Все в мире храпело и со свистом выпускало воздух, натруженно работая легкими.

Было раннее утро. И была тишина. И все вокруг имело вид добротный и крепкий. Суть каждой вещи как бы написана на ней. И вещи щеголяли своими ярлычками и тихо позвякивали ими, как медалями. В воздухе стоял благовест.

Раннее утро. И вдруг тишину разорвал какой-то ошалевший от сна гудок. И беззащитная тишина умерла. Тихо, как и подобает тишине. И все предметы сразу устыдились своей выпученной рельефной сути, спрятали ее куда-то в себя. И все опять обрело скучный обыденный вид. И никто не заметил, как ушло от людей чувство утреннего покоя. Того покоя, когда все безоговорочно хорошо, а дела, ежедневно заполняющие мир, еще не вторглись в людей со всей своей наглой откровенностью.

Было утро. В мир входили дела. Я проснулся.

Солнце еще не вошло в комнату. Стоял светлый утренний полумрак. Было хорошо. Почти хорошо. Как всегда, чего-то не хватало до полного счастья. Чего-то не хватало.

И вдруг появилась мысль. И странная эта мысль подталкивала меня куда-то. И я испугался. Испугался какой-то неожиданной перемены, происшедшей во мне. А потом пришло странное ощущение.

Я почувствовал, что у меня нет больше правой руки.

Я лежал не шелохнувшись, накрытый одеялом, и ждал. Несколько секунд я лежал неподвижно, закрыв глаза, и ждал. И пытался понять то, что понять невозможно. Хотелось кричать от боли. От какой-то страшной тоскливой боли. В сознании хаос. Гнетущий всеобъемлющий ужас.

И я лежал так, закрыв глаза, и уже твердо знал, что у меня нет руки. И тогда посмотрел.

Обрубок выше локтя. Обрубок и ничего больше. Просто культяпка.

Меня трясло. Было очень холодно. И по всему телу выступил холодный пот. И было ощущение огромной мерзости того, что я лежу здесь, в холодном поту, с культяпкой вместо руки. С культяпкой, которая тоже покрылась холодным потом.

Я закричал. И меня поразил собственный голос. Может быть, потому, что все происходившее казалось мне сном, кошмаром. Но

когда я услышал свой собственный голос, я понял, что это не сон. И тогда до мельчайших подробностей я представил себе всю свою будущую жизнь. И она показалась мне настолько страшной и, в то же время, такой тоскливо-однообразной, что захотелось умереть. Я не знал как, но очень хотел умереть.

Вся моя жизнь была цепью нелепых случайностей, которые заставляли меня испытывать какой-то подсознательный страх. Страх перед собственной жизнью. Я всегда боялся ее. И жизнь, наверное, чувствуя это, постоянно глумилась надо мной. И сейчас! Ну почему я? Всегда я?! Все беды, маленькие и большие, всегда на меня!..

Но как же это случилось? Что произошло?

Я спал... Потом проснулся... Потом почувствовал что-то... Нет, не боль. Физической боли я не чувствовал вообще. Просто мне показалось, что у меня нет руки... А как же боль? Как без боли? Ведь ЭТО не может быть без боли! Мне должны были отрезать руку... Кто? Кто должен? Почему?!

Мне казалось, что я начал тонуть. Что я плыл где-то в море. Плыв и вдруг оказалось, что я не имею на это права. Кто-то сказал, что у меня нет руки и поэтому я должен утонуть. И я тонул, тонул мучительно долго. И болезненно воспринимал каждый сантиметр моего погружения куда-то вглубь, в какую-то бездну. Стало трудно дышать. Я очнулся.

Моя комната несколько не изменилась. Все было по-прежнему. Уже наступило утро. Монотонный гул ожившей улицы врывается в окно.

Было утро. Дверь со скрипом приоткрылась, и в нее заглянул человек. Несколько секунд он, не мигая, смотрел на меня, и это было почему-то приятно. Да, приятно, когда незнакомый человек заглядывает утром в комнату другого человека, у которого нет руки, и улыбается при этом.

А потом он открыл дверь и несмело вошел. Он был небольшого роста и очень сильно сутулился. Может быть, поэтому, стараясь держаться прямо, он спрятал руки за спину. Так он и стоял, неуверенно переступая с ноги на ногу, держа руки за спиной и тихо посмеиваясь. У него было удивительно доброе лицо и тихий смех, похожий на приглушенное покашливание. На несколько секунд я даже забыл о своем несчастье, так обрадовал меня приход этого человека. Тихий его смех успокаивал, а добрые глаза заставляли забыть обо всем.

И когда он подошел ко мне, я даже привстал, опираясь на свою единственную руку. Мне вдруг страшно захотелось, чтобы

он погладил меня по голове и сказал что-нибудь такое, чем старые добрые люди утешают плачущих детей.

— Хочешь? — спросил он и чуть наклонился надо мной так, как будто действительно хотел погладить меня.

— Что? — спросил я.

Он ничего не ответил, а его руки каким-то образом оказались перед моим лицом. А в руках он держал сверток. Что-то продолговатое, завернутое в газету.

— Хочешь? — опять спросил он и стал медленно разворачивать сверток.

— Да, — ответил я, — хочу.

И тогда газета упала, и в его сухих стариковских руках осталось лежать что-то. И я увидел вдруг свою руку.

Это была моя рука...

И я решил убить этого человека. Убить во что бы то ни стало...

И я убил его. Я проткнул ему горло ножом. Когда я убивал его, он смеялся. Смеялся своим тихим колючим смехом, похожим на кашель. А потом затих. И только что-то булькало в его горле...

Он даже мертвый продолжал смеяться.

* *
*

Я опаздывал на службу. Бежал по улице, потом ехал в переполненном вагоне метро. Я очень торопился и не позавтракал дома. Но теперь в метро, при мысли о еде, меня тошнило. Какая-то муть стояла в голове и желудке.

«Ну что это со мной? — думал я. — Не выспался, что ли?.. Или нет. Просто меня тревожит что-то. Но что?.. Ах, да! Ведь я же полчаса назад человека убил. От этого мне и нехорошо. У меня руки в крови.»

— Да у вас руки в крови, Сережа! — сказала мне моя сослуживица, когда я вошел в свою комнату. — Где это вы так перепачкались, голубчик? Опоздали, да еще в крови перепачкались. Аккуратней надо быть, любезный, аккуратней. Вот и вчера чернила на мой стол пролили. Ведь это вы пролили? Ну сознайтесь, голубчик, вы?

— Чернила? Это я. Это я пролил чернила, простите меня.

— Так зачем же вы ножом, Сереженька, — сказал другой сослуживец. — Ножом-то зачем? Да еще в горло. Ну зачем же в горло? Вот и перепачкались. Немудрено.

— Да, ножом. В горло, правильно. Только почему же вы знаете? Я не рассказывал еще.

— Знаем. Мы, Сережа, все знаем... Старичок этот к вам два раза приходил, а вас все дома не было. Он монтер, этот старичок. Придет, пробки проверит и уйдет. Служба у него такая. Вот и пришел пораньше, чтобы дома застать. А вы его ножом. Чего уж там рассказывать. И так понятно.

— Да чего ж понятно?

— Так ведь сверточек у вас. Сверточек-то зачем прихватили?

— Господи, какой же сверточек-то?

— Да сверточек, что в руке держите, экий вы непонятливый. Уж без руки, так без руки. И нечего ее с собой в учреждение носить. Ведь все равно не поверят, непорядок только. Раз уж опоздал, значит выговор!

* *
*

КТО ЖЕ ВАМ ПОВЕРИТ! НИКТО...

Москва-Петроград
62-65 гг.

Михаил Шелгунов

ДЕНЬ, ПРОЖИТЫЙ ЗАВТРА

(новелла пятая)

— Я не вижу ваших глаз, — сказал Сергей и спрятал руки за спину. Склонив голову, посмотрел на меня. — Вы зачем зарисовали глаза? Вы боитесь?

— Словно ты бык, Сережа, — сказал я, — глаз моих не увидишь. Я зарисовал их. — Сергей вскинул руки и сказал: «Ты хороший.»

— Боже мой, — крикнул он, — зачем же? — И хотел сказать что-то еще, но не смог, лишь губы дернулись в судороге два раза.

— На вашем месте я просто пожаловался бы его матери, — произнес кто-то, стоящий сбоку.

— Ты слышишь, Сережа, — сказал я, — я мог бы пожаловаться твоей матери, но мать твоя умерла.

Сергей сделал два шага в сторону и, улыбнувшись, тихо про-

говорил: «Негодяи. Вы давно ждали этого, чтоб еще раз напомнить мне о матери. Бедная женщина.» — Быстро присел и посмотрел на меня снизу.

— Воистину бедная женщина. Единственная радость ее — любовь к Богу. А вы... — он засопел, — гады вы, вот кто.

— Не надо, Сережа, ругаться, этим не поможешь, — произнес голос сбоку.

— Как же так, а? ведь глаза-то знаю, — загнусавил Сергей, чуть не плача. — Они у тебя серые были, как потускневший свинец, они уже не сверкали тогда.

Он схватил меня и притянул к себе, дрожащий, всхлипывая. Обнял рукой, а другой нежно повел по лицу, слегка прикасаясь трепетными пальцами, и заплакал, бурно, со злостью, всхрапывая, как плачут мужчины, когда уходят от них навеки полюбившиеся женщины.

И ничего не мог сказать я, только сдавленным голосом твердил одни и те же слова:

— Сережа, ну не надо, не плачь. Ну замазал... не виноват я, надо было... Сережа... кончай, ну что ты...

Но не слушал Сергей, медленно сполз ко мне, обхватил мои ноги и целовать их начал. И противно стало мне, тихонько оттолкнул его и отошел шага на три. Пиявкой начал извиваться Сергей, дыша натуженно, будто задыхаясь. Перестал он плакать, только иногда вырвется грудной крик и всё.

Затих. Приподнял голову и внимательно посмотрел на меня.

— Родненький! — внезапно крикнул он и вдруг истошно, с надрывом: — Да покажи свои глаза! Чертово пространство!

Стиснув зло челюсти, губы, как две змеи, омерзительно извивались, он поднялся, протянул руки и, словно слепой, сделал два неуверенных шага.

— Тяжелая история, — проговорил голос сбоку, — очень тяжелая.

— Да, все печально, — сказал другой голос.

Сергей оглянулся.

— Вот как, — заговорил он тихо, — покрасил. Я знаю, ты хороший, просто Господь Бог наказал тебя — отнял всю силу, и душа твоя стала безвольной, словно созревшая кухонная тряпка. Эти двое, где они? Я слышу только голоса. Сволочи они, слышишь, сволочи! Приманили тебя!

— Ты не виноват, — продолжал он, — знаю тебя как свою душу. — Он стоял печальный, грациозно опустив голову на грудь.

— И это поколение позорит имя Христово.

- Эстафета. Полвека и все галопом.
 - Сколько еще?
 - До светлого царства. Но навряд ли остановятся.
 - Не устали?
 - Где уж там. Обгоняют время.
 - Трудно им.
 - Да. Не приведи Господи еще раз увидеть это. Закрашивают глаза!
 - А Сергей?
 - Окончит институт и тоже закрасит.
 - А что, так легче?
 - Да. Быстрее бежишь.
 - А Сергей все свалил на Бога.
 - В чего-то верить должен.
 - У них цель есть, это хорошо.
 - Давай лучше помолчим. Нам-то что. И так все ясно.
 - Давай.
- Голоса затихли.

И снова тихо, будто уши воском заложило. Сергей стоял рядом и всё пытался заглянуть в лицо, чтобы хоть как-нибудь найти те неуловимые изменения, по которым можно определить мое настроение, когда глаза покрашены. Он почему-то засмеялся, но потом перестал. А я думал: «Святые люди давно исчезли, ушли. Надо их догнать. Привести и показать все, а потом со злостью схватить за горло и говорить: «Посмотрите, что ваша святость сделала.» Зубами раскрошить обнаруженный мир и недалекую святость поколений. Неистощима выдумка поколений на доброе. Показывает человек, а потом ругается и плюется, злобно мечтает, как другим будет хорошо. Сергей это понял. Он уже спел реквием, милый ребенок. Жаль его, будет ходить одинокий со своей совестью, да разве совесть может подсказать. Перестала быть совесть путеводной звездой, истина давно перестала пугать. Она еще бьется где-то в агонии, но скоро конец.

- О чем думаешь? — спросил голос сбоку.
 - О Машке-пташке, — сказал другой голос.
 - Ишь, кобелина, — удивился голос сбоку.
 - Не охотно, но поверю, — сказал другой голос.
- Что-то грохнуло, завертелось и пошло к черту.

Откуда-то потянуло свежим ветерком, зашелестели тихо березы и так грустно, что, казалось, целый хор лесных девушек поет печальную песню о своих погибших братьях. Будто ожила дав-

нишня и прекрасная легенда, которую обычно рассказывают карпатские старики молодым пастухам где-то у ночного костра и очень высоко в горах. Небо, только что умытое, голубое, уже снова готовилось к дождю, тщательно закрашивая голубые пятна белесыми красками. В воздухе бесконечно носились желтые листья, сорванные ветром. И вот сначала медленно, а потом все быстрее застучали прозрачные капли дождя по белому эмалированному тазику, который сиротливо лежал около заброшенной лесной избушки. Блям-блям-блям, — звонко пели дождевые капли, лихо барабанив по тазику. А он был такой чистенький, беленький, словно носовой платочек пятнадцатилетней девушки из хорошей семьи. Я смотрел на этот тазик, на эту избушку и слушал удивительный шелест берез. Мне было немного грустно от неясного чувства, которое незаметно вкралось в меня, когда впервые увидел я это место. Это было похоже на сказку, где жили воздушные феи. Это было похоже на сказку, где жили сердитые медведи. И казалось мне, сидит в сухонькой избушке Мишка, а в лапах у него пряник. Он ест этот пряник, а сам смотрит в окошко: ждет меня, когда я переступлю порог избушки.

Хитер этот Мишка, поймать меня хочет, чтоб потом съесть.

март 1965

Леонид Школьник

МАЛЬЧИКИ

Будут мысли,
как мячики
Прыгать мошками
куцыми —
Мы лобастые мальчики
Никакой революции.
Отсоветовшись с
совестью,
Засвященной
засовами,
Ходим мы,
зелью сосен,

Нам,
 отбитым отблесками окон
 от кричащей
 красной западни.
 Нам, отпетым, выть —
 в осколках-локтях,
 зажимая желтые мечты.
 Мы в татарском топоте тонули,
 а потом огонь, огонь, огонь.
 Семь столетий
 вытянули,
 дотянули,
 ГДЕ ЖЕ ТЫ, ТРОЯНСКИЙ КОНЬ?
 Почему,
 по черному асфальту,
 весь-ура,
 по челу расчерченного
 царства
 не проскачешь?
 МЫ ЖИВЕМ,
 ПОКА.

Владимир Эрль

* * *

в глубине ладони взгляд
 внимательно нежен
 заключенный в ладонь
 как бадья в глубь колодца
 как человек в глубь двора
 маленького двора среди высоких домов
 поднимающихся вверх
 подобно перстам руки
 подобно перстам руки
 которая держит что-то
 в ладони
 как каплю росы
 наверное взгляд

* * *

солнца над холмом корона
краем своим
над пнем изо мха корона
пустила в небо корни
солнце пустило в небо
обросшие мхом корни
корни ввысь
в вас
в вас пустило корни

* * *

Коварная вера прав
стекала в глубокий ров,
стекавшая с губ кровь
сказала: убить прав.
И я обернулся назад:
там, в тишине песка,
сиреневая тоска
таращила круто глаза...
Потом удалился в лес,
в сиреневые листья,
но остались здесь
глаза моей тоски...

И из-за морей синева
всходили печалью глаза.
Меня пытали не вы ль?
Отточенностью игл зла?

* * *

а за окном деревья из-под снега
чернели будущим углем
и Пушкин
он недалеко стоял
из дома выходили люди и шли

на площадь
 тоска их гнала под тень под свод под
 крест

архангел там
 смотрел на землю
 на опрокинутое небо
 прощающее все
 и проклинаящее
 тоже все
 не мог он вынести призыва
 и вниз карнизов мимо и окон с рожжами
 зевак
 полет был плавлен душу наполнял
 безудержным весельем
 и звал и плакал и смеялся
 но сверху крест летел
 догнал летящего и придавил
 за полсекунды до земли
 и вмял в асфальт останки
 наутро
 здесь перьев не лежало от крыл
 архангела

их ночью
 наверно дворники убрали
 он не из мяса не из жил и не из духа
 и в морг везти не надо было никого
 поэтому все в урны и помой
 и столп пустым остался посреди
 Дворцовой площади торчать
 свидетелем забывчивым
 того что было

* * *

P.

Ласковый всплеск... Желтый песок...
 Рассвет золотистого дня...
 Волны лепечут, играя,
 маня
 в объятья свои...
 О, соловьи,

с глазами голодного льва.

Это они —

синие дни.

Это они —

слова.

САШЕ МИРОНОВУ

«Одна из просек...»

А. М.

уходит в небо просека
уходит в небо — разная
и словно с крыши бросившись
молчат панели грязные

от боли — не от света
упавшей с неба просеки
где человек — калека
и где слезинки — росы

но встав дрожащим бликом
поднимешься на цыпочки
и сбросишь с плеч цепочки
далеко — или близко?

а просека — разбросана
сама или колосьями

Марк Эдвин

МЕТАМПСИХОЗ

(переселение душ)

«Туземцы Ванкуверова острова считают душу живого человека способной входить в тело других людей и животных и свободно выходить оттуда. ...Некоторые думают, что после смерти их души войдут в тела животных...»

Э. Тэйлор. «Первобытная культура»

Его душа переселилась в рыбу.

Мгновенный путь через телесную боль.

Темнота. Тишина. Споко-о-ойствие.

В уюте желудка — такие мягкие, такие теплые стены. Так эластично. Шторм? На глубину уйдет она — рыба. Желудок — рыбий.

Его душа переселилась в рыбу.

Когда в его теле была его душа — БЫЛО:

Море — ласковенькая твердь, колеблющаяся всею плоскостью, желтенький песочек, беленькие кругленькие камешки, а вот плоский: раз... два... три... че... утонул, круги какие-то кривые, растворяющиеся в зыби круги.

— И вовсе это не море. Ха-ха-ха. Обманул я вас. Ха-ха-ха-ха. Не море. Озеро это. Озеро такое большое.

Небо голубенькое с пухлыми облачками — ангелочками — морское, или нет, степное. Или небо пустыни. Или нет, в пустыне нет ангелочков. И в море нет ангелочков.

Море. — Пустыня.

Голубенькая водичка. — Желтенький песочек.

Пустыня движений. — Пустыня стояний.

Море движений. — Море стояний.

Динамика. — Статика.

Физика?

Нет.

Штиль бывает на море. — Буран бывает в пустыне.

Христос шел по морю и по пустыне.

(БЫЛО)

« А я хочу человека, привязанного к столбу. Руки назад. И глаз человека — большой, коричневый. Два глаза — больших. А

мне — ножичек, маленький, остренький такой ножичек. А потом в руке моей — глаз, такой большой, коричневый, катается по ладони, как шарик ртутный, как сердечко бьется, а потом два в ладони, два глаза катаются, трепещут, как два шарика ртутных, вот-вот сольются.

— Почему не смогу? Извиваться будет? Ах, морально... Ничего. Смогу.»

(БЫЛО)

А вы слышите песню — русскую. Вы слышите песню, голос — (женский) — тоски. Тоску вы слышите — женскую — человеческую. Тело в рыданиях слышите. Тело в рыданиях под березой: Боже мой, Боже, помоги мне, что делать? Боже, помоги, — Чему? — Не все ли равно: Боже мой, Боже... Вы слышите песню. Радость — Песня? Тоска — Песня. Тоска — вот, вот тут. Взвуйте — и Песня вот отсюда и в траву, в под березу, в ствол — головой, в землю, в небо. (Боже, милый, помоги, милый мой, любимый, Го-о-осподи!) Церковь — деревянна — без единого гвоздика — Песня. Помяни мя Господи во царствии Твоем. Поймите песню — музыку — поймите — примите. А чтоб понять, надо...

(Боже, как же теперь? Солнышко ты мое ясное...)

А солнце ниже, ниже. Но оно еще солнце — еще ярко-ослепительно, и никто не смеет взглянуть на него, словно дочь царская едет сквозь толпу, и все — очи книзу, книзу — смерть дерзкому глазу, посягнувшему на чистоту ее. — Смерть. И глаз этот — Песня. А вы долго будете слышать тоску, голос — женский — немного вибрирующий — долгий... тоску царскую — тоску холопскую, а солнце ниже, ниже...

(БЫЛО)

...и вдруг ритм вагона, ритм людей в вагоне, их восковые лица перебивает, перевирает — встречный; поезд, кромсающий на куски законный пейзаж.

Художник смотрел. Он сидел в конце вагона и видел матовые профили, лица, серые затылки, будничные одежды.

В месиве заката и железа мелькание солнца за окнами, мелькание солнца на лицах.

(Художник считался плохим, считался бездарным. Его обобщения считались грубыми, а простота убогой).

Художник смотрел. Он сидел в конце вагона и видел всех в затылок, в профиль, в лицо. Видел: мгновенное преобразование серых лиц, свечение и угасание волос и одежд в мелькании встреч-

ных вагонов, выбитые из ритма глаза, зловеще вспыхивающие в мелькании закатного солнца.

Железные глаза устремились к художнику. Двуглазые лица, одноглавые профили и безглазые затылки ринулись на него. Его глаза яростно сверкнули атакой, но он сдержал их — и смотрел. И почувствовал в своих глазах то же мелькание, почувствовал, что и они бросились на кого-то. И он увидел своих противников. Два черных зрачка в сером, стальном обрамлении вспыхивали малиновым светом, вспыхивали и гасли в ритме встречного поезда. Мелькание в черных зрачках, будто импульсами подчинило его застывшее зрение.

Он закрыл рукой глаза и в его черном воображении беспорядочный ритм загрохотал малиновыми взрывами... и с последним встречным вагоном беспорядок стих, прежний ритм воцарился в теле, в вагоне, в матовых лицах, профилях, затылках.

Искромсанная природа за окном, закатный лес и на границе его с солнцем малиновый диск солнца потянулись в прежнем ритме...

...Художник пришел домой и взял белый холст.

Нарисовал на нем перемежающиеся малиновые и серые полосы.

Из разноцветных кусков пластилина гнусного серого тона вылепил несколько человеческих фигурок.

Разрезал фигурки под разными углами и прилепил к холсту.

Вот всё, что он смог сделать.

(БЫЛО)

«Лучше знать горькую правду, чем оставаться в неведении».

«И, значит, не будет толка от веры в себя да в Бога».

И. Бродский

Неведение кончилось. Горькая правда известна.

Известен факт, известны причины, следствия, понятны выводы, ясны действия. Наконец, известно будущее.

Известно то, что будет.

Известно ЧТО будет.

Неизвестно: ГДЕ, КАК, КОГДА.

Известно почему.

Неизвестен срок. Неизвестно отпущенное на ВСЕ время. А кто отпускает его?

Из каких цепких лап тянется тоненькая ниточка, тоненькая,

но крепкая ниточка времени... и все думают, что она обрывается, а она просто-напросто кончается.

Самого начала жизни не помнят, не помнят того узелочка в начале нити, за который потянули наше время, нашу жизнь.

Помнят себя лишь с тех пор, как сами начинают тянуть эту нить. Сначала робко, потом быстрее, быстрее, беспорядочно хватая ее, стараясь вытянуть как можно больше, как можно скорее, порой не обращая внимания, не оглядываясь на ее запутанный и неровный путь, а потом начинают тянуть медленней, осторожней, аккуратней, надеясь, что она не оборвется, а она и не обрывается, она просто-напросто кончается.

И всё же, оглянувшись на каком-то участке этой нити, увидев возникающее из обрывков воспоминаний СВОЕ время, время, выходящее из обрывков воспоминаний и смутных нелепостей детства и продолжающееся в четкости дел, в четкости накопления самого времени, времени жизни, и наконец подходящее, со всей значимостью последних фактов, к этому мгновению самоанализа, и уходящее вперед, в обрывки надежд и мечтаний, в широком секторе ближайшего и в безграничности будущего (вернее, не в безграничности, а в неизвестности границы) и вот, увидев смутное начало этой нити, ее четкий путь в прошлом, хочется вытягивать ее из неизвестности всё больше и больше и переводить ее из будущего в прошлое сообразно своим мечтам и желаниям и наконец вплотную подойти к этой границе, границе отпущенного времени, но ни в коем случае не переступить ее, только подойти к ней вплотную, но ведь граница-то неизвестна... и последний кончик жизни быстренько юркнет где-то внутри, вплотную, и будет казаться, что нить оборвалась, но она просто-напросто кончилась.

(Кончается у всех, и все это знают. И все тянут ее до конца, и лишь немногие решаются порвать ее).

А если видеть нить будущего, меж двух узеньких параллельных линий, из неизвестности выходящих и в безграничность (вернее, в неизвестность границы) уходящих, если вместо надежд впереди — факты. Ничего сзади и ничего впереди (ничего нового)...

* *
*

В квартире сильно пахло газом, но он был еще жив. (Его душа переселялась в рыбу. Произошла ошибка).

Через месяц его выписали из больницы, и он прожил двадцать шесть лет.

12 июля 1965

О Г Л А В Л Е Н И Е

журнала «Сфинксы»

ОТ РЕДАКЦИИ		9
Э. Кэммингс	— Отец мой шел сквозь рок любви перевод Бориса Александрова	11
Владимир Алейников	— «Я от вас никуда не уйду...» Бог обращается к речи «У каждого пойманный бег...»	13 14 15
Владимир Батшев	— «Оглядываюсь на забытое прошлое...» Марсово поле Канатоходец	16 16 17
Александр Васютков	— Отрывки из поэмы «Боголюбовская сказка»	18
Юлия Вишневская	— Письмо Андре Жиду	21
П. Владимиров	— «Стоят церквушки по Руси...»	23
Александр Галич	— «Облака плывут, облака...» Уходят друзья Молчание — золото Домашняя еврейская	24 25 26 27
Евгений Головин	— Песня старых партийцев	28
Леонид Губанов	— Нормальный как яблоко Четвертого числа	28 31
Владимир Гусев	— Многим Раздумья	32 33
Борис Дубин	— Вариации 31-ое марта «Я у века — июльский паданок...» Пушкинский сонет	34 37 37 38
Владимир Ковшин	— «Итак, узнав, что нужно умереть...» «Сегодня Троица. Под дождик...» «Как в горе я предельно беден...» «Тут пахнет медленной смертью...» «Упоенно цветет багряница...» «И пространство и время...»	39 39 40 40 40 41
Александр Миронов	— «И снова, в кандалах, — в Сибирь...» Разговор с марксистом Памяти Марины Цветаевой «Обесстрочила душу зима...»	42 42 43 43
Валерий Тарсис	— Душа моя — враг мой	44
Артемий Михайлов	— «Если ты не был в концлагере...» «Хорошо быть халтурщиком...»	47 47
Сергей Морозов	— «Он придет однажды в коверкотовом пиджаке...»	48

	«Это льется в меня твоя боль и застенчивость...»	48
	Стихи о голубой лошади	49
	«Когда умру, не надо, не жалейте...»	50
	В больнице	50
	«Мне быть седьм не по летам...»	50
	Монашеское	51
<i>Давид Самойлов</i>	— «Не верь ученикам. Они испортят дело...»	52
<i>Макар Славков</i>	— Белый-бело	52
	Горнило горестей	53
<i>Борис Слуцкий</i>	— «Грехи и страхи...»	55
	«У государства есть закон...»	55
<i>Юрий Стефанов</i>	— Четыре отрывка из поэмы «Сшествие во ад»	56
<i>Аркадий Усякин</i>	— Притча про техника Григорьева	59
<i>Михаил Шелгунов</i>	— День, прожитый завтра	63
<i>Леонид Школьник</i>	— Мальчики	66
	Троянский конь	67
<i>Владимир Эрль</i>	«в глубине ладони взгляд...»	68
	«солнца над холмом корона...»	69
	«Коварная вера прав...»	69
	«а за окном деревья из-под снега...»	69
	«Ласковый всплеск... Желтый песок...»	70
	Саше Миронову	71
<i>Марк Эдвин</i>	— Метампсихоз (переселение душ)	71

Алла Кторова

Х. и Г. Ж - м

СКОМОРОШКИ

(ГЛУМ)

«Попреблагорассмотрительствующегося»

(Лесков)

Мысль эту можно боле пояснить...

ПРОГРАММА

1. Не бойтесь Вирджинии Вульф	4. Мышь с колокольчиком
2. Медвежий ремиз	5. С.П.Б. — Р.В.С.
3. Сапоги	6. Цыганочка Надя
7. Жасмин в темноте	
-

НЕ БОЙТЕСЬ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ

Не бойтесь. Не бойтесь Вирджинии Вульф. Не пугайтесь того, что она слышала, как птицы разговаривают у нее под окном по-гречески. Что тут удивительного? Я и сама каждый вечер беседую на арамейском языке с Ши-Цзы, сфинксами.

Из города Фив, из Египта привезли их, двух каменных собак в колпаках. И до сих пор стоят они перед Академией Художеств в Ленинграде. По преданию: пока в этих сфинксах живое сердце не затрепещется, до тех пор чтоб ничему настоящему не быть, а быть все только как для виду...

Не надо бояться Вирджинии Вульф.

А бойтесь Ши-Цзы, — каменных собак в колпаках.

Сердце их — камень на дне горной реки.

И с каждым годом этот камень становится все холоднее.

* * *

Если кто-нибудь спросит вас, куда девалось время, — ответьте, что его больше нет и не будет. Оно убито и похоронено в Ленинграде, около Академии Художеств, под египетскими сфинксами Ши-Цзы.

Убийца времени, — я.

И подлежу суду.

И со мной пойдут под суд: обезьяна (шпынь-лютер), ученая коза, медведь и мышь с колокольчиком.

* * *

А пока, между прочим...

Я ехала куда-то. Чемодан в парусиновом чехле спал мирно около моей правой ноги. Ему снились игривые снишки, он вздрагивал и уже три раза падал на маленького старикашку, сидящего впереди меня.

Я потрясла его за плечо:

— Послушайте, товарищ малахольный!

Ноль внимания.

— Эй, кацо-о! Генацвале! Проснитесь.

Тогда он открыл свои маленькие глазки и посмотрел в темноту.

Господи, да неужели же это опять наш веселый хитроньира Михайльчик?

Да или нет?

Он или не он?

Сказано:

Иные говорили: это он.

А иные — похож на него.

Он же говорил: ЭТО — Я.

* * *

Бывают какие-то трогательные старцы. Вот один тут серьезно уверял, что в старое время издавалась «Брачная газета», куда люди давали такие объявления: «...беден, болен, стар. Ищу женщину с такими же качествами. Цель — брак».

И Михайльчик трогательный. Он бегал три дня в Историчку, пересмотрел все газеты о смерти великих людей, кое-что записал в хорошенький блокнотик на колечках, оставленный ему Замаховски, кузиночкой, а потом примчался домой и начал строчить завещание и свой собственный некролог. (Обожает это Михайль-

чик — всякие смерти, завещания и некрологи. И страшно сожалеет о том, что сам себя похоронить не может...)

Некролог был следующий:

«...Проживая во второй половине 1913-го года в разных городах за границей под именем «товарища Михаила», он вел оттуда оживленную конспиративную переписку со всеми действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии и занимал центральное положение в заграничной организации газеты «Искра»... Старый большевик М. О. Житонский был любим всеми».

— Да, да, да, — вопил Михайльчик, — все это святая правда. Меня ценили и любили. А такая запись в точности сохранилась в архивных документах могилевской полиции!

Айка приготовила для Михайльчика эпитафию:

Здесь лежит любезный человек

Жаль, что на земле был его краток век.

Этот художественный дестих Айка нашла в Ленинграде, в одном из заброшенных углов Волкова кладбища, куда она ходила оплакивать свою двоюродную сестру и подругу Ритулю Гусеву.

Какая Айка?

Айка Киста.

.

Память у Михайльчика потрясающая. Айка визжит от удивления и восторга, когда он ехидненько дребезжит ей о том, что он, как непосредственный свидетель, утверждает следующее:

Сидя в тюрьме перед ссылкой в Шушенское,
Ленин одновременно делал два дела:

- 1) Писал синопсисы всяких научных статей.
- 2) И лю-бов-ные пись-ма к Круп-сс-кой!

В этих письмах он развивал свои революционные взгляды и просил ее (Михайльчик сам добавляет: «в смысле умоляет») — стать его женой и подругой. То-есть спутницей жизни и, возможно, смерти.

Когда они оба работали в Наркомпросе, Крупская сама лично Михайльчику говаривала (не говорила, а говаривала) вот что:

— Мы встретились с Владимиром Ильичем уже как сложившиеся революционные марксисты, и это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу.

.

Как-то он приволок в дом новорожденного маленького котенка (кошку нужно брать ребенком и потом воспитывать ее по-своему). Медосмотр не дал видимых результатов, так как очки Михайльчика были в починке. Но когда приступили к выбору имени, он вдруг заблажил, что не понял, какого тварь пола, и предложил назвать животное нейтральным именем Женичка. Потом выяснилось, что Ленин любил кошек, и что в Шушенском, у ссыльного поляка Проминского, была собака Женька, которую Владимир Ильич боготворил...

— А-а-а! — открыла рот Айка Киста, — а сами что говорите теперь с Бронькой?

Тогда Михайльчик скользнул по стулу и завопил:

— Сушите! Нет, что только за язык у этой девочки? Она сведет меня в могилу.

Потом завертелся на сиденьи и забулькал:

— Совсем и не в честь ленинской, совсем и не в честь, а просто нашел на черном ходу под Сочельник 6-го января, когда все Евгении именинники...

.

Что же касается завещания, упомянутого вначале, то «тело» свое Михайльчик велел — сжечь, а «прах» — развеять над Москва-рекой.

Ну не дурачок? Ну почему же над Москва-рекой, а не над Яззой?

Ах, Михайльчик, Михайльчик, черная вы пантера.

Багира вы.

* * *

«У меня есть тоже патефончик...»

(Советская песенка)

Дубовую дореволюционную дверь общей квартиры ночью украли рабочие со строительства. Жильцы вскладчину ее заменили фанерной. И мелом написали: «Просьба дверью не хлопать».

«НЕ» — стерли.

Кто бы мог это сделать?

Или пьяный Пимен.

Или бандит Славик.

Или хулиганка Нонка.

Оказалось не так.

«НЕ» стерли квартирные дебоширки, маникюрша Таська Трошкина и тунейдка Шурка Джебраилбекова.

Таська очень гордилась тем, что армянин Степа Мгбрян, отжимая ее в углу парадного, говорил, что Таська ему очень подходит, потому что он специально приехал в Москву искать невинную девушку, «не знающую возврата».

Таська Трошкина была известной заразой, а Шурка была просто — Шаргия Хасай-кызы. Специальности у нее пока не было.

Она каждое утро бегала из комнаты в кухню умываться, — бегала гулко, как лошадь, сотрясая старый пол квартиры. Сотрясать ей помогал брат, студент юридического института, — Дженгиз Хасай-оглы.

Делали они это назло пенсионерам.

.

Один из этих пенсионеров в дни получения пенсии (11-го числа каждого месяца) валяется на пороге кухни поперек черного входа в квартиру. Все жильцы давно научились не спотыкаться о него даже в полной темноте.

Пьяный Пимен умеет разговаривать на два голоса. По этому признаку он известен всем окрестным милиционерам из ближайшего отделения и участковому Хопину. Разговор на два голоса происходит так. Сначала Пимен своим голосом твердо, с разрядочкой спрашивает:

— Разрешите, товарищи жильцы, задать вопрос. Кого я прописал? А? Ко-го я про-пи-сал?

Затем переходит с нижнего на верхний регистр и сам себе голосом сына Коськи безнадежно, но спокойно отвечает:

— Имею полное право заявить: па-ра-зи-та прописал.

Участковый Хопин, в свою очередь, какает:

— Я тебе канпанию составил зачем? А? Пимен Иваныч? Коршунов? Я тебе сто грамм поставил зачем? Окончательно говорю, как сроду советский человек, — больше двоить с тобой я отказываюсь...

На подоконнике кухни можно увидеть милую старушку Берту Исаковну.

Она ведет разговор на бытовые темы:

— Ну, Ксения Корниловна, так как?

— Да что как? Сядь да покак, вот как, — отвечает Ксения, — три магазина избегала, да впустую. Я за суповым набором рвусь, а везде все сосиськи, да сосиськи...

И деловито прибавляет:

— Дождик на улице мотросит... Вот, девка, как... Уж так мотросит...

Ксения Корниловна Рыхлова — подполковница и кавалерша в отставке. Целина, а не женщина! Когда она ходит в баню, на люди, то берет с собой свое лучшее немецкое «комбинэ», добытое мужем, как ценнейший трофей, в конце войны в Германии.

А Берта Исаковна лежит на кухонном подоконнике и стонет:

— Боблу на дворе даютъ... А тогда она тараня называлась... Разве раньше такая тараня была? Ранжевая, з икрой... Вся свети-лась... Разрежешь ножом, а жир с под рук так и котится...

Интеллигентный голос в одном из углов кухни тихо про-стонал:

— Счастливые старики! Им-то на эту проклятую работу не ходить... А молодым каждый день на голгофу... Господи, пятнад-цать лет еще пенсию ждать...

Маня говорит, что вчера она смотрела иностранный фильм «Принцесса Клевская», и что в течение всей ее жизни она не ви-дела ничего подобного.

Луизка Ларичкина с матерью поставили у себя в комнате электро-граммофон и учатся танцевать парочкой модный танчик мэдисон под старинный фоксик «Я живу в общественной квар-тире».

Темка сидит над планом постановки «Скоморошков» к своему диплому и поет так, чтоб долетело до комнаты Капки Распатохи-ной:

Сидели мы с ней под калиной,
С Ка-ка-пи-пи, с Ка-ка-пи-пи,
С Капитолиной.

Капитолина эlegantна,
Она пи-пи, она ка-ка,
Она пикантна.

Все эти сладкие, милые, родные звуки перекрываются голо-сом Жанкиной матери — (то же самое, что и Дунькин муж), кото-рая кричит так, чтобы было слышно на том дворе:

— Ки-му-шшш-ка-а-а! Ккки-ммуш-ка-а-а!

* * *

В незапамятные времена, года четыре тому назад, дело было так.

Иду это я по улице Горького, — вдруг меня подозрительно

вежливо, плавно-восточным мановением руки останавливает какой-то грузин.

— Девушка, вы мне не подскажите, где тут будет ВТО?

Я подсказала.

— Спасибо.

Грузин без перехода въехал:

— ...и еще одно предложение хочу вам исделать...

Я, кажется, убежала.

А вчера на Центральном рынке точно такие же грузины отказались сбавить мне на полтинник за кило их векикосветских яблочек апорт-осенний (или шампань весенний? Память отшибло окончательно!). Это грузины-то? Страстные, томные люди? С дивно-прекрасными, ласково-властными глазами? Мне, блондинке?

По этому признаку я поняла, что пора самой себе спеть: «Мадам, уже падают листья»..

.

Утром перед нашими окнами запрыгали меховые воротники.

Когда живете на первом этаже, чувствуете первыми, что наступила зима...

А численник показывает только 12-ое ноября...

* * *

Знаю — сейчас ко мне ворвется Зела. Смогу ли я выдержать ее больше, чем пятнадцать минут? Рыжая Зела ужасно болтлива и, главное, сыпет все на одну и ту же тему. Хорошо еще, если только спросит:

— Ну, а профессура у вас в техникуме не строгая? Как твои оценки?

И я отвечаю:

— Как когда.

А то еще будет клянчить не в службу, а в дружбу дать ей до завтра займы луковицу или хотя бы две картошки...

Я не знаю, смогу ли я выдержать болтливую Зелу, а она, в свою очередь, бежит ко мне, спасаясь от невозможно-беспереывного клохтанья своей старушки матери Берты Исаковны. Конечно, рыжей неудобно исчезать из дому на часы, и поэтому она каждый раз, жалобно сморщившись, нежно мяукает:

— Мамочка, тебе скучно? Сделай себе яичницу!

А Берта Исаковна скучать не собирается. Это счастье, что дочь уходит! С радостью выползает она на кухню. А там — или информирует всех соседей, что соль теперь искусственный и сов-

сем не соленый, или бежит в другой конец квартиры сообщить художнику Николаю Леденегину, что его чайник — кипит...

Вчера отставная подполковница и кавалерша Ксения Корниловна Рыхлова разрешила Берте Исаковне что-то застрочить на своей швейной машинке. Сегодня, в благодарность, Берта учит Ксению, как надо суметь прожить вдвоем, включая плату за квартиру, — на шестьдесят рублей в месяц.

Интересуетесь? Слушайте.

Вы, значит, берете в магазине на Покровке пол-жареной курицы за рубль, а потом эту жареную вы варите. Получается бульон и мясо. Сегодня вы едите на обед бульон с хлебом. А завтра вы кушаете на обед — хлеб с бульоном.

— Девк, а девк? Ей-Богу-ну... — восторгается подполковница в отставке Ксения. — И как же это мы раньше-то не дошли? А? С нашим-то, с простым-то, с русским-то умом? Ей-Богу-ну... Берт Ссаковн? — и печально прибавляет:

— А в старину жареных кур ни в жизнь не варили... С чего это я жареную-то да буду вдруг варить? Девк, а девк? Ей-Богу-ну...

Через три дня дверь комнаты Берты Исаковны Накойкер медленно и интеллигентно растворяется. Просовывается пухленькая ручка подполковницы и кавалерши Рыхловой, Ксении Корниловны. В ручке — блюдечко, на нем — оладушек!

— Попробуйте моих-то, горяченьких...

Прометавшись не менее пяти минут в поисках очешника, Берта Исаковна надевает пенсне и осторожно, вооружившись безопасным лезвием, отрезает себе малюсенький кусочек. Поместив кусочек на ноготь большого пальца, она осторожно слизывает сахар со сметаной и восхищенно бормочет:

— И где же это только люди берут в наше время такие продукты? Скажите на милость? Я не в силах приложить своего ума...

Старушка уютно обнимает глазами подоконник с кастрюлей и сковородкой и продолжает:

— Но вот вечером на обед... У меня с позавчера осталась только тарелка постного борща... Чем же мне сегодня дотачать день? Каждое божье утро мозги сохнуть, не знаю, что варить... С чем же мне лучше связаться, с квасолей или с рисом?

Зная ее быстроту и расторопность, я ей посоветовала ни в коем случае не начинаться с квасолей, а связаться с рисом...

* * *

Жан Жак Руссо писал, что страна химер — лучшая в мире.

Николай Леденегин, художник в английских гольфах, любил напевать:

Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой...

Мы с Айкой подглядывали в щелочку его двери смотреть на химеру.

На полке у художника Николая Леденегина стоят две старинные медные жаровни и крошечная польская химера (тонированный гипс).

Ах, какие грустные глаза у малютки-химеры, грызущей огромную ящерицу...

* * *

Умереть? Запросто. Туда и дорога. Я — ничего не боюсь.

Не боюсь божиться за чужую душу, не страшусь рыжих-конопатых начерно перекрашивать, не пугаюсь, что не успею поймать блоху или зайца.

Хотите? Вот на спор, — не струшу — выйду замуж за китайца. Будем с ним вместе бзырить по продуктовым, хулиганить и кричать назло дружинникам через головы смирных очередных:

— Масло наше будете давать или датское? Наше? И даром не надо...

А то — открою рот и из него посыпятся анекдоты: советские и антисоветские, семитские и антисемитские, грузинские и цыганские. Куда до меня «армянскому радио»!

Нипочем мне даже подбивать щебенку под шпалы, — хоть сейчас.

С пуговики на петельку перебиваться? Пожалуйста.

Сяду, — грязная, немыто-нечесано, не пито — не едено, не обуто — не одето, — у церкви в Сокольниках или Кожевниках (возможны варЪянты).

Протяну прохожим жестянку из-под консервов «Зеленый горошек» и голосом, тонким, как свист, затяну:

— Пода-а-а-й-те копеечку! Пода-а-а-айте, Христа ради!

.

Михаильчик! Милый маленький человечек Михаилчик!
Подыми брови-то: рассвело!

МЕДВЕЖИЙ РЕМИЗ

«Мишка, мишка, как не стыдно,
Вылезай из-под комода...»

(Детский стишок)

Говорят тебе: — Вылезай из-под комода!
Мишка! Миша! Михайльчик! Миш-миш-миш...
Это первое.
А второе вот что:

Стой, не шатайся — ходи, не спотыкайся.
Говори — не заикайся.
Колени не подгибай, — животик не вбирай.

.

Всяк любит разное. Одни — чтоб их любили. Другие — бульон из жареной курицы. Третьи — любят сами кого-нибудь любить. Михайльчик любил бояться.

Ходил он боком. Сначала шло плечо, потом Михайльчик. При переходе через дорогу он никогда не срезает углы, а пересекает улицу по кнопочкам, которые оформляют надпись: ПЕРЕХОД ТОЛЬКО ЗДЕСЬ.

Больше всего на свете Михайльчик боится грозного слова «ТОЛЬКО».

«Кислая капуста отпускается ТОЛЬКО в тару покупателя».

«Вход в кабинет ТОЛЬКО по вызову врача».

«Продажа рыбы «мелоча» ТОЛЬКО в порядке живой очереди».

Как боится Михайльчик?

Михайльчик боится профессионально.

Вот как:

Если кто-нибудь уж слишком непреклонно стучится в дверь...
Если в комнату должны зайти незнакомые люди... Если...

Он стремительно и ловко юркает за комод.

Сам Михайльчик зовет свой старинный комод — медвежий ремиз*). И всегда находит подходящие предлоги, чтобы весь день

*) Ремиз — старинный охотничий термин, обозначающий место, где скрывается испуганная дичь. — А. К.

киной оторвали по три экземпляра. Теперь Михайльчик сидит и делает из твердой красочной бумаги прекрасные бусы.

Голь на выдумки хитра.

А хитрость мельтешит на тараканьих ножках.

.

Так плодотворно проводил часы досуга Михайльчик.

Всесторонне одаренный старичок.

* * *

Да, всесторонне одаренный. Потому что всем своим знакомым Михайльчик по секрету сообщает, что он теперь «пишет». Да-а-а...

Никто не хочет проворонить свою старость, и все пенсионеры теперь пишут. Кто о чем. Кто о «ком» и «соц» труде, кто о поруганной личности, кто — об одиночестве в коллективе. Форма этой литературы — мемуары или пьесы, построенные на историко-революционном материале.

В таком духе:

Сцена 1-ая, явление 1-ое:

В 18... году в городе Могилеве, у бедного промышленника, содержащего гречневую крупорушку, родился сын Михаил.

Сцена IV-ая, явление 10-ое:

Первая встреча с товарищем Лениным (энергичным, шумным, приятно-картавым, с лукавой искоркой в глазах).

Сцена IX, явление III-е:

Восьмая встреча с товарищем Лениным на заводе Михельсона. И товарища Ленина речь (стремительная, колкая, с острой политической окраской даже в кругу семьи).

Так?

Ни, Боже мой.

К многотонной сей Лениниане наш Михайльчик не имеет никакого отношения. Ночью он лежит и сочиняет (бордовое ухо торчит из-под одеяла), а днем сидит и пишет научный трактат.

Трактат гласит:

«...Началась грозная эпоха расщепления атома и заражения нашей планеты радиоактивностью. Осуществляются

мечты Уэллса. Появляются летающие автомобили. И все это на моих глазах.

В связи с этим мысль — что значу я, хомо хоминус, на этом весьма малозначущем шарике, вертящемся в бесконечном пространстве? Как это я, старый большевик, и вдруг живу в мире автоматических корреляционных измерителей скорости, гидравлических преобразователей крутящегося момента и всяких прочих ультразвуков?...

САПОГИ

— Пустили бы меня разок на Пленум, или на заседание Цэ-Ка, я бы им показала!

— А са-по-ги?

(Диалог. Не прекращается 48 лет).

Лейтмотив жизни Михайльчика был прост: плюй на всё и береги свое здоровье.

Но, несмотря на это разумное намерение, он даже и теперь очень часто кротко взглядывает на Броню и нерешительно спрашивает:

— Куда же девались наши ипостаси?

Броня более определена. Она часто рычит, с ненавистью глядя на Маню:

— Ну как она может восторгаться бассейном у Кропоткинской и черными лебедями на Чистых? Как? После всего, что мы ПЕ-РЕ-ЖИ-ВА-ЛИИ? И пппереживаем...

В такие моменты Маня сидит и слушает разглагольствования сестры, выражая свое отношение к ее словам то саркастическим покачиванием головы, то закрыванием одного глаза и частым морганием другого, то складыванием губ в позицию, которая называется «куриная попочка». Все это служит вступлением к одной единственной фразе:

— А са-по-ги?

Произносящейся очень отдельно.

* * *

Можете ли вы представить себе семидесятилетних двойняшек? Когда просто невозможно понять — кто — кто?

Та, которая была младше на пять минут, входя одна в комнату, гордо представлялась незнакомым так:

— Старая большевичка Житонская. Член РЭСЭДЭРЭПЭ с 1917 года. Партийная кличка — товарищ Броня. (Тут в ее голосе

вы начинаете чувствовать металлический холод первых пятилеток).

Когда-то Броня кончила Институт Красной Профессуры, трудилась в местах примечательных. Но вышла на пенсию и, чувствуя себя еще полной сил, ошалела. Стала вести кружок по изучению марксизма-ленинизма в жакте для желающих пенсионеров, домашних хозяек и школьников. Когда ученики теперь смеют отвечать по старому изданию, Броня, клопоча, говорит:

— Ерунда. Как сказал товарищ Ленин.

По-моему, в ней есть чувство юмора.

А когда-то на все политошибки своих сослуживцев она реагировала только так:

— А-бб-сс-урд! — как ответил товарищ Сталин американскому корреспонденту.

Надо ли оговариваться, что теперь Броня притворяется, что она никогда даже не имела понятия о вышенаписанном изречении?

Надо оговариваться или не надо?

.

Другая сестра отрекомендовывалась так:

— Маня.

И все.

И ни-ка-ких партийных кличек!

* * *

Броня и Маня Осиповны Житонские — сестры Михайльчика. Броня и Маня, аки меч двуострый. Они одинаково одевались, а лицом плюс всем прочим были друг на друга похожи так, что незнакомые люди от страха шарахались. Но буде кто-нибудь, пристально глядя на них, спокойно сидящих, спрашивал Михайльчика, — кто же, в конце концов из них — КТО? — он подленько блебетал: .

— Ей-Богу, не знаю. Я и сам их путаю.

И это была правда, потому что иногда, сидя в комнате с Маней, он открывал дверь и кричал в кухню:

— Ма-а-н-яя! Я чувствую, что картошка горит!

— Да Броня там, — обиженно квакала сидящая рядом Маня.

Итак, Маня.

.

На стене — портрет, величиной больше открытки. На коричневом фоне. На сепии (или как там эту стерву звать?).

Маня снималась около Маросейки у знаменитого фотографа-частника «Пять-Десять-Вылетай». Ей казалось, что стоит как можно суровее сдвинуть брови — так мгновенно появится гордое выражение лица. Она лично очень просила мастера сделать себя в «три четверти», чтобы взгляд получился в сторону. Итак, со сдвинутыми бровями, с гордым взглядом в сторону, в панбархатном платье, при всех орденах (еще она божилась, что на ней в тот день были ни разу не надеванные модельные туфли с заграничным чулком) — изображалась на фотографии «сепия» Маня, сидящая в кресле. Рука на кресло была положена так, чтобы было видно, что на ней — маленькие золотые часики.

Весь переулочек знал, что на обратной стороне этих часиков было выгравировано:

«Дорогой Мане Осиповне на память от...»

Ой! Тут следовала громкая фамилия того самого единственного иностранца-коммуниста, которого даже Культ пощадил. Этому известному коммунисту Маня Житонская много раз в жизни оказывала неоцененные услуги.

Теперь она этих услуг никому не оказывает. И на все просьбы отвечает:

— Закапать вам капли в нос или сделать инъекцию инсулина я еще могу, но вскрыть чирей — нет. За этим обращайтесь к настоящему врачу, а я же только медицинский персонал...

Медицинский персонал, медсестра и массажистка высшего класса Маня много раз бывала и заграницей.

— Но там было так скучно. Скучнее, чем даже у нас... Я жила там все равно, как в золотой клетке... Меня никуда не пускали... даже на двор...

.

В житейских делах Маня всегда была примой, а Броня второй. При рассуждениях политических и прочем подобном — наоборот.

О Бронином лейтмотиве в жизни может догадаться ребенок. Вот он:

«Чорт бы побрал эти сапоги и меня вместе с ними.»

У Мани существовали три постоянные доминанты:

Первая:

— Все образумится. Переменится — мука будет.

— Нет! Это только мое терпение! Чтоб женщина ходила в мужских кальсонах! (Маня в эти моменты смотрит на сестрицу Броню, собирающуюся зимой выйти на воздух. И плечи Мани поднимаются выше ушей).

Третья (произносится с некоторым раздражением):

— Ах, все-таки моя работа для советской власти была совсем не такой уж приятной, чем тогда, когда в царское время я служила в Средней Азии у Потеляхова. Странный человек... Узбекский еврей!

Когда-то Маня была нимфой, разуваемой молодым сатиром. Она также была вакханкой, ловящей у себя на плече бабочку. Платья она всегда носила «цвета пыли». И в торжественные дни растирала на щеках губную помаду. Броня же заявляла, что это растирание просто уморительно и к тому же отвратительно. И что все это вообще — пре-о-мер-зи-тель-но.

Броня много говорила, Маня много молчала. Но молчала она только в тех случаях, когда дело касалось разговора политического. Тут, назло всякой хронологии, младшая языкатая Броня была первой, а Маня второй.

Она молчала.

Ну и что? Попугай в негритянской сказке тоже ничего не говорит, зато думает чорт знает сколько...

* * *

Итак, вот Михайльчик Житонский и его ближайшие родственники, Броня и Маня. Михайльчик смеялся над своими сестрами-двойняшками. Смеялся животиком, мелко-мелко дрожал его животик. А на лице улыбки не было заметно: Михайльчик очень ловко научился смеяться. Он прищорвился жевать губами и, не разжимая их, съедать свой смех. И смеялся он тихо, тихо...

Сестры обожали брата, потому что он был единственным мальчиком в семье, и очень скорбели, что наследника по мужской линии в их роду не будет.

Михайльчик же гордился тем, что никогда не был племенным быком-производителем.

Броня и Маня нежили, лелеяли брата, а тот любил пробегаться по нервам сестер и костерить их нещадно. И кем только они у него не были? И ихтиозаврами были и динозаврами были. И индеркартериями также.

.

Когда Михайльчик не предаёт сестричек анафеме, — он по силе-возможности достаивает их разговором.

Дряблым практическим.

— Маня, это масло уже елкое, отдай его Броне на кухню.

Или полноценным политическим.

— Такие вошки, такие мушки, такие албашки, а смотри-ка что? — кроет он бывшую братскую компартию Албании.

И подговаривает Броню составить ему компанию сбегать на Пушкинский сквер и посмотреть, гуляет ли там сегодня опять Молотов. Со своей Жемчужиной под ручку. Такой помолодевший, интересный, в габардиновом пальто...

— А мы-то его трусом считали. Нет, молодец, молодец старик. Плюет на всё и бережет свое здоровье...

Броня и Маня счастливы, что братец-кролик в хорошем настроении.

А в плохом он опять начинает крыть их и в хвост и в гриву:

— Не могу я переносить издевательств этих фурий. Эти мещанки меня изводят. Они постоянно, умышленно отравляют мое существование, — хнычет он.

Это вступление.

А основная часть, вот она:

— Броня? Что такое Броня? — вопрошает Михайльчик и тут же отвечает: — Кровавая Иезавель. А Маня? Что суть есть Маня? Чума чумовая, язва моровая. Шеремет-бублик. Она даже не нуль, а минус единица, величина отрицательная.

Очень любит упоминать Михайльчик, что если у него в голове, в мозговой аппаратуре, по показаниям современных кристалл-дифракционных гамма-спектрометров — десять пунктов, то у Брони и Мани на двоих — всего 0,75.

И ещё одна омерзительнейшая была у этого резвого шалуна привычка: настроит сестру на сестру, втянет их в междоусобную войну, а сам жиганет в сторону. Или начинает нахально мурлыкать:

Зануда-Манька, что ты задаешься,

Подлец я буду, на тебя упал...

В такие моменты Берта Исаковна, дежурящая за дверью, тихо вздыхает:

— Божечка мой, чтобы в наше старое время кавалер мог такое сказать барышне...

Ну, так.

А что далее?

А далее — вот что:

Несмотря на свою страсть «бояться», Михайльчик любил принимать гостей.

И Айкина бабушка, Прасковья Ульяновна, причитала часто: — Ой-ой-ой-ййй... А у ЖиДонских польты висят... Опять у их люди... Все люди, да люди... Хоть бы к нам кто...

Ясно?

* * *

Вот Александровский сад. Давайте сядем на скамеечку и посмотрим на гуляющих. Сядем на скамеечку, если на ней не написано: «ОСТОРОЖНО, ОКРАШЕНО!».

Броня и Маня были мясные, а Михайльчик — постный.

.

— Ая!

Ответа нет.

— Айка? — Броня заелозила на садовой скамейке и чуть приоткрыла один глаз.

— Господи, ну что тебе?

— Что значит «что тебе?». Грубиянка. Сбегай, купи на всех мороженое. Хочется взять что-нибудь в рот.

— Неохота.

— Неохота? А когда тебе охота? Иди, кошечка, сходи на угол. Вот тебе 60 копеек. На еще три — и выпей стаканчик газировочки.

Броня вытащила из сумки деньги.

— Нужна мне твоя газировка!

— С сиропом, с сиропом. Нет, что это за ответ? Надо будет сказать твоему папе... Боже мой, ну что за молодежь теперь пошла? Не может услужить старому человеку...

— Когда тебе нужно, то ты сейчас же становишься старой. — Айка лениво и деловито повторила отполированную во рту фразу. — Ну, ладно, схожу. Только если будет очередь, учти, стоять не буду. Какое вам?

— Нам два пломбира возьми. Маня, пломбир?

Маня величественно кивнула головой.

Айка убежала.

.

В течение нескольких минут сиамские близнецы сидели безмолвно. Наконец Маня понюхала свой батистовый платочек, сдула пылинку, севшую на рукав ее черного пыльника, вытащила из головы старинную коричнево-желтую шпильку, яростно воткнула ее обратно в волосы и сонно произнесла:

— Ну, хорошо, захотелось ей мороженого, так что с этого? Сама она больная сходить? Нет, «Айка, иди купи!». Лишь бы эксплуатировать ребенка... И дура была, что пошла...

И чтобы не дать сестре вставить слово, Маня вдруг дребезжаще-дрожащим голосом затянула нечто слегка похожее на мотив...

Прибежала Айка с мороженым.
Прошло еще полторы минуты.

.

Маня:

— Не я говорю, а они сами говорят. Они сами говорят, иностранцы, что наше советское мороженое лучше даже, чем их, американское. Не я это говорю, а они сами говорят...

Броня:

— Отрава жизни. В рот взять нельзя. Тысячу раз сама себе давала слово ничего у этих обманщиков не покупать... Лучше на базар...

Маня (пещерным голосом):

— А са-по-ги?

Броня (тихим бормотком):

— 30 лет нами правил фараон... 12 лет нами правил пастух...

Маня (ехидно растягивая гласные):

— А са-по-ги? Нет, объясните мне, ну зачем же тогда нужно было вгонять папу в гроб и носить сапоги?

Броня:

— С завтрашнего дня покупаю все только на рынке. Вот, при свидетелях... Назло им буду переплачивать. Буду поощрять частника. Платишь деньги — имеешь вещь.

Маня (вдруг с энергичным возмущением):

— Кричи громче — милиционер далеко. А-а... все у ней крайности... То таскалась в сапогах, а то начинает нападать на все без разбора, как простая колхозница.

.

Да, таскалась в сапогах. Напялила их, взяла в руки флаг и ходила по Могилеву экспроприировать буржуазию вместе с Фир-

кой Закс. Ходила в сапогах, распевала «Красное знамя», — песнь революционного подполья, и делала революцию.

Это было тогда, когда сердце еще билось от страсти и мук.

Это было в те дни, когда она была влюблена с нездешней страстью в одного человека.

Это было — давно.

Когда был еще порох в пороховницах.

Так признавалась сама Броня.

.

А поглощение пломбира продолжалось. Маня осторожно слизывала крем, вытирая губки платочком, Броня же, за неимением одного, старалась поскорее подхватить падающую каплю языком или в ладонь. Видя, что это мало помогает, она осторожно взглянула на сестру, крикнула и, воровато отвернувшись, утерла рот ладонью.

— Если я только могу все это выносить, — то я железная, — раздался тихий скрежет с Маниной стороны. — Человек уже, кажется, давно вышел из ясельного возраста, а есть мороженое еще не научился. Сколько лет я ее учу, что женщина должна всегда иметь при себе носовой платок! Уж сама я их и стираю и глажу ей, остается только протянуть руку и положить этот несчастный платочек в карман, так нет...

.

Да, — НЕТ.

И всё.

Броня любит повторять: «Презираю мужское стадо», но на вопрос о семейном положении всегда в анкете пишет: «Формально — девица».

Маня же, еще в 1934 году, могла бы выйти за Наума Львовича, но не вышла, потому что один раз ей показалось, что он мало читает. Кроме того, Маня не рисковала выйти с ним вместе, — на каблуках...

А вообще-то...

— Он дарил мне камею. Это брошь. Полторы тыщи. Когда начался нэп, он покупал мне конфеты «Мишки». 100 грамм. Это пять-шесть штук. Всё мне и ничего себе. Он забрасывал меня телеграммами «Я твой — ты моя» и дарил галантерейный набор «Эллада». Но что делать? Я должна сказать правду — я отплатила ему черной неблагодарностью. Я не могла себя заставить полюбить его...

А я не жалею, что этот брак не состоялся. Хотя не представляю себе, как могла Маня провести всю свою жизнь в золотой клетке, делая массаж старому коммунисту, которого пощадил даже Культ. Я мысленно видела ее в саду, под шелковым зонтиком, читающую роман «Консуэло», — самую интересную книгу на свете. В жаркий летний день...

.

Модест же Платоныч Белов, русский интеллигент и Бронин сослуживец, говорил так:

— Вот, Броня Осиповна, есть женский ум и есть мужской... Так ваш ум, — это десять мужских...

В хорошем настроении Броня любила декламировать вирши тех времен, когда целая курица могла стоять... э-э-э, чорт ее знает, сколько она могла стоять, копеек 50, что ли? — и сметану можно было брать ножом...

«О, судьи, я его любила!» — с чувством, меланхолически часто докладывает она.

Комментарии Мани?

— Скажите, пожалуйста! Она думает, что если она знает пару стихов, то выше ЕЯ — нет.

.

Умнейший еврей Цукерберг подслушивал «Голос Америки» и передавал Броне всё, что говорят и пишут «там». Броня с восторгом вываливала все новости дома, и именно тогда Айка кричала:

— Бронька, у тебя проамериканские взгляды. Ты просто примитивна.

Михаильчик притворялся, что он смертельно испуган.

— Тщ-тщшш... Я ранен так, что виден мозг... Ну что она говорит рядом с общей кухней? Айка, не своди меня с ума!

И тут же — и шелковый зонтик, и мужской ум, и популярнейшие вирши, — всё сводил к «Бреду Сив-Кейбл».

К Бреду Сивой Кобылы.

При луне.

.

А по вечерам Михаильчик, Броня, Маня и Айка сидят вокруг стола и предаются самому аполитичному занятию на свете: кушают тыквенные жареные семечки. Это единственная работа, от которой никто с сотворения мира не мог оторваться.

И разговоры у них самые мелкобуржуазные:

— Вот только сию минуту, только сейчас, прямо сидя на этом самом месте, я потеряла очки, — с кроличьим видом говорит Маня.

И тут же находит их у себя на животе.

— Странный человек, узбекский еврей, — продолжает бормотать она, вспоминая Потеляхова, — имел, правда, несколько жен и ходил в тубетейке, но в остальном был как все евреи...

А Михайльчик смотрит под стол и воркует:

— Женька! Женя! Женичка! Кица-кица-киц-киц-киц...

Комедь...

МЫШЬ С КОЛОКОЛЬЧИКОМ

«Он был направлен королевским
послом в Московию».

(Ю. Тынянов. «Обезьяна и
колокол»)

Мыслей в кулаке не удержишь — разбегутся. Знаю только, что все «гудебные сосуды» сожгли за Москва-рекой, обезьяну приняли за дьявола и взяли под стражу, колокол тоже судили и приговорили к наказанию плетьюми, отъятию уха и языка, а всех скоморошков изгнали из Москвы.

Только ученую мышь забыли заарканить.

И вот теперь...

По моим мозгам бегает мышь с колокольчиком и выстукивает мысли. Они грациозно скачут, ловко подкатываются одна под другую и как бильярдные шарики катятся в лунки. Лишних мыслей в голове нет, а стройное повествование вдруг оказывается несуразным и несерьезным. Но это ничего. Пусть. Так даже лучше. Аллах Керим! Да с кем здесь серьезничать-то? Кто мне составит компанию, чтобы однозвучно и звучно куковать? Все такие противные, даже удивительно...

* * *

Как это ужасно, принадлежать к двум мирам!

Одно дело:

Окно: — заставленное цветами, кружевные занавески.

Стена: — разукрашенная ковриком «Братишки».

(Он мальчишка складный,
Светло-шоколадный.)

Дверь: — глухо занавешенная старинной плюшевой портьерой.

А другое дело — **Окно-Дверь-Стена.**

Всё вместе. Лежишь у окно-дверь-стены — в комнате тепло, а чуть приоткроешь её и руку протянешь — сразу холод, мокрые кусты... А вместо дверного стекла — паутина.

.

В детстве я как-то совершила тягчайший аморальный поступок: съела, не спросившись, без хлеба полсардельки.

Мать в наказание выгнала меня на улицу и сказала, чтобы я «лучше больше» не заявлялась домой. Я переходила от одного прохожего к другому и заискивающе хныкала:

— Дядя, тетя, возьмите меня к себе жить...

А сейчас я смотрю на груду апельсинов и яблок на подносе около моей кровати и медленно отворачиваю нос: меня от них тошнит...

Я лучше лягу на прохладный паркет или выйду на сырую улицу. Без зонтика, без плаща, без бот...

Рыдая.

Мне нарочно хочется впасть в нищету, несчастность...

Плача.

Я сижу на кровати и смотрю, как облетают листья на клене. Я спорю сама с собой — что будет делать этот красный лист? Покружится-покружится, а потом упадет на землю, — или улетит в небеса?

И будет не первое и не второе, не по-вашему и не по-нашему, — а как вот этот осенний лист, — потому что я вижу, как он безвесно, невесомо-плавно закувыркается к золотистой реке...

* * *

Кажется мне это или правда? Как будто соседская девочка Джуди приветливо крикнула мне:

— Х-а-а-й!

Или в животе моем что-то громко сказало: — А-й-й-й!

— Ай, — взбрызнули мы с Айкой, когда Михайльчик нам сообщил, что получил (с уведомлением о вручении!) письмо от мадам Замаховски.

— Ай, ай, — радостно вопили мы, дети-циники, заглядывая на первом этаже в окно бани в Чернышевском переулке, где после мытья Михайльчик лежал на диванчике:

— С легким парком поздравить!

После крепкой баньки и парилки у Михайльчика всё выполаскивалось из памяти. Он лежал под мохнатым полотенцем и громко вздыхал.

— Господи, это что еще за мисиз Замаховская? Кто она?

И хотя эти вздохи были как бы придавлены прессом, баньщики, проходящие мимо, вздрагивали.

— Ну, ну, хватит уже наконец, — сумрачно говорил сам себе Михайльчик, — что тебя, черти одолели?

Он на четвереньках, дрогнув задом, как щенок косолапый, поднимался и шел домой под детским зонтиком, бормоча прелестные стишки:

Ах ветер-ветрило
 Не дуй мне в рыло
 А дуй мне в зад
 Чему я буду очень рад.

И сам с собой хихикал...

.

А о том, что случилось дальше, раззвонила всем мышь с колокольчиком. Бегала она и по Москве и по Ленинграду. Везде бегала она и рассыпала мелким бесом:

— Три-ли-цим-др
 Лам-ца, дри-ца,

 Три-ли-цим-др
 Лам-ца, дри-ца
 Ца-ца...

* * *

Никакого блага нигде и никогда у Михайльчика не было. Не было также ни дачи, ни брачи взятки. И никакая макиавеллиевская интрига здесь не замешана. Но когда теперь у него допытываются, как это ему вдруг «так» удалось получить отдельную двухкомнатную квартиру с полносолнечными окнами, он таинственно отвечает:

— Лапа! У меня, знаете ли, «там» есть лапа...

И после этого начинаются намеки тонкие на то, чего не ведает никто.

Ах, госпожа Замаховски, госпожа Замаховски! Как ругает ее теперь Айка! Нет больше с ней Михайльчика, нет Брони и Мани.

А всему виною был старый гений, который сказал:

— Эх, мать вашу за ногу! Да чем вы рискуете? Дело-то ведь — верняк!

И Михайльчик рискнул.

* * *

Он действовал как бандит-одиночка, как диверсант, вооруженный всем необходимым до зубов — в тылу врага.

Сердце может выскочить из орбит?

Может, может, может.

— Она приедет через три недели... И хочет остановиться у нас... на нашей жилплощади... несколько дней...

Так лепетал Михайльчик перед заведующим Мосгоржилотдела, помахивая письмом из Америки.

И лытки у него дрожали, и сердце у него выскакивало из орбит...

* * *

Основной вопрос, который волновал С. Я. Замаховски: как сейчас в России насчет пищеобеспечения?

— Это... ничего стало теперь, — положительные ответы давала Маня, — эээ... вот у нас появилась уже давно новинка — обдирный хлеб! Такой вкусный, фасованный...

При слове «обдирный» Михайльчик делает стойку и начинает выразительно шевелить носом и ушами. Уши у Михайльчика, как у старого слона. А упоминание о фасованном обдирном хлебе вызывает в нем условный рефлекс по Павлову.

Вообще вся семья Житонских с пенсионных времен на диете и супа «не принимает» уже три года. Этим заведует Маня. Вечером она выходит на кухню и небрежно говорит соседкам:

— Я сегодня к обеду даже не ставила хлебницу на стол...

Но перед обдирным Михайльчик устоять не может. И как только Броня приносит его, свежий, теплый, мягкий из булочной, — он сразу же сладострастно пожирает пол фасованной буханки, — с хлебом, с маслом, с сыром.

.....

На встречу с Замаховски, двоюродной сестрой, пришли все.

Пришла пересохшая старуха Розочка Каз-Гордина, сестра (по мужу) покойной тети.

Пришел шурин Рафаильчик, очень ловко представляющий, как женщины в поезде в одном купе с мужчиной надевают под простыней лифчик.

Пришел племянник Вениамин Потаповский. Когда он вернулся домой после амнистии (сидел за фарцовку) и поселился опять у своей матери в Перловке, то с ним произошел такой случай:

Пробормотала старушка Берта Ссаковна:

— И слышут оны кто-то громко тарабанить в дверь. И слышут оны — милиция и дворник...

(А мы с вами знаем, когда приходит милиция с дворником. Да? Мы-то ведь знаем?)

Мать собрала все свои силы, чтобы преждевременно не брякнуться в обморок, и начала хватать для Потаповского куски хлеба с маслом и чистые невыразимые, но милиционер и дворник добродушно заржали:

— Не бойтесь, пожалуйста, гражданочка, — сказали они, — мы с приятными известиями.

Да, времена теперь изменились. Милиционеры и даже дворники теперь говорят «не бойтесь», а не «не бойсь»...

И приносят в большинстве случаев приятные известия.

— Чтоб их все-таки лихорадка швыряла, — задумалась старушка Берта Исаковна Накойкер, — это они Венику документы принесли. И надо было только расписаться... Но она всешки испугалась. А как же? Испуганная птица на каждый куст садится...

.

Итак, пришли все. Шутки? Двоюродная сестра Михайльчика, Брони и Мани, бывшая могилевчанка, а ныне американка, Сима З-ки приехала как туристка из Америки...

.

— Ты Замаховскую оставь... Этот эпизод совсем не оправдан. Ты ведь ввела ее для того, чтобы собрать всех своих действующих лиц... Убери его, эпизод этот. Он не оправдан.

Это глухо, отдаленно слышу я голос мужа моего, Тёмки.

* * *

Вижу я неважно, но слышу — очень хорошо.

Разговаривают в Вашингтоне, в советском посольстве.

Слышу:

— Я собираюсь каждый день умирать и поэтому хочу иметь известия, что там между моей семьей.

— Я желаю знать, что с ними слышно?

— Вы думаете, что я в завещании забуду свою родню? Никто этого не дождет!

.

Назло приближающейся смерти госпожа Сима носила платья с глубокими вырезами. В таможене она уселась на свои семнадцать чемоданов. Лицо ее разъезла улыбка. В руке был огромный зонтик-палка. Вообще она была похожа на американскую Салтычиху...

С семнадцатью чемоданами туристку Замаховски не пропускали, хотели конфисковать и ликвидировать. Искали Библию, Евангелие и гашиш, а также запрещенную советскую литературу. Всё это нашу бывшую эмигрантшу волновало мало. С достоинством Чингис-ханши она люто сидела на скамье около своего барахлища и мрачно отчмокивала дабл минт гам, жевательную резинку.

Но когда таможенник ухватился одной рукой за шерстяную кофточку цвета «лектерик», а другой — за ридикюль, «в свое время» стоивший на распродаже пять долларов, кузина Сима решила, что пора кончать оставаться столь равнодушной к суеусует и томлению мира:

— Это все мои личные носильные вещи, — задремала она то, чему (официально) научил ее консул в советском посольстве, — я буду жаловаться... Я не белоэмигрантка, мы уехали еще в пятнадцатом году, и моя мама запекла в булочку одно колечко. Что еще мы могли взять из России? Ничего, акромья нашего горя...

Таможеннику с бульдозерной комплекцией показалось, что на него, спустя луки до колен, — мчатся Киргиз-Кайсацкие орды.

.

Когда туристка класса «люкс» Сима Замаховски с переводчицей вошла в новенькую квартиру Житонских, Маня сидела на полу и перешивала метки на белье. Она вела хозяйство и решила менять прачечную. Михайльчик вертелся на стуле и о чем-то трепался с Айкой, пришедшей в гости помогать вешать импортный тюль на окна. Бронька полулежала в кресле. Недавно она выкинула тезис своей новой философии: «Я оптимист и мне все безразлично», — и все дни протирала своим пышным телом мягкую мебель. Удила носом рыбу, полуприкрыв по-куриному веки.

Конечно, американку-путешественницу никто не признал. Пятьдесят лет назад Сима была вялой десятилетней девочкой,

вечно вымаливающей у дедушки копейку на бублик, а в комнату к Житонским вошла жена английского лорда. Или нет. Жена английского короля. Английская королева.

Посадили королеву за стол. Стол осалфетили, так как ска-терти класть теперь не модно.

При разделе семнадцати чемоданов щедрость кузины Симы превзошла все ожидания.

— Там не Россия, там каждый для себя. И мы тоже смотрим в нашу пользу, — гудела она.

Подарки были умилительны.

Михаильчик целый вечер играл с заводной куколкой-идиоточкой, которую Сима привезла для воображаемой праправнучки...

Ла-а-душки, ладушки,
Игде были? У бабушки! —

весело припевала бывший маленький оборвыш Сима Замаховски, ныне монархиня. Донеслось к ней что-то из ее паршивенького детства около гречневых крупорушек.

Шел прохожий русский солдат, увидел проволочно-кудрявую головку. Оторвал от мундира пуговицу, протянул головке:

— Глянь, кака ца-а-ца! — потом подкидывал на коленях, пел «Ладушки» и в заключение накормил салом...

А Михаилчик?

Он пицал, Михаилчик, он визжал, он валился на пол, очарованный. Он радостно, блаженно хохотал... А кукла-идиоточка с удивлением долго маячила головой и смотрела старому политкаторжанину прямо в глаза...

Безнадежно.

.

Ну, что? Доволен, лукавое чучело?

А помнишь, когда Айкина сестра Лялька была маленькая, чему ты ее учил?

Чему?

— Лялечка, кто плохие?

— Аме-ри-к-а-а-нцы...

— А дедушка Сталин кто?

— Дедушка Сталин наш отец, друг и учитель...

.

Но вот старая большевичка Броня Житонская оказалась малоблагодарной тварью. Перед отходом ко сну она вздохнула:

— Не такое уж большое счастье эти тряпки! В Америке все

это дешевле воздуха. Я боюсь, что мы задохнемся от этих шмат...

Только Маня была в полном восторге. Ей вспомнился тот «тирольский наряд» (круглая шапочка и юбка-солнце), который она когда-то сама себе пошила в Средней Азии, чтобы попробовать завлечь Потеляхова... В мавзолее Биби-Ханым.

* * *

Когда-то давно, миллион лет назад, а то и больше, отливали в Москве колокола. И для того, чтобы колокол удался, — пускали по городу самый невероятнейший слух: что приехал в Москву английский посланник Джильс Ли, ханжеский пуританин и поэт, автор религиозной поэмы «Окончательная победа Христа на небесах и также atque на земле над смертью и по смерти» и привез с собой обезьяну Шпынь-лютера, которая умеет петь, плясать, играть на гудебных сосудах и представлять перед московским патриархом и боярами разные игрища. И надо было заставить московский народ верить этому слуху, — чтобы лучше звенел, чтобы звонче звонил наш новый колокол...

И Житонские проживают теперь в прелестной квартире на Кутузовском Проспекте. Прикипел Михайльчик к своему новому району и к хорошенькой отдельной квартирешке.

А умнейший еврей Цукерберг таинственно отливает главбухше Лидь-Дмитне, что их бывшей сослуживице Броне Осиповне, с братом Михал Осипычем и сестрой Маней Осиповной, дали чуденькую квартирку на Кутузовском в экспериментальном доме, дали новую квартирку за заслуги перед Октябрьской революцией, в честь личного знакомства с Ильичем.

А старая главбухша Лидь-Дмитн, передавая эту московскую липу дальше и помня, что колокол еще не совсем отлит, солидно меняет свой голос и осторожно журчит:

— Старого черта да подпер лукавый. Эх, подумал, будь чему быть. Не уступил, убогий. Не съехал — и только. Что? — говорит, — потемкинские деревни устраивать? В руках было, да по пальцам сплыло? Сестры! Ни шагу отсюда! Что хочу, то и ворочу. Место это насиженное...

Да, да, это правда.

Когда один из парней (в кепке), в порядке рекогносцировки, пришел к Житонским узнать, как скоро они собираются опять на Столешников, чтобы потом, в скорости (как честный человек обещаю), опять получить жилплощадь уже по-настоящему, Михайльчик понял, что пятиться некуда и кинулся в арабески:

— Это зачем же мне опять на Столешников? — стал он орать и ругаться, — как так мне давали понять? Кто? О чем? Выселяться? И не подумаю. Остаюсь на месте. Моя жилплощадь. Что взято — то свято. Подарки — не отдарки. Пошли прочь, я отдыхать желаю. Слышали? Здесь — всё мое. Я — глава семьи!

Разошелся. Прямо заяц во хмелю.

Парень медленно думал про себя:

«Поди-ка, каждая лапша из себя макарону строит. Старый, а какой принципиальный! На вышке у него не все дома, что ли?»

Потом осторожненько натянул кепку на нос:

— Если приказ будет свыше — переедете, — сдержанно изложил он свою точку зрения.

Михаильчик заплясал и задом и передом:

— Кому приказ? Мне? Покинуть эту квартиру?

Необходимо было срочно взять парня на абордаж, вспомнив что-нибудь попошлее. И Михаильчик вспомнил:

— Ха-ха-ха. Еще раз в скобках «ха-ха»! О прыгивании не может быть и речи. Разговор на эту тему портит нервную систему! — громче-громкого завопил он и усилием воли поставил один единственный волос на своей голове перпендикулярно к макушке.

И потом, несколько тише, добавил, что он, только случайно не попавший за колючку коммунист, желает знать, кто гонит его на старую квартиру и кем это апробировано...

— Мы не при культе личности живем...

Да, да, не при НЕМ. Тогда уж наверняка схватили бы Михаильчика за лысину и... каюк пирожкам. А тут — шшш. Шиш — мышь. С колокольчиком.

Прав был старый гений.

ДЕЛО — мокрое это дело — ВЫГОРЕЛО!

А потом — присохло.

* * *

И милая Маня рассказывает теперь всем приезжающим на Кутузовский туристам, что:

Жили они и до этого
В прекрасной квартире.
В старушке Москве,
В Столешниковом переулке,
Около Петровских линий.

А теперь их НАСИЛЬНО переселили вот сюда, к черту в зубы, где еще лучше...

Маня-то? Хнычет! Какое свинство! Но в каждом свинстве есть кусочек ветчины. Должны же быть эмоциональные и эстетические лимиты?

И позорное хныканье старшей из сестер лимитируется Михайльчиком:

— Ну, ну, ну. Ты мне тут из-под себя сиротку Хасю не строй, — сугубо косноязычно бормочет он.

И мчится во всю прыть наблюдать, как варится суп из консервов рыбы «Сайра».

.

Уезжая, сестрица Замаховская Сима оставила своим родственникам стимулы, за которые они будут ей благодарны по гроб жизни.

Стимул Михайльчика — английские бритвы «Персонна».

Стимул Брони — экземпляры журналов Таймс, Лайф и Ньюс Вик.

Стимул Мани — эластичный американский лифчик.

Для поднятия общего тонуса жизни, когда плохое настроение, Михайльчик бреется лезвиями «Персонна», Броня, обложенная словарями, копается с помощью Айки в журнале Таймс, а Маня — едет посидеть в Александровский сад в эластичном американском лифчике...

* * *

Вот вам и медвежий ремиз! Вот вам и старинный комод, который мог спрятать постного хитрюгу — Михайльчика! И как же после этого дела осмелел наш старый, случайно не репрессированный большевик! Попробуйте теперь с ним поругаться! Попробуйте! Ничего не выйдет. Ото всех он может отлаться. Чуть что — сразу в штопор. Такое говорит, что просто ужас.

Вот самое главное.

Вот самое страшное:

Маня:

— Михайльчик! Сколько можно кушать? За последние три месяца ты набрал два кило!

Михайльчик:

— А как же я буду поддерживать свое брэнное? Пусть Броня сходит в Колбасный Специализированный и купит свеженькой «отдельной». Кажется, это един-

ственное удовольствие, которое осталось в жизни.

Маня:

— В какой специализированный?

Михаильчик:

— Как в какой? В новый «Колбасный Специализированный», на площади Ногина, на горе. В тот, который напротив Цэ-Ка, Эм-ка и прочих Ка-ка...

Не пойму я, кто вы есмь, Михаильчик?

Пророк?

Мудрец?

Или младенец?

.

Собрание афоризмов всех народов мира гласит, что за слепой удачей идет беда. Так ли это? Далеко не так.

Нет поэта, который мог бы воспеть счастье Михаильчика.

Ожил старичок, воспрянул!

Живет он спокойно под своей лозой, своей смоковницей и своим гибридным павловским лимоном на Кутузовском Проспекте. Никто и ахнуть не успел, как его сразу выворотило и он мгновенно из Савла превратился в Павла. Забыв свои прежние ипостаси, он совсем испижонился.

Раньше он постоянно всем объявлял, что мечтает быть деришником и, принимая гостей, всегда с сожалением бормотал: «Бедна сакля моя...». А тут вдруг стал страшно вещелюбив и умолял племянника Веньку Потаповского отдать ему назад ту летнюю спортивную рубашку-нейлоновый треск, которую он впопыхах, по настоянию Мани, подарил ему после отъезда госпожи Замаховски.

От радости и счастья по случаю получения новой квартиры и того, что он остался за это безнаказанным, Михаильчик поднял хвост веретеном, впал в детство, начал собирать марки и писать историю возникновения переводных картинок. Под псевдонимом, конечно. Чтобы было солидней.

И в расточительство пустился, ибо гостей стал принимать еще больше. Каждый вечер — гости. Народу, что людей, — распропасть. Я боюсь, что он простиляжит все деньги, полученные за содержимое семнадцати чемоданов. А чемоданы солидно тают. А деньги к Михаильчику так и льются...

90% мужчин-пенсионеров носит парусиновые боты «Прощай молодость».

70% мужчин-пенсионеров теперь «ТЫ-БЫ».

— Ты бы сбежал за молоком, ты бы посидел с Иринкой (или Аленкой), ты бы постоял за свинными ножками..

А Михайльчик — нет.

Броня и Маня по-прежнему старухи-домовницы. Они обмывают, обстирывают и обглаживают брата, и теперь он не старичок, а шик-блеск, иммер эlegant.

И только по собственной инициативе продолжает бегать по магазинам в поисках развесной гречневой каши и бескосточкового винограда, а когда его по-человечески спрашивают, где он купил такую хорошенькую нейлоновую авосечку, как все равно у иностранцев, он нахально отвечает:

— Где купил? У Савки в лавке.

После такой необычайной перемены в своей жизни, после того, как у Михайльчика оказалась отдельная комната в отдельной квартире! — я не удивлюсь, если этот перезрелый мужчик кончит холостовать и, несмотря на свой далеко забальзаковский возраст, станет мышинным жеребчиком.

Всё чаще и чаще слышу я, как он все одно и то же зудит: что это безобразие, что его насильно спихнули на пенсию, когда он еще в силе и свободно может стоять у руля будущего бесклассового общества, которое будет бурно, свирепо и необъятно.

— Это почему такое? — буйствует он. — Я не создан для того, чтобы быть домашней наседкой. Я не Сила Ерофеич Грознов и не желаю пылиться дома. Сиди, видите ли, и охраняй их имущество. А сами они — где? Ну я вас спрашиваю? Где они? Неизвестно. Наверно, в садике дома 275 дробь 719 сидят под грибком у песочницы... Эти фурии, эти гурии, эти эвмениды...

Больше же всего его беспокоит то, что Кутузовский Проспект — далековат от центра, и что он теперь редко с кем-либо из старых своих знакомых общается.

— Я живой человек или нет? — шумит Михайльчик, — я не могу целый день сидеть взаперти и смотреть теле-вейсмир...

А когда Маня гонит его в садик подышать озоном, он не идет, каждый раз отыскивая подходящие предлоги.

— Я сегодня никуда на улицу не выйду. Прогноз погоды обещает морозящие осадки.

.

Да и правда, ну что ему выходить?

В новой квартире так хорошо!

Подержанные обноски, всё старое хоботье — выбросили или продали «старье-берем» («меня тут просил зайти один небольшой толстенький женцин»... Небольшой женцин? Толстенький? Это, наверно, Маня).

Медвежий ремиз продали. За 5 руб. Матери-одиночке, в Черкизово.

Уборщица из мебельного, Милочка Штыкт, отвезла его туда на тележке за 1 руб. 20 коп.

Купили новую обстановку.

«И на стене красуется Карлмарксовый портрет...»

Так часто напевает, подпрыгивая, эта верткая проныра, эта ловкая пройда Михайльчик.

Жизнь его стала прекрасной, несмотря на появившуюся нагрузку: раз в месяц он пишет благодарственные письма госпоже Симе Замаховски, перечисляя все события, происшедшие у Житонских за месяц. Его письма очень подробны и изобилуют такими остроумными вставками, как «а что касается Розочки Каз-Гординой, то она приказала долго жить. Вот конспективно все о нас».

А кузиночка Сима отвечает: «Я славобога здорова и желаю от вас слышать не хужева».

* * *

Итак, больше Михайльчик слова в кулак не шепчет. На книжную полку он безбоязненно выставил полное собрание сочинений своего любимого Федора Ивановича и прибил для тех, кто все еще не рискует, надпись:

«Знаете ли вы, что именно для Тютчева нашлось место среди самых необходимых книг в Кремлевском кабинете Ильича?»

Но когда по телевизору начинают передачу из цикла «40 лет жизни и деятельности Ленина», он бесстрашно рычит дуэтом с Броней:

— Маня! Сейчас же отключи звук! Тошнит.

И милостиво прибавляет:

— Но изображение можешь оставить.

Даже прелестную девушку, теледиктора Анну Шилову начинает ненавидеть, если именно она объявляет об этой научно-образовательной передаче.

Броня шкандыбает к «Рубину» и отключает звук, — обязанности всех прикосновений к телевизору лежат на ней, чтобы в случае поломки знать, кого винить.

Но...

«Внимание! Говорит Москва! Шестнадцать часов пятнадцать минут по московскому времени. Передаем песни революционного подполья!

И только ЭТО признается Михайльчиком и Бронькой.

Долой тиранов! Прочь оковы,
Не нужно гнета, рабских пут!
Мы путь земле укажем новый,
Владыкой мира будет труд!

— подвывают сестра и брат знаменитое, любимое их «Красное знамя» вместе с хором Московского радиокомитета, Михайльчик «с», а Броня «безо» — всякого намека на мотив...

Ночью семья Житонских мирно спит.

Что снится Мане?

Великий князь, который обратил на нее внимание в Могилеве, когда там была «ставка»?

Наум Львович, который дарил ей камю (это брошь) и был такой маленький, что его можно было посадить в карман?

Коммунист № 1 — мирно почивающий теперь в мавзолее одной из стран Народной Демократии?

Или узбеко-еврей Потеляхов?

Неизвестно.

А Броне?

Перед ней мелькает со всеми страшными подробностями, как она в свои 20 лет, когда сердце еще билось от страсти и мук, — шлялась с мужчинами по Могилеву, экспроприруя буржуАзию. В руках — розовая тряпка, обозначающая Красное Знамя, на устах — песня «ррр-е-ввв...», а на ногах — СА-ПО-ГИ.

.

Только Михайльчик не спит.

Прежде чем погрузиться в нирвану, в ночь, загадочно-непропицаемую, как душа Культа, он декламирует стихи своего обожаемого Михаила Юрьевича:

Я ищу свободы и покоя!

Я б хотел забыться и заснуть!..

Внимание! Жуткие слова, не правда ли? Не дай Бог, услышат...

А старый большевик Михаил Житонский больше не боится. Как только его ни пугали мы, чтоб был осторожен? Кем ни пугали? Уж и быть-де бычку на веревочке, и хлебать, мол, лапшу на тарелочке, — лезет боком на гвоздь, — и больше нет ничего.

Жизнь с каждым днем всё более лучезарна, всё более, всё более... а он — «я б хотел забыться и заснуть!»

Спи, мой гималайский медвежонок...

А-НННН-Т-Р-А-К-Т

С.П.Б. - Р.В.С.

В Евангелии, от Иоанна, глава IX-ая, сказано:

Иные говорили: это он,
а иные: похож на него;
он же говорил: ЭТО Я.

Да, да!

Та была Гусева Рита,

А я — Гусева Раиса.

* * *

На себя пальцем не показывай,
Про себя сказку не рассказывай.

(Анна Ахматова)

— Неужели и ты вела бабий сопливый дневник?

Спросил меня однажды мой муж, Тёмка.

Да, вела.

.

В июне вдруг в Ленинграде становится очень прохладно. Это значит — или лед на Неве пошел, или зацвела черемуха.

Особенно бывает холодно, когда и то и это — совпадает.

«Как холодно, как холодно. Нам наступает конец».

* * *

Это была сестра моя, девочка, — ЖИЗНЬ.

Еще раз говорю я вам — не бойтесь Вирджинии Вульф! Не удивляйтесь тому, что она слышала, как у нее под окном воробьи перепискивались по-гречески. Что птицы? Я слышала, как стонала и разговаривала земля. И тихо, и звонко, как во время мигрени.

Еще шла я тогда по Моховой на Литейный проверить, жива ли еще моя двоюродная сестра и подруга Ритуля Гусева. Я шла по Моховой и прислушивалась, как тихо стонала, как спокойно и сладостно уговаривала меня «не бояться» ЗЕМЛЯ.

Был день, — один только день, — до смерти.

Перед моим лицом танцевали разорванные красные куски воздуха.

.

Вчера я встретила на улице Ритулину соседку Нину Петровну, которая сказала:

— А я как раз к тебе плетусь. Ритуля завтра умрет, а тебя просила придти.

Я пришла, но Ритуля уже была на Волковом. Санки, на которых нас катал дядя Игорь, стояли во дворе. В них лежало одеяло. Завернутую в это одеяло — в этих санках — Ритку везли хоронить на Волково. Сейчас всё это стояло на дворе, — ни у кого не было сил красть...

.

Советские детские книжки мы с Ритулей любили не меньше, чем Чарскую, которую нам давала учительница французского языка Наталья Ивановна под честное слово, что мы не будем портить глаза и читать в постели. Из советских нашей любимой книгой была — «Р. В. С.». Из книг Чарской мы обожали больше всего «Тасино горе» и вели дневники точно такие же, которые кропали малокровные дурочки в белых пелеринках с ресницами в два сантиметра и с тенью от них на полщеки.

И вот в Ритулиной комнате стояла на столе банка с супом, которую принес военный в обмен на всю мебель. На банке лежала Ритулина записка:

«Прощай, прощай, дорогая сестра. Я умираю. Суп — это тебе. Сожри».

.

Тёмк? Со страничкой из моего детского дневника (написанного перышком «скелетик», запрещенным в школе), связаны все самые страшные дни моей жизни. Со стонущей землей и танцующим кровавым воздухом, с Ритулиной запиской и с именем талантливой поэтессы и писательницы Ольги Берггольц.

...Это ее голос звучал в кошмарные дни обстрелов и голода...

...Это ее голос вселял в нас надежду и сулил заживление ран...

...Это был голос друга, такого же страдальца, как мы, но более сильного духом, а поэтому имевшего право утешать других...

Нет, больше не могу. Мимо это, скорее мимо. Простите меня, несчастную, за то, что расстроила вас. Извините великодушно. Простили?

Ну, спасибо.

* * *

С. П. Б. или Р. В. С.?

Как-то, уже порядочно, лет шестнадцать тому назад, я сидела в Театральной библиотеке в Ленинграде, переписывая библиографию для доклада по истории русского театра. В книге стояло «С. П. Б., 1886 годъ».

У меня чуть мозги не развалились от напряжения — никак не могла расшифровать эти три таинственные буквы. Наконец, набравшись храбрости, я подошла к знаменитой артистке Вере Аркадьевне Мичуриной-Самойловой, которая разговаривала с обожаемой всеми милой библиотекаршей Лидочкой. Спросить, что это странное «С. П. Б.» значит?

Не только сверхпрестарелая Вера Аркадьевна, но и Лидочка, которая была всего только немного старше меня, знали это очень хорошо.

А я — уже нет. Меня учили, что Р. В. С. — это Рев-Воен-Совет. А что такое — С. П. Б... — да кому это нужно?

.

Открытый взгляд был у зеленых глаз моих,
 Но дым войны прополз по льну волос.
 И тонкий жизни ствол надрублен был.
 Запасы сил ушли, как сок весной
 Из молодых берез...

Это ее стихи. Она предлагает их как эпиграф к роману Ольги Берггольц «Дневные звезды», — одной из лучших книг о Ленинградской блокаде.

Кто это ОНА? Кто? Кто ВЫ и кто Я?

Пусть это останется втуне, я не боюсь тайн.

Ведь то, кто избрел самовар, тоже осталось неизвестным...

* *

После блокады мы опять переехали домой в Москву. В школе я все время молчала, и учителя долго не вызывали меня. Однажды я услышала, как завуч Ева Сергеевна сказала учительнице пения:

— На ваш урок я разрешила Гусевой пока не ходить. У этой девочки страшная душевная травма.

Я ненавидела уроки пения и в благодарность за избавление от этой муки однажды на перемене прижалась к Еве Сергеевне и начала рассказывать, как мы с матерью случайно застряли у дяди в Ленинграде на всю блокаду. Завуч слушала меня молча, сурово, и перебила только тогда, когда я прошептала, неожиданно для самой себя вдруг начав умыться слезами:

— Та была Гусева Рита, а я Гусева Ая...

— Ая? А-а-а... старомосковский вариант имени Раиса!

.

Да, да.

ДА!

Та была Гусева Рита, а я — Гусева Раиса.

* * *

Ну и что? Так всё это и будет продолжаться? Жомини да жомини, а о водке ни полслова?

Да нет, я так. Не надо. Ничего этого не было. Никого не было. Ни Михайльчика, ни Броньки, ни Мани не было, — ни в этих, ни в тех, и даже не в «сих»...

Это взялось — вот откуда.

...давно, давным-давно, когда нас с Айкой еще таскали на пятитдневку в ясли и душили толокном — в Москве проводили метро. И вот однажды в «Вечорке» на последней странице появилось сообщение о том, что недалеко от Ст-ва переулка, на глубине пяти метров археологи нашли три медные фигурки, напоминающие двух мясных старух и одного постного старичка. Фигурки стояли на подставке, они плясали. И древнерусской вязью было выцарапано: «Всяк спляшет — да не так, как скоморох».

* * *

Всё это я взяла за основу, когда начала писать сценарий о людях, родившихся в прошлом и в этом веке. Тёмка сделал эскизы к декорациям, костюмы, грим, — пьесу одобрили. Она скоро пойдет у нас в Ленинграде и в театре «Современник», в Москве. Потом из пьесы сделали сценарий фильма. Да, да. Я просто автор сценария фильма, который моему Тёмке предстоит поставить. Пьеса будет чисто современной. Никаких персонажей из мистерики, никаких масок из моралите. Ни одной сцены из «Пещного действия» или «Шествия на осляти».

Основа сюжета: жизнь сложна, и выход из этих сложностей каждый ищет по-своему. Через старших юное поколение познает

окружающий мир, становится зрелым. А у взрослой части коллектива под влиянием молодежи проявляется больше юношеского задора.

Все события сценария даны через восприятие и с комментариями главной героини, Айки Гусевой, прозванной друзьями «Киста». Честная, принципиальная, но несколько прямолинейная, она часто сама себя ставит в странные ситуации. Комедийные эпизоды сочетаются с драматическими, дополняя и усиливая друг друга.

Что утверждает мой сценарий?

Веру в человека.

.

Две самые главные вещи, — вот они:

Первое: мою пьесу-сценарий все похвалили. Немного только похаяли чересчур лапидарный язык, на что я изрекла:

— Учту, приму к сведению, постараюсь исправить.

Произнеся все эти рыбки слова, я отвернулась, чтобы засмеяться, но даже улыбнуться не смогла: у меня была лихорадка на губах, и было страшно больно их растягивать, хотя рот у меня до ушей.

Второе: мы ведь все знаем, что наука кинематография — это огромное здание со множеством лабиринтов. В этом виде искусства все теперь ищут путей самых верных, надежных и прямых. Поэтому я должна предупредить «снисходительного» (или лучше «любезного») читателя вот о чем: никакого «сквозного действия», то-есть сюжета, в моей пьесе нет. А в широкоформатном фильме, который поставят по моему сценарию, будет использован новый технический кинематографический прием: изменение формы экрана. Мои герои будут часто выходить на светящийся экран — сиречь на темную стену зала, — в самые неожиданные моменты.

И вот...

...в поисках интересного ракурса я вдруг увидела серый том старого издания «Истории ВКП(б)», полудетскую руку и... плачущего Михайльчика. Нос у него висит до пупка...

Детско-полудетская рука. Она с жадностью хватает 50 копеек...

.

Должна сознаться: жадность руки и черствость души когда-то угнетали и меня, но теперь я в себе не вижу ничего, кроме обнаженного потребительства. Ужаснейший шокинг, правда? Но никто даже и слова не сказал. Чужая шейка — копейка.

Я с удовольствием выбрасываю из себя часть гнилых воспоминаний и бегу в очередь за диетическим супом из протертой моркови.

ЦЫГАНОЧКА НАДЯ

«Получив комнату, Лидка вышла замуж».

(Из старинного романа)

Вижу я неважно, но слышу — очень хорошо.

Руфь Цэ и Айка Киста были подругами с детства.

Что из себя представляет Айка? Рассказать? Дать адрес? Или лучше — не трожь, не ворошь?

Но если я уже начала давать адреса, то вот:

...году в 50-ом, что ли? Не то чуть раньше, не то чуть попозже. Точно не могу сказать. Вижу я неважно, но слышу очень хорошо, всегда.

И вот, я слышу:

— Молодой человек, простите пожалуйста! Со всяким может случиться...

На улице Кирова к прохожим вдруг неожиданно подходила хорошенькая девчонка лет 15-16, прилично одетая. Правой рукой она держала под мышкой историю ВКП(б), — серый переплет.

И яро палила:

— Простите, молодой человек!

(Извините, перебью ее. Всегда, — «простите, молодой человек!» — и никогда — «Простите, девушка!»).

Итак:

— Простите, молодой человек, со всяким может случиться...

Выяснялось, что у нее сейчас, только десять минут тому назад, увели в Чай-Управлении сумку с деньгами. К груди прижималась История Партии (как можно было подвергнуть эту драгоценность риску, положив в сумку?). Значит, немедленно нужно сейчас 50 копеек (со всяким может случиться), чтобы доехать до Боткинской, где ей, девочке, просящей 50 копеек, предстоит срочная операция кисты, модной тогда болезни...

.

Ой,-ей-ей...

— Вот твое дурацкое воспитание, — хором с удовольствием сказали Броня и Маня брату, после беседы с юнкором «Комсомольской правды», который прибыл выяснять отношения, — скажи спасибо, что она еще их по матушке не пускала...

Михаильчик присел на стул и без притворства изрек:

— Боже ж мой, нет, я слягу...

И на протяжении всех первых кадров вы слышите:

— Ой-ой — й-й... Н-е-ет, суште? Я скончаюсь сейчас...

* * *

Кто такая Руфь Цэ?

Я уверена, что Андрей Вознесенский увидел свою треугольную грушу не в метро Москвы, не в подземке Нью-Йорка, а в проходной одного из московских театров.

Году в 53-ем, что ли? Не то раньше, не то позже... Неважно вижу. А слышу — ХОРОШО.

Слышу:

Виталий Павлович Дун

Илья Романович Крон

Борис Вольфович Зон

В проходной одного из лучших современных театров мира, в Москве, сидела вахтерша, девушка в готическом стиле. По идее она должна была не впускать во внутренний двор театра посторонних. Взгляните на это милое создание, прошу. Взглянули? Уверена, что вами не овладела похоть и даже в голову не пришло, что:

Для люб-ви од-ной при-рода

Нас на свет про-из-ве-ла.

Девушка с треугольным лицом, — вылитая химера со стен католического храма, задумчиво бормотала:

Виталий Павлович Дун

Илья Романович Крон

Борис Вольфович Зон.

Девушка с ехидным лицом, но с добрейшим сердцем, сидела в проходной театра с одним единственным намерением: видеть каждый день некоего Артиста Артистовича. Потому что ее идеалом были мужчины с «загадочным взглядом».

Артистыч строил из себя печального духа изгнанья, но на оранжевую треугольную грушу косил загадочным взглядом со страхом. Она же, наперекор ужасному ужасу в его глазах, утверждала, что все равно — между ними существуют флюиды и токи.

Целые дни девушка, сидящая в проходной, сочиняла письма*) своему победителю и вязала шарфы. Первое письмо было подписано полностью «Руфь Цвейтова». Но позже к подаркам прикла-

*) Об искусстве.

дывалась записка, в которой стояло полностью имя и только первая буква фамилии: «Руфь Ц».

Помните? Айка Киста и Руфь Цэ были подругами с детства.

* * *

Товарищи спрашивали у Тёмки:

— Ну как, Артём, альфонсируешь помаленьку? Прелюбодействуешь?

Руфь Цэ жила в двух комнатах со стариком-мужем. Седина в бороду — бес в ребро. Замужество было по соглашению. Мы хорошо знаем, как это бывает. Мы знаем: старому коту — молоденькую мышку. Не так ли?

Само собой разумеется, что немощный кот допускался в постель к энергичной мышке только под большой праздник, под Международный женский день, под 8-ое марта.

Теперь старость умирала, но всё еще ревновала.

С первосортным сценическим темпераментом, с кинжалом и ядом была влюблена в Тёмку наша химера с католического храма. С раздуванием ноздрей.

Под предлогом того, что он поможет ей устроиться в Театральную студию (производственная практика, необходимый стаж у Руфки уже был — должность вахтерши в проходной московского театра), — бездомный режиссер Тёмик поселился бесплатно во второй комнате у Руфкиного старика и у стариковой Руфки.

О чем шумите вы, народные витии?

Да успокойтесь!

Ну разве есть в этом что-нибудь особенное в наши дни?

— Руфь, стань сюда, ко мне в полоборота, — командует Тёмка. — Внимание! Цэ! Ты понимаешь, что ты произносишь? Или ты не понимаешь? Ты что, поешь «С винтовкою в рукою и с шашкою в другою» или читаешь «Клеветникам России»? Больше гнева, больше страсти, больше мордасти! Будь Жанной Дэ Арк! Покажи слушателям, что это Пушкин, а не гоп со смыком. Опирай дыхание на диафрагму. Клокочи, вибрируй от гнева! Входи, стервь, в предлагаемые обстоятельства. Я тебя не прошу, а приказываю — вибрируй.

Руфь вибрировала.

При отборочных в студию надо было и сплясать что-нибудь. Если бы Берга Исаковна Накойкер только посмела скощунствовать, она бы перекрестилась от ужаса. В соседней комнате со страшной силой, с обвалом штукатурки, Цэ жгла «Цыганочку Надю».

* * *

Вечером Тёмка бормочет Айке:

— Подожди, скоро поставим штемпель... Когда старик загнетя. Намекни Руфке, чтоб она его камбалой кормила из продовольственного на углу. Там холодильника нет... Скорее сдохнет... Раз съест, два поест — и с приветом.

Айка честно намекала, но Руфка никак не могла войти в предлагаемые обстоятельства.

Ни в жизни, ни на сцене.

* * *

В Московском цыганском театре «Ромэн» есть молодой певец Николай Сличенко. Недавно я услышала из его уст совершенно незнакомый мне старинный романс «Я ехала одна, я думала о вас». На этом же концерте был старичок Коненков. Предряхлый безнадежно — ему за девяносто. Он выставил репродуктором ухо, когда хорошенькая юная цыганочка спела ему: «Поцелуй меня, голубчик». Старичок обожает все цыганское.

Михаильчик очень любит Айку. Он часто поет нежным козлетончиком «Я сижу и люблюсь тобою...» — допотопный цыганский романс времен Ильи Соколова, который не знает никто, кроме моей мадам Обломок.

Ради Айки Михаильчик готов на всё, и поэтому по вечерам он добровольно подслушивает слова любви Тёмки и Айки в коридоре. В результате полученных новостей он начинает неясно бормотать:

— Х-х-х-о-сс-поди, непонятно, за кем же он, в конце концов?

Старушка Берта скулит:

— Аечка, и зачем же ты уже так дружишь с Руфочкой? Тебе нужно ходить с хорошенькой подружкой... А то и на тебя молодые люди смотреть не будут... Чтобы девушка была такая многозначительная... Высокая, аж стралус или вериблюд... Листа зеленая...

И в заключение с чувством произносит:

— Нес-част-ные родители...

Но родители Руфки, Тифон и Ехидна, давно умерли, а то бы они не перенесли, как мальчишки кричали на улице их дочери:

— Эй, ты, труп, дистрофик! Катаклизьма-а-а...

* *

Мои милые герои — это:

Руфь Цэ — Мария Стюарт, леди Макбет с Петровских линий,
Екатерина Измайлова.

Похожа на летучую мышшь.

Затем Айка. Теперь вы знаете, что Айка — это я.

Я учусь на постановочном факультете Театрального техникума и у меня задание: в содружестве с Тёмкой дать полностью оформление и декорации слободы скоморохов 15-16 веков в Москве. У меня распирает умственные способности, но ничего не выходит из-под кончиков пальцев. А без кончика пальца, как известно, и фиги не покажешь (на это иудейский царь Давид усиленно намекал в своих песнях). Я старалась из последних сил. Стоял хруст на всю квартиру: свирепо перекачывались в моем рту мятные конфеты-леденцы «Карамель театральная».

Но дело никак не клеилось.

А кажется, что я знаю все:

Что народное скоморошье искусство в середине XVII века подверглось гонениям.

Что, несмотря на это, властям вскоре стало скучно без своих артистов, и они тайком приглашали изгнанных для «потех».

Что основное идейное содержание творчества скоморохов это — глум.

Но ничего у меня не получается, и приходится придти к заключению, что я — очевидная бездарь. Каких-то клапанов мне все-таки не хватает, а открой я их — и всё бы пошло. Не хватает мне того знаменитого «чуть-чуть», на котором держится высшего сорта искусство...

И, в конце концов, я должна честно признаться, что о древних русских комедиантах мне известно только в смысле историческом.

.

Скоморошков и прочее старье — в сторону.

Пора за дело браться: стать битницей — причесанной растрепой, надеть брючки уже собственных ног, взять в рот вместе с жевательной резинкой полуметровую сигарету, сесть в тяжелый грузовик, в унисон с которым бьется мое сердце, — и укатить в неизвестность. Тяжелый грузовик, по мнению моего старого друга, который случайно пережил Культ, — единственное, что может меня крепко притягивать к земле. А то улечу...

Итак, я влезу в свой грузовик и укачу, укачу...

Если только меня не остановит вопль Берты Исаковны, возвещающий о том, что «на угле Козихинского сырковую массу дають...»

А если хотите видеть летучую мышшь — посмотрите лучше на меня.

* * *

Михаильчика Житонского не забыли? Он родился в прошлом веке, но на травку в деревню не собирается. Ему еще рано отдыхать и наяривать мемуары: он активист из Красного уголка и кроме этого он помогает Айке. Айка страшно благодарна за все Михаильчику, но стоило ей только один раз, один только раз! в присутствии двух посторонних лиц облобызать его, как тут же на следующий день Валентина Васильевна, знакомая «с того двора», ущипнула Айку взглядом и спросила участливо:

— Аечка, ну как ваш старый кобель?

— В смысле? — надменно прогундосила Айка.

А Валентина Васильевна прекрасно знала, что отношения Михаильчика и его соседки Раи Гусевой базировались только на следующем:

— Аечка, если ты хочешь быть хорошенькой молоденькой женщиной, ты должна всегда сморкаться... (в детстве).

И:

— Ая, не хама маме! — (в переходном возрасте).

Сейчас же, в период Айкиной сердитой юности, он важно говорит ей:

— Ну-с, так какую еще я тебе нашел литературу по этому вопросу? А вот какую. У Николая Рыленкова есть поэма «Скоморох Овсей Колобок». Потом у Юрия Олеши... А самая прекрасная, но, к сожалению, неоконченная вещь о скоморохах — это «Обезьяна и колокол» Юрия Тынянова.

Дни напролет Михаильчик торчит в Общем Читальном Зале Тургеневки, отыскивая для Айки подходящую рекомендованную литературу о старинных русских лицедеях.

Он не помнит, что именно здесь, под их домом при раскопках, когда проводили метро, нашли три фигурки — двух мясных старух-коротышек и постного старичка, которые когда-то в живом облике представляли в комедийной хоромине «Книгу Есфирь». Здесь много лет назад в древней Москве стояла церковь Воскресения в Скоморошках. Там жили когда-то скоморохи, там они и по сей день живут.

* * *

На полке у моего любимого старика-художника Николая Ледегегина с давнего времени стоят две старинные медные жаровни и польская химера (тонированный гипс).

Ах, какие грустные глаза у крошки химеры, грызущей большую ящерицу...

.

Присказка эта вот к какой сказке. Тёмка протолкнул Руфь Цэ в студию, но после первого семестра она была отчислена «по профнепригодности». Старик ее умер. Он или простудился на сквозняке или объелся опятами (самые универсальные и надежные средства, как говорит в «Книге Чисел» царь Соломон). Ну, ясно, старцева смерть — отрокова женитьба. Я подвела Тёмку под регистрацию, и мы с ним уженились.

.

Теперь я живу в Ленинграде. Как меня сюда замахнуло? Очень просто. Тёма по благу оттяпал у Руфки через суд вторую комнату, и, чтобы не слышать каждый день ее плача и того, как она срамит нас на весь переулочок, мы взяли эту бывшую старикову, потом Руфкину комнату, на юго-западном углу Пушкинской и Столешникова переулочка, где в 15-16 веках стояла церковь Воскресения в Скоморошках, сменяли на комнату в Ленинграде и переехали в город, где мы пережили блокаду.

Как же мы с Тёмкой живем?

Колоссально живем. Ультрамодерно.

Что же мы с ним делаем? Смотря где и смотря по обстоятельствам.

Дома мы каждый вечер бьем воблу о край деревянного стола, едим ее с пивом и поем «С одесского кичмана». Правда, муж мой пытался ввести на нашей жилплощади культ Булата Окуджавы, но с моей точки все эти «Ландыши» и «Петухи» — годятся только для маникюриши Таськи.

А на работе — мы ищем пробелы в идеологии сотрудников и допрашиваем Вольку Ляка о его лично-семейной жизни.

* * *

Марья Ивановна, Лидочкина мама, говорит, что каждый человек — кузнец своего счастья. Но если не всякий может быть

кузнецом? Конечно, я прекрасно знаю, что для того, чтобы быть счастливой, надо просто кушать побольше чернослива и этого достаточно, но! Не по теперешним временам. Мне это не по карману.

Дело с Руфкой — далеко не пай-поступок с моей стороны. Это темный угол в моей душе, и поэтому часто амплитуда моего настроения — от тройки до четверки. Сердце не щепка, мне очень жалко Цэ, но в наших обстоятельствах и не рад, да готов. Да что Руфка? Одна она, что ли? На погосте жить — всех не оплачешь. И что толку быть идеальной? Все равно — будь бела, как снег, и чиста, как лед, и все равно людская молва тебя очернит. Все люди одинаковы, если их поощрять к запаху крови.

И стою я сейчас и живу я теперь, как все. Не как дуб, а как плакучая ива.

Туда и сюда раскачиваясь.

Туда — сюда, туда — сюда.

Туда.

Сюда.

И твердо знаю, что никогда я с такой философией не пойду на убыль.

.

Но как мне хочется хоть одну неделю побыть Каштанкой или нашей кошкой Женечкой. Кица-кица-киц-киц-цццц.

О-й-й! Только не дергайте меня за хвостик!

ЖАСМИН В ТЕМНОТЕ

«И кладбищем пахнет сирень»

(Анна Ахматова)

Я целую чистый, как поцелуй ребенка, воздух и вижу, как над Ши-Цзы вьется в небе изящный ангел с раскрытой книгой в руке. Этот ангел клянется нам троим, что времени больше не будет.

Чужие тени мелькают за тюлевыми занавесками. Я знаю, что это не Айка, не Михайльчик, не Я и не белый жасмин в темноте. Это обнялись скоморошки, это повисли с ними мартышки, — и танцуют бешено. Их танцем дирижирует хорошенький полосатый шут.

Эх, скоморох с Пресни
Наигрывал песни...

Если так было уже в век Державина, то что же говорить о теперешних временах?

.

Одна я боюсь, но вместе... могу рискнуть. Давайте пройдемся вместе вечером мимо озера...

Вот так недавно

Я бродила одна в ожидании мрака

У озера в Токсово.

И смотрела на воду

Сквозь затхлую зелень.

Как пах земляникой!

Как тихо качался жасмин!

Вдруг!..

Вижу сквозь снежные листья его

Что-то белое, величавое, медленное...

Сначала я подумала, что это лебеди, — а потом оказалось... голые мужчины. Господь мой! Алаверды! Что это?

Потом я поняла, почему ошиблась. Я глядела на белый жасмин... в темноте.

Вместо голых мужчин, — я увидела лебедей.

Я видела, как плясали голые мужчины.

Выводы? Их два.

Первый

Плясали... Ну и что ж? Всяк спляшет, да не так, как скоморох.

Второй

Не гуляй одна

Как верста придорожная

В ожидании мрака.

Не сумерничай,

Не ищи лебедей...

Не гляди (на озере в Токсово)

Сквозь белый жасмин

В темноте...

* * *

Не бойтесь, не бойтесь Вирджинии Вульф!

Не удивляйтесь тому, что она слышала, как птицы под ее окном разговаривали по-гречески. Я сама говорю каждый вечер на арамейском языке с Ши-Цзы...

...чтобы исправить свое настроение, я брожу по Ленинграду (СПБ) и все лето чумею на Васильевском острове. «На Васильевский остров я приду умирать», — вместе с моим теперь самым любимым поэтом Иосифом Бродским, а пока...

...моей поэтической струне так везет! Стоит сухая теплая осень. Краски заката точ-в-точь такие же, как у Рериха и Ван Гога. На Васильевском острове домики времен Петра Первого. Старина постепенно уничтожается, и надо успеть согреть душу историей. Здесь мало народу и так тихо, что отнимаются ноги. А я совсем отвыкла от тишины. Кроме того, — дни становятся все сложнее и сложнее. Каждый вечер я одна убегаю гулять на Васильевский остров или на набережную Невы, к Академии Художеств, туда, где стоят каменные собаки в колпаках, Ши-Цзы.

.

Я теперь опять живу в Ленинграде, покупаю в диетической столовой тресковые котлеты плюс кисель из ревеня и одна каждый вечер в сумерках слоняю слоны на Васильевском острове для своей поэтической струны.

А какая радость случилась на днях! В квартире, где мы живем, поставили телефон общего пользования. С 1945 года эта жилая точка стояла на учете. Будете в Ленинграде — перезвоните мне по-быстрому. Номер: А-12-28-88. Стоит всего две копейки.

Я работаю художником-оформителем в Кукольном театре, а Тёмка режиссерствует там же. На Садовой, недалеко от ул. Держинского, которую наш Петр Константинович до сих пор называет Гороховой, в витрине парикмахерской висит Темкин портрет. Он халтурит налево для того, чтоб подработать: позирует в новых американских прическах для больших портретов в витринах парикмахерских. Доходной товарищ мой Тёмик. Прямо скажем — молодец.

И зад его теперь так аккуратно и симметрично уложен в брюки дорогого наимоднейшего костюма «Модекс» с коричневым отливом.

* * *

Что-то опять мне начали сниться какие-то стандартные сны.

Вот придрал-прибежал Михайльчик. С просьбой, — чтобы я через нашего худрука нашла знакомство в Апраксином в Магазине Новинки и обменяла бы ему вчера купленные немецкие нос-

ки на чешские. Немецкие хороши по следу, но узки в длину. Я боюсь просить худрука, а Михайльчик липнет:

— Да ты потряси его за душу-то...

— Нет, уж спасибочки... Мерсите на вас. Теперь смутное время. Спускают с лестницы, по шеям надают да неравно еще и чепчик помнут...

Когда в детстве я с особенным чувством отливала продерзости матери, Михайльчик, ловя меня в коридоре, строго говорил:

— Раиса! Зайди сейчас же ко мне...

— Да ну еще!

— А я настаиваю!

Я знала, что предстоит разговор «издаля».

Старый златоуст Михайльчик! Он сам млел, краснобайствуя. Почти всегда после бесед с ним я начинала проявлять признаки раскаяния (один раз даже плакала. Клянусь — не вру).

А сейчас? Ну как только он ко мне не подлизывался? И Раечка, и Раиса Ильинишна, и Айка-ибн-Илюша!

Я была непреклонна. Я не стала хлопотать о том, чтобы менять ему немецкие носки на чешские.

После жестокого моего отказа Михайльчику, как и Броне, сделалось вдруг всё безразлично.

На Кашинском заводе делают радиозонды?

В Иркутске открыли месторождение слюды?

Плюс — химизация всей страны и массовое производство синтетических товаров?

Так, так.

А к чертовой тетке — не хотите?

* * *

Не только сквозь жасмин в темноте, всегда: я неважно вижу. Но, — везде, — всегда, — все, — прекрасно слышу. Я слышу ушами, слышу глазами, слышу руками. Но лучше всего я слышу... кожей. Вся моя реакция на ощущение жизни, людей, событий, даже самых мелких и незначительных, — проходит через слуховое ощущение кожей, — сквозь этот самый восприимчивый и тонкий проводник. Наш век — моя могила, — я совсем не справляюсь с новым временем, с новой эпохой, с новыми понятиями.

Настоящее меня волнует и своим напряжением дает оценку ниже.

И все-таки, совсем недавно я вдруг поняла, что я более не

притворяюсь, и что меня действительно тянет целые часы стоять и глядеть на живопись-модерн.

Еще год назад Айка с Михайльчиком смотрели в Манеже на картины абстракционистов, вслух притворно восхищаясь и про себя удивляясь этой жалкой и «неинтересной» мазне.

Михайльчик вздыхал:

— Конечно, может быть, я отстал от века и устарел, может быть, во мне уже старческий маразм, но лично я, когда смотрю на это, я, как-то... сомневаюсь...

Я долго сомневалась, глядя на кучу маленьких желтых кубиков, коричневым хвостик, две острые черные иголки. Потом отошла в сторону и вдруг у меня перестало зудеть в глазах: я ясно увидела на полотне — ЦЫПЛЕНКА. Это был — ЦЫПЛЕНОК, ПОЖИРАЮЩИЙ МИР.

* * *

У меня абсолютная психологическая совместимость с двумя веками. С одной стороны, я несколько подозрительно отношусь к новому времени, а с другой — я бодро иду в ногу со всей нашей молодежью, и самый для меня дорогой теперь человек это не родители, не сестра Лялька и не Тёмка, а Антуан Сент-Экзюпери.

Читали ли вы «Южный почтовый»? А как вам «Улыбка», «Маленький принц»?

Я живу противопоточно.

То я кричу: — «эй, ай, ой, уй, давай, выдавай», — адресуя все это в атмосферу космонавтам, — а то я вижу в небесах ангела с открытой книгой в руке. Этот ангел возвещает, что времени больше не будет. И просит меня ангел учесть одну вещь и говорит тот ангел лично мне:

...да инии не возропчат, да инии не вознепшуют. Себя люби и ближнего не скреби. А в заключение всего афоризм:
НЕ УКОРЯЙ И НЕ УКОРЕН БУДЕШИ, А УКОРИШЬ
ДРУГИХ — УКОРЯТ И ТЯ.

Художественный свист, правда?

А вот частушки Никаноровны и Христофоровны — это сила!

* * *

На Университетской набережной в Ленинграде — две огромные каменные собаки в колпаках, Ши-Цзы. Пока в них живое сердце не затрепещется, — НИЧЕМУ НАСТОЯЩЕМУ НЕ БЫТЬ, а все быть только как для виду.

— Есть ли жизнь на других планетах? — твякнул один из них на арамейском языке и протянул мне лапу.

Ох, тяжело пожатье каменной десницы...

Сердце Ши-Цзы — камень на дне горной реки.

С каждым веком этот камень становится все холоднее и холоднее.

* * *

Сегодня я ясно слышала, как крошечный сверчок под моим окном перепищал шум самолета.

А вот когда мне было три месяца, меня вносили в комнату художника Николая Леденегина. На полке у него стояли две медные жаровни и малюсенькая польская химера. Тонированный гипс.

Ах, какие грустные глаза у химеры, грызущей большую ящерицу...

Два стихотворения

НАЧАЛО ПОЭМЫ

А там вино и тепло,
и женщины, красавицы из красавиц,
ступают бесшумно, как сны в апреле,
по полу бархатному, как луга,
и ярко горит в стакане
двухкопеечная звезда.
Только поглядите на этих женщин:
стройные черные ноги, как у диких птиц
(может быть, чуточку обугленные
на огне одомашненной страсти).
Да под звенящими колоколами юбок
малиново светятся их зовущие тела,
неверные, колеблющие, плывущие
по болоту хрустального ресторана,
где призрачно квакают гобои
и где колонны утопленников
разносят люля-кебаб и рислинг.

А здесь даже у костра знобко --
душит дым, и комары заедают,
и с ночи пробродив до полдня,
мы не убили ни одной утки.
От Терезы сегодня пахнет псиной.
Какая-то женственная лягушка
томно зазывает нас на пиво.
Вот тихо проявляются звезды.
И какой псих придумал болото?

Эти стихотворения принадлежат перу молодого московского поэта. —

МОЯ БАБУШКА — ВЕДЬМА

Я очень маленький мальчик,
а моя бабушка — ведьма,
я очень люблю мою бабушку,
но она — ведьма.
Однажды летней ночью
она встала и пошла на кухню,
я за нею совсем тихонько —
а там очень пахнет луком.
Моя бабушка прыг на сковородку —
и громко-громко запела,
а я очень-очень испугался.
Тут она меня поманила,
и мы с ней вылетели в окошко.
Я прижался к ней что есть мочи —
потому что земля была с чашку.
По ней ходили павлины
и плавали лебеди в белом.
Она светилась как елка.
И мы залетели в кондитерскую.
Бабушка воровала торты,
а я ел,
а бабушка съела еще больше.
Потому что очень устала.
А потом мы вернулись на пони.
Тихо-тихо разделись —
и шмыгнули в наши кровати.
Бабушка шуметь мне не велела.
Бабушка очень добрая,
все-таки жаль, что ведьма.

Рассказы об одиночестве

«Человеку страшно жить одному, страшно ему быть один на один с судьбой и историей...»

СВЯЩЕННИК

Как он стал священником? Очень просто. Из того древнего города на юго-западе России, куда он попал после отбытия срока в концлагере, ушли советские войска, и город был взят немцами. Городская, чисто фиктивная власть находилась в руках украинцев, он же был русским. Работу найти было почти невозможно. Пришел к местному православному епископу и просил рукоположить его в священники. Пройдя небольшую подготовку, стал священником. Приход получил в селе под городом.

Бывая часто в городе, встретил как-то своего солагерника. Был потом у него в доме. Тот занимал большое место у немцев. Хорошо жил, был очень радушен и приветлив к нему, помог в некоторых делах. Возвращаясь, думал: «А у меня деревенская хата, земляной пол, убогая жизнь. Прихожане дают скупое и мало...»

В темные ночи, ворочаясь на неудобной койке, всё возвращался к этим думам.

Единственной книгой было Евангелие, но читал он его плохо, и вскоре злоба наполнила сердце.

«Евреи предали Христа, думал он, евреи принесли нам одно горе. Гитлер прав: евреев нужно уничтожать».

Стал вспоминать концлагерь и тогда решил, что встреченный им здесь солагерник скрывает, что он еврей.

Высокий сухопарый белокрысы немец, следователь гестапо, спрашивал его, прочтя донос:

- Вы убеждены, что Дмитревский — еврей?
- Да.
- Какие же у вас для такого обвинения есть данные?

— Он общался в лагере только с евреями. Да наконец — посмотрите на него — вьющиеся волосы, нос — явно семитский тип.

Отпустив священника, следователь приказал арестовать Дмитриевского. Тому грозила смерть.

Оставаясь теперь один, доносчик про себя говорил: — «Мы много страдали от евреев, пусть теперь страдают они». Он не испытывал угрызений совести. Он считал, что прав, что борется за правду.

К счастью для оговоренного человека следователь гестапо решил проверить донос. Представлены были непроверяемые данные — человек оказался и христианином и необрезанным.

Человека освободили после очной ставки со священником.

Даже выдавший виды следователь, после того, как выяснилось, что никаких точных данных у доносчика не было, стал кричать на него:

— Стыдно вам! Какое же вы духовное лицо, если так легко можете оклеветать другого! Собственно говоря, я должен был бы вас посадить в тюрьму — ну, идите и перестаньте писать доносы...

Он вернулся в свой приход еще более озлобленным, чем раньше.

А кругом становилось всё тревожнее и тревожнее. Немецкие армии отступали под натиском советских частей. В лесах действовали партизаны, управляемые Москвой. Приближался конец немецкому владычеству.

Надо было уходить. С немцами? Но ведь он опять мог встретиться с тем, кого оклеветал? И долго ли продержится империя Гитлера? Остаться? Как будут действовать «свои»? Что они сделают со мной?

Всё думал о земном. Но ни разу не подумал, а какой ответ даст Богу за содеянное, ибо Бога в душе у него давно не было, был лишь дьявол злобы.

Немцы всё же были чужие, и он не ушел с ними.

Когда танки Гудериана остались без горючего, и когда сопротивление их было сломлено советскими войсками, которые, вооруженные тяжелыми американскими танками, ворвались в село, — всё было уже кончено.

Отстреливаясь, уходила немецкая пехота в степь.

Снаряд попал в хату, в которой он жил. Молиться в последний час он не мог и перед судом Бога предстал нагой и опустошенный.

ОТЕЦ

Он стал забывать, когда была семья. А семья была большая и счастливая. Но жена умерла совсем молодой — рак мозга, — подарив ему трех сыновей. Дети росли и приносили много радостей. Как-то двое младших (старший был с ним) остались ночевать у знакомых в Шарлоттенбурге, когда бомбы сыпались на Берлин, как дождь. Утром отец поехал за ними и увидел вместо дома развалины. Всё было разбито, и все были убиты. Отец остался с одним сыном.

Надо было жить, воспитывать сына, думать о будущем, а сил для того, чтобы жить, было мало. Несчастья не свалили его окончательно, но внутри что-то надломилось. Он стал замкнутым, необщительным, малоразговорчивым и даже угрюмым.

Войне пришел конец. Жить в Европе стало трудно. Нужно было выбирать — к тому же казалось, что новая война вот-вот настигнет человечество.

За морями лежала новая страна, которую он выбрал для новой жизни. Думал, что всё устроится хорошо. Превосходно знал язык страны, сын также — теперь ему было больше 20 лет. Страна, куда они ехали, нуждалась в людях, и хотя оба они не имели специальности — отец учился в кадетском корпусе, сын окончил немецкую гимназию, — были уверены, что обретут в этой стране место в жизни.

Однако знание языка не помогло, требовалось еще и образование и профессия. Пришлось поэтому идти на фабрику. Сын оказался неудачником. За всё брался, ничего не выходило. Пытался учиться, бросил, когда не выдержал экзамена; пытался иметь собственное дело и это бросил, когда дело не пошло; пытался что-то продавать, и из этого ничего не вышло. Наконец кое-как устроился приказчиком и на этом успокоился.

Год мчался за годом. Отец старел, портился характер, стал труден в общении, придирчив, нетерпим. Отчуждение между отцом и сыном росло всё больше.

Отец имел отдушину — всё свободное время уходило для общественной жизни. Исключительно порядочный, чистоплотный и считающий, что монархическая идея есть начало и конец любого народа, а русского прежде всего, — отдавал остаток своих сил тем бесчисленным и часто эфемерным организациям, которые быстро возникали и быстро распадались. Сын интересовался бутылкой, картами и женщинами.

Сначала жили вместе, потом разъехались. Виделись иногда.

Отец потерял работу, долго не мог найти новую. Прожил все сбережения. Сын жил своей жизнью.

Отец понял, что один на свете, что нищий, что кругом безбрежное чужое людское море, что нет рядом близкой души, нет теплой женской ласки, нет радости семьи.

И в короткие минуты покоя и счастья, и в долгие дни и месяцы тоски и горя знал одно прибежище — церковь. Только в ней находил успокоение, только в ней искал ответа на один вопрос: «за что, Господи, Ты так караешь меня?»

Он услышал ответ и оставил грешный мир, где стоял один, где шел, спотыкался и падал.

В заброшенном маленьком монастыре, среди леса, гор и речных вод, потекли его монашеские дни.

ИНЖЕНЕР

На Запад он пришел с немцами. Там — в Советском Союзе — у него ничего не осталось. Родители погибли в лагерях Сталина, жена и дети на его глазах погибли при бомбардировке немцами города, в котором он жил.

Один ушел и один пришел.

Большой технический опыт и хорошие знания помогли ему сразу. Сперва чертежником, а скоро и инженером он стал работать в новой стране.

Знал язык и быстро продвигался по служебной лестнице. Жил же замкнуто, скромно, и только одна страсть была — слушал радио. Слушал же почти всегда одну Москву. Просыпался ночью, настраивал и ловил знакомый голос. Так каждый день и каждую ночь.

Внешне приобретал навыки среднего достатка человека, внутренне оставался советским, многое видел глазами передовиков «Правды»: проезжала дорогая машина, за рулем сидел старый, хорошо одетый человек. Ему казалось, что сидит капиталист, десятками лет выжимавший соки из своих рабочих; на самом деле это был просто фермер, приехавший в город, всю жизнь тяжело трудившийся.

В кино рядом с ним сидела скромно одетая пожилая женщина. Решил — бедняжка, видно, много работает, только и радость, что кино, даже платье хорошее не может купить. А когда вышел, увидел, как его соседка села за руль большой превосходной машины и укатила.

Он читал газеты страны, где теперь жил, и ему казалось, что

мир наполнен преступлениями, убийствами, отравлениями, и что окружают его люди, живущие только ради денег. А вокруг текла другая жизнь, полная разными интересами, любовью, страстью, музыкой. Ничего не видел, а между тем сам уже жил только ради денег.

Проживал мало, много откладывал, имел большой текущий счет и покупал акции и ценные бумаги. Стал разбираться, продавая, зарабатывал. Покупал свободные для постройки земли и по мере роста цен продавал эти земли.

Рос капитал и, собственно говоря, ему не надо было работать — проценты могли создать ему обеспеченную жизнь. Однако деньги завладели им целиком. Он по-прежнему напряженно работал и так же много зарабатывал.

По мере того, как богатство шло к нему, патриотические воззрения теряли советскую окраску, и он стал принимать мир как он есть. Стал ценить тот мир, который дал ему деньги.

Старел, думал о смерти, искал родственников. Нашлись дальние в Советском Союзе. Писал и получал ответы — не сразу, но понял, как всё там стало ему чуждым. Понял, что родственники интересуются его деньгами, понял и то, что деньги эти вряд ли попадут им — заберут «советчики».

Безжалостно текло время и несло с собой усталость, болезни, тоску.

Нигде не бывал, иногда ходил в церковь, вера в Бога была привита с детства, за веру родители погибли в концлагере. Моллился тяжко, страдая. Молитва давала некоторое успокоение.

Первый звонок — легкий удар, прошел почти бесследно, быстро поправился и — опять за работу.

Никогда не отдыхал, как следует — брал отпуск и сидел дома.

Раз сослуживец уговорил поехать с ним на север страны. Там увидел черных обитателей; надолго запомнилось всё — нищета, убогий быт, тьма, голые и грязные дети.

Вернулся домой, и все пошло своим чередом.

Второй удар был серьезнее. Долго лежал в больнице, не действовала одна нога, отнялась рука. Крепкий организм боролся, сердце было здоровое — вынес и этот удар.

Составил завещание и принялся вновь за старое — что-то чертил, проектировал, скупал акции. Деньги всё шли и шли к нему.

Смерть же стояла за спиной. Он знал, он ждал, он готовился. Исповедывался, причастился — в мир иной уходил, как и

жил последние годы, один, но след оставлял в покидаемом мире. От дум о следе было ясно, спокойно, даже весело на душе. Он оставил всё свое состояние на воспитательные цели для чернокожих детей. Его душеприказчики об этом должны позаботиться.

Было страшно ему одинокому в жизни. Теперь больше страха не было.

МАКЛЕР

Продает дома и земли. Сдаёт квартиры. Живет в старом доме, в самой шумной части города. Дом купил с торгов. В доме много комнат, всегда они сняты, но жильцы тихие, хотя есть и пьяницы, однако смирные. Сам он оставил для себя большую комнату, — ему больше не нужно.

Жизнь идет от субботы до субботы. В этот день, собрав квартирную плату и пообедав, он уходит показывать дома, земли.

К вечеру он уже дома. А к пяти часам входит в крошечную домовую церковку. Еще нет священника, но он ставит свечи, подливает масло в лампы, осматривает, всё ли в порядке.

Потом идет к певчим — их мало в субботу, весь хор собирается только в воскресенье, к обедне. Он поет приятным тенорком, знает всю службу и никогда не ошибется.

В воскресенье больше молящихся, струят тепло все свечи, горит паникадило.

Так легко, так радостно на душе! Здесь его настоящая жизнь, здесь он смиряется, добреет, яснее.

И снова будни, и снова дома, деньги и дела.

Спокойный, ровный в обхождении, раз вспылит, стал нервничать, потерял равновесие.

Новый архиерей решил строить собор не в городе, а в пригороде. А он уже присмотрел место в самом центре города. Говорил, что мы умрем, что забудут нас, а вот собор останется памятником, и все будут говорить: русский собор, такой величественный, такой большой! На поверку место оказалось неудобным, вблизи пивной, шумным, грязным. Архиерей не стал слушать его. Тогда-то он, первый раз в своей жизни, зашумел. Не вышло так, как он хотел; промолчав, он затаил недовольство. И когда построили собор, никогда не ходил туда молиться.

Ему долгое время казалось, что он не бобыль, что жизнь его наполнена — всё это давала ему вера. Он верил в Бога и верил в то, что в России вновь будет царь. Вера была проста и наивна — ее когда-то привил ему отец в далекой белорусской деревне. С

тех пор многое переменялось, многое ушло, но вера осталась. С этим жил.

Всегда давал деньги каким-то организациям, обещающим царя, всегда поддерживал церковь.

С годами стал ощущать тоску по человеку, по близкому, вера стала казаться мертвой без дел. А дел он не находил, страна была сытая, нищих не знала, соотечественники хотя и работали зачастую тяжело, но жирели.

Однажды в парижской газете прочел обращение, взывавшее помочь афонским монахам. Прочел и подумал: «а ведь правда, умирают без помощи, куска хлеба не имеют». Загорелся, и с тех пор, как прочел, посылал на Афон деньги и собирал деньги среди прихожан.

Отлегло на время. Засыпая в своем старом доме, на старой удобной кровати, видел тропинку, бегущую к морю, слышал крик осла и молитву старого монаха.

Так появилась забота о живых людях. Казалось, что они, эти древние монахи, были где-то рядом, молились о нем, пили ключевую воду и заедали тем куском хлеба, который он прислал. От дум таких, от чувств, наполнявших его, было легче.

Длилось же такое состояние не долго.

Было кое-что накоплено. Никому не сказал, просто собрался, — английский паспорт открывал повсюду дорогу, визы пришли быстро. Путь его лежал на Святую Землю и на Святую Гору.

Как уехал неожиданно, так и приехал неожиданно. Привез много снимков, рассказывал, даже прочел несколько докладов и всё говорил о нужде последних афонских монахов.

И видно было, что чем-то обеспокоен человек, чего-то ищет и не находит.

Раз, когда он закончил свой рассказ о Святой Земле, к нему подошла старая монахиня:

— Что ты мечешься? Что ты ищешь, добрый человек?

— Не знаю, матушка, один я на свете, вот и ищу кого-либо.

— А Бог-то ведь всегда с тобой.

— Так-то так, но живой я — человека хочу, близкого...

Опять потекли дни. Приходила ночь, не мог уснуть, горько, смутно и тяжело проходили ночные часы.

Жильцы видели хозяина раз в неделю. В другие дни редко кто видел его, дом был заселен служащими и рабочими, с утра все на работе. Как-то странно тихо было у него в комнате вот

уже два дня — никто не выходил и не приходил. Соседка постучала и не получила ответа. Взломали дверь; он лежал на полу у кровати, пытался, видно, встать, но последовал еще удар, и пришел конец.

Никто не знал, куда о нем сообщить. Тело забрали в морг, там сдали похоронному бюро, и оно отвезло его на кладбище.

Когда разыскивали русскую церковь — ту, куда он ходил молиться, — отслужили панихиду, священник сказал несколько слов. Скоро все забыли о нем.

ДИРЕКТОР

Стóбило лишь взглянуть на него, как становилось ясным, откуда он принес столько самодовольного невежества и презрения к людям, стоящим на жизненной лестнице ниже, чем он.

Каким ветром занесло в эмиграцию этого бывшего советского директора не то кирпичного, не то деревообделочного завода — трудно сказать.

Искусно маскируясь, проникал в эмигрантские организации, но везде хотел играть главную роль, считая про себя, что его партийная выучка дает ему на это право — как и все самолюбленные неучи, полагал, что кругом него одни дураки.

По беженской земле ходил первое время окруженный почитателями, с восторгом взиравшими на упивавшегося собой вождя.

Как и все люди такого рода биографию имел ловко придуманную.

Рождение, семья, отец-инженер умер рано. Сам он получил высшее образование — какой-то индустриальный институт, из которого выходили директора по административной части. Директором стал и он. Пострадал, по его словам, в период чисток — на поверку оказалось, что сидел за «бытовое разложение».

Лагерь отбыл, но партийный билет ему не вернули. Грянула война, пришли немцы. Отправился с ними. В Польше даже умудрился в короткий период господства немцев иметь собственное предприятие — опять был директором.

В эмиграции директорствовать было негде, хотя какое-то строительное общество он пытался создавать, но ничего не вышло.

С важностью судил о всех вещах, забывая и игнорируя один закон, который рекомендовал Пушкин — судить не свыше сапога.

Пробовал выдавать свой советский патриотизм за русский. Был понят, и тогда начал пакостить и мстить.

Установив прямую связь со своими старыми хозяевами, начал «работать».

Чекистский листок, выходящий в Восточном Берлине, открыл ему страницы, и потекли туда мутные и грязные ручьи его письменных упражнений.

Новые связи нужно было скрывать и прятать. Разошелся с женой, дочь и сын давно ушли от него.

Так как все избегали его и так как его подлинная физиономия была раскрыта, — просил своих «работодателей» разрешения выехать на старую родину. Ему сказали, что он нужен там, где он живет сейчас.

Легкая и хорошо оплачиваемая работа в богатой стране дала ему средства, и он старел, жирел и выдыхался.

Уже давно следил за ним высокий худой человек. Знал он о нем всё — под пьяную руку тот сам рассказал. У следящего был свой счет с советской властью — невеста, мать и сестры, загубленные режимом, были на этом счету.

Темной ночью вез человек «директора» в Голубые Горы. Вышли полюбоваться к пропасти у дороги — одно мгновение, и — будто столкнули камень — полетел вниз.

Долго не могли найти тела секретного агента, известного под кличкой Верзилы. Только когда весенние воды бурной горной речки разлились, на поверхность их всплыл изуродованный труп.

Гениальный неудачник

(Об Андрее Белом)

1. Краткая биография

Андрей Белый (настоящее имя Борис Бугаев) родился 14 октября 1880 года в Москве. Его отцом был известный в свое время профессор математики Николай Бугаев. Его мать (Александра Дмитриевна) была красавицей и светской дамой. Николай Бугаев был одним из лучших математиков России, с философскими склонностями. Мать была полной ему противоположностью: капризна, легко поддавалась разным настроениям. Брак не был счастливым, и в душе ребенка поселилось раздвоение между почитанием отца и нежной любовью к матери. В раннем детстве Белый стал обнаруживать блестящие способности к литературе и тягу к естественным наукам. Закончив в 1899 году гимназию, он под влиянием отца поступил на естественный факультет Московского университета, но затем перешел на литературное отделение. Большое влияние на образ его мыслей оказал Владимир Соловьев, с которым он познакомился весной 1900 года в семье Михаила Сергеевича Соловьева, сын которого (Серезжа) был его сверстником. У Белого с философом состоялся «значительный разговор».

К концу 1900 года Белый закончил первое свое произведение «Северную симфонию». В печати ранее, однако, была опубликована его «Вторая симфония» (1902 год), на которую Блок написал восторженную рецензию. Дружба с Блоком началась в 1903 году. В том же году вышел в свет первый поэтический сборник Белого — «Золото в лазури», сразу выдвинувший его в первые ряды поэтов Серебряного Века.

В 1903 году у него происходит крупная ссора с Брюсовым,

главным образом из-за Нины Петровской, влюбившейся в Белого, но затем променявшей его на Брюсова.

1906 и 1907 годы в личной жизни Белого проходят под знаком его трагической любви к жене Блока — Любове Дмитриевне. Она вначале чуть ли не была готова соединить свою судьбу с Белым, но затем отвергла его.

Апогей славы Белого приходится на 1910-1916 годы, после опубликования его лучших поэтических сборников «Пепел» и «Урна» и, особенно, после опубликования романов «Серебряный Голубь» (1910) и «Петербург» (1916).

В 1909 году он знакомится с Асей Тургеневой («с ангеленком») и вскоре выезжает с ней в большое заграничное путешествие.

К 1911-1916 годам относится его увлечение антропософией Рудольфа Штейнера. Разрыв со Штейнером произошел отчасти из-за личных причин — Ася предпочла остаться в Дорнахе (резиденции Штейнера) и отказалась вернуться с бывшим другом жизни в Россию.

Белый приветствовал Октябрьскую революцию своей неудачной поэмой «Христос Воскресе» (1918).

В 1921 году, вскоре после смерти Блока, Белый получил разрешение выехать за границу. Он поселился в Берлине. Одно время хотел было стать «невозвращенцем», но в октябре 1923 года внезапно передумал и вернулся в Советский Союз.

Об его жизни в Советском Союзе имеется мало данных. Он успел написать еще ряд прозаических произведений («Чудаки», «Москва» и другие), менее удачных, чем прежние.

С конца двадцатых годов он начал писать воспоминания, которые вышли в тридцатые годы («На рубеже двух столетий», «Начало века», «Между двух революций»).

Советская власть его не трогала, однако, его творчество было явно не в чести у власть имущих.

Белый скончался летом 1934 года в Коктебеле, в Крыму, по слухам, от последствий солнечного удара.

2. Характер творчества

Без риторического преувеличения можно сказать, что Андрей Белый был наиболее странной и сумбурной, наиболее спорной фигурой русской литературы XX века. Для всех, близко его знавших, гениальность его была несомненной. Белый явился пионером в ряде областей: в символической поэзии, где он, наряду

с Блоком, задавал тон Серебряному Веку; в прозе, где он создал свой жанр «ритмической прозы», предвосхитив литературу «потока сознания», прославившую Джойса; в литературоведении, где из его «ритмического кружка» выросла позднейшая школа формалистов; в литературной критике, где им была дана революционная по своему значению переоценка традиционных литературных ценностей, в частности столь близкого ему Гоголя.

Но столь же несомненно, что Белый как человек был не на высоте своего таланта. Более того, его сложная и расщепленная личность бывала нередко врагом его таланта. Он часто бросал свои гениальные начинания, вдохновение подменял одержимостью. Он обладал удивительным свойством губить свой талант и самого себя.

«Я мог бы быть молнией, от которой загорится мир. Вместо этого я разбил себя вдребезги, и мальчишки подбирают теперь мои осколки», — вырвалось раз у него горестное признание.

Изолгавшийся, обманный и самообманный, и в то же время предельно искренний и покоряюще милый, заумный, и в то же время обладающий даром почти гипнотического воздействия на подсознание людей; мятущийся, но исполненный высших открытий, заглядывавший в бездны хаоса, и в то же время светлый дух, Ариэль русской поэзии, — таким рисуется Белый по его собственным творениям и по воспоминаниям современников.

Белый приобрел в свое время в России широкую славу. Однако поэзия его была доступна или близка лишь избранному меньшинству. Его называли «поэтом для поэтов». Белого читали меньше, чем Бальмонта или Брюсова, не говоря уже о Блоке.

Хотя Белый после краткого пребывания в эмиграции стал «возвращенцем» и вернулся в Советский Союз почти одновременно с Алексеем Толстым, советская критика его не жаловала, а только терпела. В Советском Союзе и до сих пор более всего ценятся его воспоминания («На рубеже двух столетий», «Между двух революций»), которые написаны блестяще, но полны клеветы и передержек не только из желания угодить власти имущим, но и в силу сугубого эгоцентризма их автора.

Достать в Советском Союзе стихотворения Белого или его романы не так легко. Хотя на них не наложен запрет, они давно уже не переиздаются. В эмиграции же Белого не любят за его отношение к советской власти. Но поэзия его и без этого была бы предана забвению. Многим кажется, что Белый был слишком философичен в своих стихах и слишком лиричен в своей фило-

софии. Тем не менее, хотелось бы попробовать восстановить образ этого «смятеннейшего из смятенных» поэта и попытаться дать общую характеристику его многостороннего творчества.

3. Поэзия

Андрей Белый выступил на литературной сцене в самом начале XX века. Его первые стихотворения, при всех их юношеских несовершенствах, были исполнены подлинной мистики и воздушности. В атмосфере того времени, очевидно, бродил призрак мистического символизма, еще не найдя себе воплощения. Первые стихотворения Белого скоро привлекли внимание также начинавшего тогда свой творческий путь Блока, который сразу почувствовал себя духовно родственным Белому. Оба юные поэты, независимо друг от друга, переживали тогда романтическую влюбленность в «Вечную Женственность». Над обоими господствовал культ только что скончавшегося Соловьева, преимущественно как поэта.

Поэтическое превосходство Блока обнаружилось особенно ярко в позднейший период. Но Белый, несмотря на частые срывы, вообще характерные для него, рано нашел собственную мелодику и ритмику стиха. Его прерывистый, но мелодичный ритм можно узнать из сотни других. Поражает особенно бесплотность его поэзии — недаром он так любил описывать полеты и надзвездности.

Одно из первых его удачных стихотворений было воспринято в то время как поэтический призыв раннего мистического символизма:

Наш Арго,
Наш Арго,
Готовясь лететь, золотыми крылами
Забил.

Не менее характерен другой его призыв:

Возлюбим
Высоты великих стремлений,
Полеты
Вселенских томлений...

Заоблачной романтикой проникнуто и следующее, одно из лучших его стихотворений:

Думы седые,
 Туман бесконечности,
 Гул, прозвучавший в веках!
 Образ возлюбленной —
 Вечности
 Встретил меня в горах...
 Жизни не жаль загубленной.
 Смотрит в туман бесконечности
 Образ возлюбленной —
 Образ Вечности...

Поэт парит где-то высоко над землей. На этой надзвездной высоте, самоосужденный на одиночество, он пробует иногда «пошалить»:

Голосил низким басом,
 В небеса запустил ананасом
 И, дугу описав,
 Озирая окрестность,
 Ананас нисподал,
 Просияв в бесконечность...

Большинство этих стихотворений — из сборника, вышедшего в 1903 году под характерным заглавием «**Золото в лазури**». Характерным, ибо Белый того времени был весь в поднебесьи.

Показательны для этого сборника и следующие стихи:

Кто-то руку воздел,
 Утопал в ликовании мира.
 И заластился к нам
 Голубеющий бархат эфира...

В этой эфирной атмосфере поэт слышит неземные звуки, таинственные призывы:

Для чистых слез, для радости духовной,
 Для бытия;
 Мой падший сын, мой сын единокровный
 Зову Тебя.

Иногда поэта слишком даже пьянит «золотое вино» солнца, слишком пронзает лазурь неба. И он восклицает:

Зачем этот воздух лучист,
 Зачем лучезарен — до боли?..

Но в том же сборнике имеется целый цикл стихотворений с совсем другим подтекстом и настроением. Мы имеем в виду «комплекс избранничества», созревший в душе поэта от духовной гордыни. Он слишком поспешно стремился к преобразению мира, вплоть до вот-вот грядущего воскресения из мертвых. Этим комплексом был одержим в то время гений поэта.

Перекрестясь, отправились мы оба
 На праздник мирового воскресенья.
 И — восставали мертвые из гроба,
 И — слышалось таинственное пенье...

Это стремление перепрыгнуть через жизненный опыт прямо к светлому финалу мирового процесса представляло собой, — как поэт сам после осознал, — соблазн, навеянный отчасти соловьевской «Повестью об Антихристе».

Так, герой, от имени которого ведутся эти христологические монологи, воображает себя новым Христом. Но, в конце концов, он оказывается посрамленным самозванцем.

Стоял я дураком
 В венце своем огнистом,
 В хитоне золотом,
 Скрепленном аметистом.
 Стоял один как столп
 В пустынях удаленных,
 И ждал народных толп
 Коленопреклоненных.

Но толпы не приходят, и лжепророк восклицает:

Будь проклят Вельзевул,
 Лукавый соблазнитель!
 Не Ты ли мне шепнул,
 Что новый Я спаситель?

А в стихотворении «Дурак» дело для лжепророка кончается лечебницей для душевнобольных:

Полный радостных мук
 Утихает дурак;
 Тихо падает на пол из рук
 Сумасшедший колпак...

Сам поэт сознавал, что эта мания «эго-мессианства» граничит с безумием:

Рой отблесков... Утро... опять я свободен и волен,
 Открой занавески: в алмазах, в огне, в янтаре —
 Кресты колоколен. Я болен? О, нет, я не болен.
 Поднятые руки — горе, на одре, в серебре...
 Там — в пурпуре зори... там бури... и в пурпуре бури
 Внемлите, ловите: воскрес я, глядите — воскрес...
 Мой гроб уплывает туда — в золотые лазури...
 Поймали, свалили, на лоб положили компресс...

Этот мотив религиозного самозванства играет большую роль в поэзии раннего Белого. Он отразился и на его «Симфониях». Но вскоре Белый довольно радикально меняет свой поэтический облик.

Революция 1905 года оказала большое влияние на молодого Белого, заставив его спуститься с заоблачных высот в грешную действительность. По символике судьбы Белый приехал в Петербург как раз в день начала революции. Со свойственным ему стремлением к крайностям Белый начинает теперь увлекаться народными темами, и в этом он находит себе союзника и учителя в лице Некрасова. В сборнике «Пепел» (1907) эта народнически-некрасовская стихия проявляется с полной силой. Поэт, начавший с протеста против засилия гражданских мотивов в поэзии, возвращается к этим мотивам, но глубоко по-новому. Само народничество принимает у него мистический характер. Некрасовский плач о страданиях народных превращается у Белого в безудержные рыдания. Сама Россия иногда представляется ему как проклятая Богом страна.

Роковая страна, ледяная,
 Проклятая железной судьбой —
 Мать Россия, о родина злая,
 Кто же так подшутил над Тобой?

В подобном, ультрапессимистическом ключе написано его знаменитое стихотворение «Отчаяние»:

Довольно, не жди, не надейся,
 Рассейся, мой бедный народ.
 В пространство пади и разбейся
 За годом мучительный год.

.
 Века нищеты и безволя...
 Позволь же, о, родина мать,
 В сырое, в пустое раздолье,
 В раздолье Твое прорыдать.

.
 Туда, где смертей и болезней
 Лихая прошла колея, —
 Исчезни в пространство, исчезни,
 Россия, Россия моя.

В самых мрачных красках рисует он деревенскую Русь:

Протопорцился избенок
 Криворотый строй,
 Словно ветхих старушонок
 Полоумный рой.

Или в другом стихотворении:

Дни за днями, год за годом,
 Вновь: за годом год...
 Недород за недородом,
 Здесь — глухой народ.

Сама панорама России, как она видится ему из окна вагона железной дороги, предстает перед ним в безнадежной перспективе:

Поезд плачется. В дали родные.
 Телеграфная тянется сеть.
 Пролетают поля росяные.
 Пролетают в поля: умереть.
 Пролетают: так пусто, так голо...
 Пролетают — вон там и вон здесь —
 Пролетают — за селами села,
 Пролетают — за всями весь;
 И кабак, и погост, и ребенок,
 Засыпающий там у грудей: —
 Там — убогие стаи избенок,
 Там — убогие стаи людей.
 Мать Россия! Тебе мои песни, —
 О, немая, суровая мать!
 Здесь и глуше мне дай, и безвестней
 Непутевую жизнь отрыдать.

Даже склонность русского характера к разгульному веселью трактуется Белым в духе французской поговорки «После меня — хоть потоп». Вот как он описывает, например, веселую пьянку в деревне:

Как несли за флягой флягу,
 Пили огненную влагу.
 Д'накачался я,
 Д'наплясался я.
 Дьякон, писарь, поп, дьячок
 Повалили на лужок.
 Эх, людям грех!
 Эх, курам смех!
 Трепаком-паком размашисто пошли.
 Трепаком, душа, ходи, валяй, ходи.
 Что там думать, что там ждать?
 Дунуть, плюнуть, наплевать...

«Стихи о России» заканчиваются тоскливым вопросом:

Просторов простертая рать,
 В пространствах таятся пространства.
 Россия, куда мне бежать
 От голода, мора и пьянства?..

Сборник «Пепел» полон также народнических стилизаций. Вот одно из таких стихотворений, в котором описывается, как преступник из народа, гонимый страхом перед наказанием, приходит «утешиться» к своей милой:

Руки в боки, — эй, лебядки,
 Вам плясать пора.
 Наливай в стакан мне водки,
 Приголубь, сестра...
 Где-то там рыдает звуком,
 Где-то там орган.
 Подавай селедку с луком
 Расшнуруй свой стан.

Эй, откуда, эй, узнай-ка,
 Заявился я?
 Трынды-трынды, балалайка!
 Трыкалка моя...

И везде Белому мерещатся катастрофы. Впрочем, в оправдание его можно сказать, что катастрофы действительно наступили:

К столу припав, заплакал я,
Провидя перст судьбы железной.
Ликуйте, пьяные друзья,
Над распахнувшеюся бездной!...

Мрачное настроение, которым проникнуты стихи сборника «Пепел», было безусловно навечно и неудачным в своем финале романом Белого с женой Блока, Любовью Дмитриевной. Отказ Любви Дмитриевны соединить свою судьбу с судьбой Белого и охлаждение отношений с Блоком оказали глубокое и удручающее влияние на весь душевный строй нашего поэта. Но свое литературное отражение неудачный роман с Любовью Дмитриевной нашел в позднейшем сборнике. Что касается сборника «Пепел», драма неразделенной любви и обиды просто усугубили мрачный строй его лиры того времени. Но все же центр тяжести сборника «Пепел» — в отчаянии перед судьбами России и в мотиве «саможалости», вообще характерном для Белого и получившем свое отражение в этом же сборнике.

Так, поэт описывает, например, собственные похороны:

И плывет серебро
Катафалка.
Поют,
Но не внемлю,
И жалко
И жалко
И жалко
Мне землю.

.

Меня несут
На Страшный Суд...

К числу подобных эгоцентрических и самосострадательных стихов принадлежит и следующее, одно из лучших его стихотворений:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.
Не смейтесь над мертвым поэтом,
Снесите ему венок.

На кресте и зимой и летом
 Мой фарфоровый бьется венок.

.
 Любил только звон колокольный
 И закат.

Отчего мне так больно, больно?

Я не виноват.

Пожалейте, придите!

Навстречу венком метнусь.

О, любите меня, полюбите;

Я, быть может, не умер,

Быть может, проснусь,

Вернусь...

В этих стихах много наивно-трогательного. Несмотря на свою сложную и смятенную натуру, Белый умел быть трогательно простым, когда хотел.

Следующий выпущенный им поэтический сборник «Урна» (1909) по своему содержанию очень разностилен. Здесь есть и отражения его личных переживаний, и поэтические стилизации, и философские размышления. Именно в этом сборнике нашло свое отражение его надрывное, закончившееся неудачей увлечение женой Блока. В годовщину «роковой встречи» он раздражается упреками по адресу «изменницы», с горечью вспоминая:

Устами жгла давно ли ты
 До боли мне уста, до боли?
 Вся запрокинувшись в цветы
 Желтофиолей, роз, магнолий...

Другие строфы окрашены сарказмом:

Непоправимое мое
 Припоминается бывшее;
 Припоминается ее
 Лицо, холодное и злое.

Он уже не ждет от любви ничего нового, волнующего. В пессимистическом жизневосприятии поэта «все свершается по писаниям».

Давно всё знаю наизусть,
 Свершайся, роковая сказка!
 Холодная, немая грусть,
 Холодная, немая ласка...

В конце сборника помещены стихи, в которых разочарованный в жизни поэт призывает смерть:

Мне жить? Мне быть? Но быть зачем?
Рази же, смерть...

И далее следует рефрен:

Слепи, слепая смерть,
Глуши, глухая ночь!..

Сборник «Урна» в значительной части посвящен также стилизациям. В Белом всегда жил инстинкт стилизатора. Эта черта чувствуется и в его ранних сборниках. Но в «Урне» это стилизаторство проявилось особенно ярко.

Вот стилизация под Пушкина:

Вновь упиваюсь, беспечальный,
Я деревенской тишиной,
В моей руке бокал хрустальный
Играет пеной кружевной...

Вот стилизация под Тютчева:

И всё же в суетности брэнной
Нас вещи смущают сны,
Когда стоим перед Вселенной
Углублены, потрясены...

Вот стилизация под Баратынского:

Душа полна: она ясна,
Ты — и утишен, и возвышен.
Предвестью дышит тишина,
Как будто старый окрик слышен...

Не чужда автору «Урны» и ирония. Он, например, высмеивает модное тогда увлечение неокантианской философией Когена и Наторпа (которому не был чужд и сам автор). За этим увлечением философией «метода» ему мерещится подмена живой жизни мертвыми умозрительными абстракциями:

Уж год таскается за мной
Повсюду марбургский философ.
Мой ум он топит в мгле ночной
Метафизических вопросов.

.
 На робкий, роковой вопрос,
 Ответствует философ этот,
 Почесывая бледный нос,
 Что истина, что правда — метод.
 Жизнь, — шепчет он, остановясь
 Среди зеленеющих могил, —
 Метафизическая связь
 Трансцендентальных предпосылок...

Хотя сборником «Урна» не заканчивается поэзия Белого, после этого сборника им было написано мало стихотворений высокого качества. Центр тяжести внимания Белого переходит теперь на прозу и на философские и теоретико-литературные построения.

Написанная им в 1918 году поэма «Христос Воскресе», в которой он, подобно Блоку, благословляет Октябрьскую революцию — одно из наиболее слабых его поэтических произведений, но зато полно вдохновения стихотворение, посвященное России в эти страданные годы и ее таинственным судьбам:

Рыдай, буревая стихия
 В столбах громового огня!
 Россия, Россия, Россия!
 Безумствуй, сжигая меня.
 В Твои роковые разрухи,
 В глухие Твои глубины
 Струят крылорукие духи
 Свои светозарные сны.
 Не плачьте — склоните колени
 Туда — в ураганы огней,
 В грома серафических пеней,
 В потоки космических дней!

.
 И Ты, огневая стихия,
 Безумствуй, сжигая меня.
 Россия, Россия, Россия,
 Мессия грядущего дня!

4. Проза

Белый рано начал писать прозой. Мы имеем в виду прежде всего его так называемые «Симфонии», которых насчитывается всего четыре (драматическая, героическая и другие). Симфонии эти представляют собой ритмическую прозу. В них автор задался целью выразить стихию музыки в слове, обращая сугубое внимание на «инструментовку» этих произведений. Мы не будем сколько-нибудь подробно останавливаться на этих симфониях. Это было бы уместно в специальном труде. Скажу лишь, что хотя автор вложил в них много труда и вдохновения и хотя в них есть замечательные места, они вряд ли принадлежат к числу удач поэта. Они слишком произвольны, и для непосвященных мало понятны. Приведем для иллюстрации один удачный отрывок:

«Звуки бежали вместе с минутами. Ряд минут составлял время. Время текло без остановки. В течении времени отражалась туманная вечность. Это была как бы большая птица. Имя ей было птица печали. Это была сама печаль.»

Но в большинстве случаев текст «Симфоний» переходит в бред. Как бы то ни было, огромная работа, проделанная автором над ритмической прозой, не пропала даром. Белый использовал свои опыты над словом впоследствии в своих романах. То искусное владение словом, та подтекстуальная музыка, которой полны «Серебряный Голубь» и «Петербург», были бы невозможны без словесного стилизаторства «Симфоний».

Перейдем прямо к первому роману Белого — «Серебряному Голубю». Этот роман появился в печати в 1910 году в издательстве «Скорпион».

«Ни один русский писатель не производил таких бесстрашных экспериментов над словом, как Белый», — пишет критик В. Мочульский. И далее: «Стилистическая революция, подготовленная лирической прозой «Симфоний», находит свое первое зрелое выражение в романе «Серебряный Голубь».

Роман этот, как почти вся проза Белого, написан в жанре стилизованного «сказа». Главная тема романа — встреча интеллигента Дарьяльского с народной стихией в преломлении старообрядческой секты «Серебряных Голубей». Роман начинается идилией, но кончается трагедией. В нем, вероятно, нарочито соблюден стилистический строй гоголевской «Страшной мести».

С первых страниц дается описание быта села Целебеево, звучащее пародией на гоголевское описание Миргорода:

«Славное село Целебеево, подгородное; среди холмов оно да лугов; туда, сюда раскидалось домишками, прибранными богато, то узорной резьбой, точно лицо заправской модницы в кудряшках, то петушком из крашеной жести. ... Славное село. Спросите попадью: как приедет, бывало, поп из Воропья (там свекор у него десять лет в благочинных), так вот, приедет это он из Воропья, снимет рясу, облобызает дебелую свою попадьиху, оправит подрясник и сейчас это «схлопочи, душа моя, самоварчик».

Надее описывается усадьба Гуголево, где со своей бабушкой баронессой Тодрабе-Граабен живет красавица Катя. Это — тургеневская девушка, на описание прелести которой не скупится автор:

«Смотрите, над роялем там она запечатлелась в плотно охватывающем талью, синем, немного коротком платье, чуть вытянувшись вперед и едва сгорбившись: она будто маленькая вовсе, вовсе маленькая девочка. Катя тряхнула головкой и густые ее локоны перекинулись через плечо. Но сдвинутые складки между тонких ее бровей, но на минуту сжавшийся, поцелуев просящий ротик, высоко закинутая голова и точно выросший легкий, строгий в легкости стан, — выразили какое-то странное, недетское упорство. В этой скромной девочке — глубина, тишина и прозрачность горного озера».

В семью приезжает в гости их старинный друг, мягкотелый интеллигент и поэт-декадент Дарьяльский. Он полон «душевных вихрей». Еще в детстве он объявил отцу, что в Бога не верит, и выбросил из своей комнаты образ: молился красным зорям, писал стихи, читал Канта и поклонялся красному знамени. Катю он знал еще девочкой, но теперь, увидев ее во всем расцвете ее красоты, влюбляется в нее. Казалось бы, имеются все предпосылки для тургеневского романа Дарьяльского с тургеневской девушкой Катей. Но не тут-то было! Дарьяльский интересуется старообрядцами, а в селе имеется секта «Согласие Голубя», руководимое столяром Кудеяровым, фанатиком сильной воли и магической силы духа. Наружность Кудеярова описывается Белым в следующем импрессионистическом мазке:

«Не лицо — баранья обглоданная кость, и притом не лицо, а пол-лица. Лицо, положим, как лицо, а только все кажется, что половина лица: одна тебе хитро подмигивает, другая же все чего-то высматривает; чего-то боится все...»

Обладающий темной оккультной силой Кудеяров овладевает волей Дарьяльского. Он знакомит его с бабой Матреной, «богородицей» секты. У Кудеярова своя цель: он хочет, чтобы Мат-

рена сошлась с Дарьяльским и родила от него «духовное чадо» — будущего вождя «голубей». И Дарьяльский, словно под каким-то наваждением, действительно сходится с некрасивой и придурковатой Матреной, бросая полную душевности красавицу Катю. Но связь с Матреной не дает плода, Дарьяльский не в состоянии одарить секту «духовным чадом».

Тургеневская девушка Катя символизирует культурную, «западническую» Россию. Рыжая баба Матрена — Россию народную, которую предпочитает, в конце концов, беспочвенный интеллигент Дарьяльский.

В описании Матрены автор не скупится на подчеркивание ее «народности»:

«Если любя твоя иная, если когда-либо прошелся на ее безбровом лице оспенный зуд, если волосы ее — рыжи, груди — отвислы, грязные босые ноги и хотя сколько-нибудь выдается живот, а она все же твоя любя — то, что ты в ней искал и нашел, — есть святая отчизны душа и ты ей, отчизне, заглянул вот в глаза — и вот ты уже не видишь прежней любви: с тобой беседует твоя душа, и ангел-хранитель над вами сходит, крылатый...»

В романе немало эпизодических лиц. Таков, прежде всего, друг Дарьяльского Шмидт, увлекающийся теософией. Профиль Шмидта очерчен Белым почти гениальным импрессионистическим мазком:

«Был весьма скромнен товарищ Дарьяльского, носил нерусскую фамилию и проводил дни и ночи за чтением философических книг. Он хотя и отрицал Бога, однако, к попу хаживал, и поп это ничего себе, и власти это ничего, и вовсе он православный, только Шмидт ему фамилия, да в Бога не верил».

В описании радения «голубей» в «баньке» Белый достигает редкой силы художественной выразительности. Как говорит Мочульский, «духовный соблазн и греховная прелесть сектанства переживаются нами реально».

«В белых рубахах со свечами в руках брата и сестры медленно кружатся, взявшись за руки, не пляшут, а ходят, водят хоровод и поют:

Светел, ой, светел, воздух голубой,

В воздухе том светел дух дорогой...

Лица их сияют как солнце, глаза опущены... Все теперь восседают в радуге семицветной средь белой, райской земли, среди хвой и зеленого леса под Фаворскими небесами... некий муж светлый, преломив, раздает просфоры и глотают из кубка вино красное Каны Галилейской, и нет будто ни пространства ни времени,

а вино, кровь, голубой воздух да сладость.» Это описание Белого завершается пророчеством:

«...Много есть на Западе книг, много на Руси несказанных слов. Россия есть то, о что разбивается книга, расплывается сознание, да и самая сжигается жизнь, ...в тот день, когда к России привьется Запад, всемирный его охватит пожар, сгорит всё, что может сгореть, потому что только из пепельной смерти вылетит райская душенька, Жар-Птица...».

Здесь Белый выражает свое «кredo» мистического народничества, он жаждет всероссийского пожара — народной революции, за бедствиями которой он предвидит возрождение души России.

Эта манера перехода от характеристик и описаний к размышлениям, проникнутым пророческим пафосом, очень характерна для Белого. Так, описывая «приземистую» бабушку Кати, баронессу Тодрабе-Раабен, он восклицает:

«Так и ты, старая и умирающая Россия, гордая в своем величьи, застывшая, каждодневно, каждочасно в тысячах канцелярий, в усадьбах свершаешь ты обряды старины... Но, о, вознесенная, посмотри же вокруг себя и опусти взор: и ты поймешь, что под ногами твоими разверзается бездна: посмотришь ты и обрушишься в бездну...»

Но вернемся к сюжету романа. Дарьяльский, отчасти подобно Белому, стремится проникнуть в суть души народа. Ради этого он бросает и свою невесту. Он ждет воскресения своей души от соприкосновения с душой народа. Но мечтателя Дарьяльского ждет не воскресение, а гибель. Красная тайна России оборачивается для него зловещим миражем. Вместо религии Святого Духа он находит в народе «согласие Голубя», руководимое злым колдуном Кудеяровым.

По навету Кудеярова четыре мужика убивают Дарьяльского, так как «не зачала от него Матрена».

О тайном смысле этой гибели героя теософ Шмидт высказывает следующие мысли:

«Петр думает, что ушел от нас навсегда. Но тут не измена, не бегство, а страшный, давящий его гипноз; он вышел из круга помощи и враги пока торжествуют над ним, как торжествует и глумится над родиной нашей враг... Верьте мне, только великие и сильные души подвергаются такому искусству... повесть его нелепа и безобразна, точно она рассказана врагом, издевающимся над всем светлым будущим родины нашей».

Роман «Серебряный Голубь» — не только описание судеб его героев, но, прежде всего, пророчество о России. В романе беспо-

щадно разбиваются традиционные народнические иллюзии о «страдающем и ждущем помощи народе». В нем показан демонический аспект народной души.

Хорошо пишет о романе Мочульский*):

«Серебряный Голубь» — произведение удивительное. В нем противоречия, взлеты, провалы, нагромождения, лирика, философия, изобразительность, граничащая с галлюцинацией, магия слов и образов, гоголевский гротеск, захватывающая музыка, чистейшая поэзия. В искусстве Белого — проблески гениальности и симптомы душевной болезни... Трагическое зрелище большой, надломленной души...»

Перейдем теперь к самому значительному прозаическому произведению Белого — к роману «Петербург».

Роман «Петербург» по праву считается самым лучшим и наиболее художественно выразительным из произведений Белого. Это — бессмертная эпопея о Петербурге, поданная, как всегда у Белого, в стилизованной, как бы сдвинутой перспективе. Это — Петербург в кривом зеркале, но в гениально-пророческом отражении. Как говорит об этом Мочульский, это — «небывалая еще в литературе запись бреда... мир извращенных перспектив, обездушенных людей и движущихся мертвецов».

Топография этого мира — строго геометрична. Петербург с прямыми линиями проспектов и плоскостями площадей, система из пирамид и трапеций. Это геометрическое пространство заселено абстрактными фигурами. Они движутся механически, действуют как заводные автоматы и произносят заученные слова. Роман перегружен событиями, но время течет медленно. Живет только Петербург — призрак-вампир, материализовавшийся по воле Петра среди финских болот.

В романе два главных героя — отец и сын Аблеуховы. Отец, Сенатор Аполлон Аполлонович Аблеухов помешан на «регламентации» и управляет Россией циркулярами из геометрической точки своего кабинета. Два года назад от него сбежала жена, прельстившись итальянским заезжим певцом Миндалини. Сын его, студент, Николай Аполлонович, изучает Канта и «интересуется» революцией. Когда-то он дал «партии» неосторожное обещание. К нему является студент-террорист Дудкин и передает ему «сардинницу ужасного содержания» (то есть, бомбу). Террористы собираются убить его отца-реакционера и хотят для этого воспользоваться сыном, который ненавидит отца. Но Николай Аполло-

*) К. Мочульский, «Андрей Белый», 294 стр. YMCA-Press, Париж, 1955.

нович должен ждать указаний относительно точного срока взрыва.

Николай Аполлонович влюблен в Софию Петровну, жену офицера Липутина. У ней — наружность красивой «японской куклы». Она к нему неблагосклонна. В отместку Николай Аполлонович надевает красное домино и пугает ее на балу. Происходит скандал, при котором раскрывается, что у Софии Петровны, вероятно, есть любовник. Липутин ревнует и пытается повеситься, но неудачно — веревка обрывается. В это время провокатор Липпанченко подкидывает Николаю Аполлоновичу письмо, требуя «взорвать» отца-Сенатора. Николай Аполлонович колеблется между «долгом» исполнения данного обещания и остатками сыновних чувств. Он «забывает» бомбу в кабинете отца. Бомба взрывается, но Сенатор случайно остается невредимым. Отец смутно подозревает, что бомба была подложена его сыном. Николай Аполлонович, потрясенный, удаляется из Петербурга и поселяется в деревне, где погружается в изучение философа Сковороды. Жена сенатора возвращается после того, как итальянский певец ее бросил. Словом, все истории кончаются сравнительно мирно. Но дело тут не в сюжете. Прототипом Аблеухова-отца для Белого послужил отчасти Победоносцев, отчасти же его собственный отец, профессор математики Бугаев. Вообще в романе большую роль играют те эмоции, которые Фрейд назвал «Эдиповым комплексом». Отношения между отцом и сыном напряжены и доходят до крайней враждебности, хотя их и связывают естественные сыновние и отцовские чувства. В романе мы читаем:

«Николай Аполлонович проклинал свое брненное естество и поскольку был образом и подобием он отцу — он проклял отца. Богоподобие его должно было отца ненавидеть. Николай Аполлонович отца чувственно знал до мельчайших и невнятных дрожаний: был чувственно абсолютно равен отцу. Он не знал, где кончается он и где в нем начинается Сенатор. Когда они оба соприкасались друг другу, то они влияли наподобие двух повернутых друг от друга отдушин — пробежал неприятнейший сквознячок... менее всего на любовь могла походить эта близость: ее ощущал Николай Аполлонович как позорнейший физиологический акт».

Трудно ярче и точнее выразить «Эдипов комплекс» в литературном произведении.

Сын, конечно, глубоко презирает реакционную деятельность отца.

«Николай Аполлонович пришел к заключению, что родитель его — негодяй».

Но и отец мучим ужасными подозрениями по отношению к сыну:

«Сидя в своем кабинете, Сенатор пришел к заключению, что сын его — негодяй. Так, над собственной кровью и плотью, 65-летний папаша совершал умопостигаемый террористический акт».

Но главная суть романа — передача атмосферы заживо гниющего тела Империи, предчувствие близкой катастрофы. Эту атмосферу Белый дает почувствовать рядом утонченных намеков и, главное, самим стилем своего повествования.

Как всегда у Белого, роман имеет свою философию. Эта философия — апокалиптическая.

В «призрачном» городе сталкиваются две сумасшедшие идеи — ледяная реакция в лице Сенатора Аблеухова и огненная революция в образе партийца Дудкина. Обе идеи по своему духу враждебны живой жизни и свободе. Но между ними Белый не видит никакой золотой середины.

В романе подчеркивается, что Аблеухов — как показывает его имя — татарского происхождения, и его идея «заморозить Россию» (перефразировка известного изречения Леонтьева), — отражение «лжи панмонголизма». Это — идея Аримана, сна, неподвижности.

Но и социализм для Белого того времени — также инобытие «лжи панмонголизма», оборачивающегося в данном случае своей противоположностью — огненной, всеразрушающей стихией.

О том, что одержимость революцией расценивалась тогда Белым как своего рода «бесовщина», свидетельствует письмо, полученное в романе террористом Дудкиным от незнакомца. Вот содержание этого письма в выдержках:

«...Ваши политические убеждения мне ясны как на ладони. ...все та же бесовщина, все та же одержимость силой, в существовании которой я более не могу сомневаться, ибо я видел его и говорил с ним (не с Богом). Он пытался меня растерзать, но одно святое лицо вырвало меня из его бесовских когтей... В социализме, как и в декадентстве, идея произвольно переходит в злую эротику. В терроризме, в революции тот же садизм и тот же мазохизм — как в желании растлить, как и в ложном искании ложного крестного пути. Чаение светлого воскресения человечества переходит в сладострастную жажду крови, чужой, своей собственной (всё равно)... Отряхни от себя сладострастную революционную дрожь, ибо она — ложь грядущего на нас восточного Хаоса».

Далее в романе говорится, что для тех, кто преодолевает соблазны «ледяной реакции» и «огненной революционности», настает «эфирное явление Христа». В этих идеях отражается тогдашнее увлечение Белого антропософией Рудольфа Штейнера. Это увлечение помогло Белому преодолеть соблазны неистовства и проникнуться на какой-то период и в какой-то степени духовной самодисциплиной. Без антропософии Штейнера идейный аспект романа остался бы недопонятым.

Но в самом романе возможный выход из трагического тупика русской истории лишь едва намечен. Пафос романа — в его апокалиптической устремленности, и в этом нельзя не видеть весьма субъективно преломленное веяние «Бесов» Достоевского.

Впрочем, роман «Петербург» перекликается и с более отдаленными его литературными предтечами. Так, образ Петра Великого, этого «революционера на троне», получил в «Петербурге» свое яркое литературно-идейное отражение: террорист Дудкин случайно очутился ночью около памятника Петру Великому.

И «посредине дневного порога, склонивши венчанную, позеленевшую голову и простирая огромную, позеленевшую руку, стояло громадное тело, горящее фосфором. Медный всадник сказал ему — «Здравствуй, сынок...» И, бряцая и дзанкая, докрасна раскаленную трубочку поднимала рука и указывала глазами на трубочку и подмигнула на трубочку — «Петро Примо — Катари́на Секунда»...

Говоря словами критика Мочульского, здесь «на мгновение в Дудкине оживает бедный Евгений из «Медного всадника». «Петербург» — гениальное довершение пушкинской поэмы».

В период, когда Белый уже заканчивал работу над «Петербургом», который он вначале намеривался назвать иначе, Вячеслав Иванов, один из первых слушателей этого, еще неизданного в то время произведения, писал в своей позднейшей статье «Вдохновение Ужаса»:

«... Я, со своей стороны, уверял его, что «Петербург» — единственное заглавие, достойное этого произведения, главное действующее лицо которого — сам Медный всадник... в те дни, когда поэт читал мне свой «Петербург», я был восхищен яркостью и новизной слышанного, потрясен силой его внутреннего смысла и глубиной избыточествующих в нем прозрений... я твердо знал, что передо мной стояло произведение необычайное и в своем роде единственное... в этой книге есть подлинное вдохновение ужаса...»

«Петербург» Белого проникнут предчувствием конца петер-

бургского периода русской истории, — императорской России. Здесь нарочито искривлены перспективы, предреволюционная Россия отражена в кривом, но проникновенном зеркале искусства. Роман ведется в тоне несколько юродствующего «сказа». Ощущение нереальности Петербурга, этого, по словам Достоевского, «самого вымышленного города», задуманного как «окно в Европу», контрастирует с предощущением грозной реальности исторических стихий, грозящих поглотить этот город-призрак.

Белый дает почувствовать, что все главные герои носят в себе семя смерти, и действие напоминает предсмертные судороги. В этом отношении «Петербург» — контраст «Медному всаднику». Где у Пушкина прославление Петербурга, несмотря на все жертвы, которые требует Империя, там у Белого — предсмертные гримасы отравленного исторического организма.

«Петербург» нельзя, конечно, принимать как исторический роман. Это — апокалиптическая сатира, где персонажи доведены до степени марионеток жуткого гротеска, но где дано ощущение рокового хода Истории.

«Петербург» был впервые напечатан в третьем сборнике «Сирин» в 1913 году (редакция «Русской мысли» отказалась его поместить). Отдельным изданием он вышел в 1916 году. Впоследствии, после революции, в связи с «приятием» им большевистской революции, Белый довольно радикально переработал текст своего романа. Места, в которых грядущая революция изображалась как «бесовщина» и «торжество восточного Хаоса», были выброшены или изменены. Революция в этом новом тексте изображалась как чаемое и благое явление, хотя и несущее с собой катаклизмы для многих личных судеб. Но помимо идейной стороны, почти весь текст подвергся еще стилистической переработке. В этом новом виде «Петербург» был издан в 1923 году в Берлине, в издательстве Гржебина.

Таким образом, имеются два «Петербурга» — петербургское и берлинское его издания, причем, первое является библиографической редкостью, хотя и второе достать не так легко. Художественно второе издание не многим уступает первому, но идейный подтекст романа во втором издании изменен явно к худшему. Второе издание идейно скуднее первого.

Белый написал еще немало произведений после «Петербурга»: «Записки мечтателя», «Чудаки», «Москва», неоконченную «Эпопею» и некоторые другие вещи, не говоря уже об его философских очерках.

Особенно интересен его неоконченный роман «Котик Лета-

ев» — художественная переработка его детских воспоминаний. Белый пытался воссоздать переживания его самых младенческих лет, вплоть до... ощущений пребывания во чреве матери. Это произведение представляет собой «поток сознания» в обратном направлении и в этом смысле является интереснейшим литературным экспериментом.

Кроме того, он написал три тома интереснейших воспоминаний — «На рубеже двух столетий», «Начало века» и «Между двух революций».

Но все же его ранняя поэзия и романы «Серебряный Голубь» и «Петербург» — главные созданные им литературные ценности. Остальное его творчество существенно дополняет написанное им до революции, но помнить Белого будут несомненно по тем произведениям, на которых я останавливался. Пусть Андрей Белый в значительной степени «разбил себя на осколки» и непозволительно разбрасывался, но все же достижения его столь колоссальны, что его творческое наследие будет долго изучаться многими поколениями.

5. Философия

Остается сказать несколько слов о Белом как о философе.

В области его философского творчества приходится производить особенно строгий отбор, так как из сотен страниц, написанных Белым на философские темы, большинство представляет собой поток недовыношенных и недорожденных мыслей. В его сборнике «Символизм» то и дело приводятся более чем иностранные цитаты из столь почитаемого им Риккерта, влияние которого на Белого было исключительным. Но в философских статьях Белого попадаются вдохновенные отрывки, блестящие формулировки, показывающие, что Белый обладал несомненной философской интуицией. Уже в начале века Белый стал выступать в качестве теоретика символизма (затем эта роль перешла к более дисциплинированному Вячеславу Иванову). Если влияние Риккерта было более формальным, то в формировании философских воззрений Белого решающую роль сыграли Шопенгауэр и Ницше. В Ницше он видел пророка новой эры, религиозного новатора, главного предтечу символизма. В своей статье «Символизм как мировоззрение» (1904), он писал:

«Кривая развития европейской мысли идет от Канта через Шопенгауэра к Ницше. Шопенгауэр разбудил человечество от сна жизни. Теперь мы слышим музыку символов. Она говорит нам

о мирах иных, заливают нас очаровательными потоками Вечности. Символическое искусство есть гениальное познание. Его задача — уяснить нам глубины духа. Предтеча символизма — Ницше. Он уже не философ в прежнем смысле слова, а мудрец, и его афоризмы — символы. Но искусство — не наша последняя цель. Оно должно быть преодолено теургиею — и в ней конец символизма. Мы стремимся к воплощению Вечности путем преобразования воскресшей личности. Это трудный и опасный путь. Теург должен идти там, где остановился Ницше. Идти по воздуху...»

Белый отличался в те годы своеобразной религиозностью. Подобно большинству романтиков, он невысоко ценил церковное, традиционное христианство, но, подобно некоторым гностикам, верил в грядущее Откровение Святого Духа.

Вскоре Белый, однако, понял, что его гениальным озарениям не хватает дисциплины мысли и гносеологического обоснования. Тогда-то он и обратился к модным тогда неокантианцам, прежде всего — к главам баденской школы Виндельбанду и Риккерту. В 1905 году, в разгар увлечения Риккертом, он писал:

«Не отказываясь от религии, мы призываем с путей безумий к холодной ясности искусства... к серьезной, как музыка Баха, теории познания...» Нужно добавить, что в этот период Белый действительно переживал «вихри безумия», отнюдь не только литературного, и стремился смирить себя дисциплиной неокантианства.

В 1907 году, в статье «Смысл искусства», он, следуя Риккерту, но в своем собственном эмоциональном преломлении, проводит мысль о «примате творчества над познанием». Он выдвигает в качестве понятия, основного для философии, — понятие **ценности**. Ценность, говорит он, есть «данность плюс долженствование. Это соединение дано в творчестве. Искусство претворяет образы жизни в образы ценностей. Религия реализует их в жизни».

С этих гносеологических позиций он и пытается по-новому обосновать символизм как мировоззрение. В статье «Эмблематика смысла» (1909) он прямо говорит:

«Считаю нужным.. сказать, что символизм для меня есть некоторое религиозное исповедание, имеющее свои догматы. Символ есть единство формы и содержания, данное в индивидуальном переживании... Вероятнее всего, теория символизма будет не теорией вовсе, а новым религиозно-философским учением.»

В этих словах мистический символизм, в духе которого тво-

рили Блок, Белый и Иванов, получил свои философские формулировки. Ими Белый отделяет его от чистого эстетического символизма Брюсова, Бальмонта и вообще — от «декадентов».

В то же время Белый слишком остро предчувствовал надвигающуюся катастрофу. Этим предчувствием полна его поэзия того времени и его романы «Серебряный Голубь» и «Петербург». Он пытается выразить это мироощущение и в теоретическом плане. Так, в статье «Будущее искусства» (1907) он писал:

«С искусством, с жизнью дело обстоит гораздо серьезнее, чем мы думаем. Бездна, над которой мы повисли, глубже, мрачнее... мы должны забыть настоящее, мы должны снова все пересоздать. Для этого мы должны создать самих себя».

В этой же статье он стремится видеть возможный исход в соединении с народом и мечтает о «возвращении литературы к народным истокам и о рождении нового всенародно-религиозного искусства».

В статье «Символизм» (1909) он выражает свое трагическое жизненное чувство в следующих словах:

«Мы — мертвецы, раздвигающие старую жизнь, но мы еще не рождены для новой жизни. Над нами звучит категорический императив о неминуемой смерти или жизненном творчестве... нас мертвит вечерняя заря аналитического периода и животворит заря нового дня...»

Трудно красноречивее и глубже выразить чувство раздвоенности между умирающим старым и нарождающимся новым.

Только это новое обмануло Белого. «Заря нового дня» оказалась всероссийским пожаром, в огне которого, кроме должного умереть, погибли и незаменимые ценности.

Белый, как и Блок, хотя художественно гораздо слабее, пытался воспеть революцию в своей поэме «Христос Воскресе».

Во время революции он, продолжая более чем сочувствовать большевикам, читал в то же время лекции в духе сугубого философского идеализма в «Вольфиле». К тому времени (уже с 1912 года), он был убежденным антропософом, последователем Рудольфа Штейнера. В штейнерианстве, с его методами духовной самодисциплины, он хотел найти то, чего ему так не доставало — духовной цельности. И он, по-видимому, так и не понял, что его мистический символизм, мистическое народничество и штейнерианство были несовместимы с мировоззрением марксизма-ленинизма.

* *
*

Лучшее в творчестве Белого было создано до революции. По утонченности культуры, по тонкости поэтического слуха, по глубине художественной и философской интуиции он имел мало себе равных. Он был самым утонченным представителем эпохи Серебряного Века.

Его творчество и его жизненный путь долго будут еще являться предметом изучения для историков, литераторов, философов.

Андрей Белый — незабываем. Если его трудно любить, то нельзя не ценить и не помнить его. Он сам писал не без трогательного самоуничтожения:

Не смейтесь над мертвым поэтом,
Снесите ему венок...

Думается, что эти венки никогда не оскудеют.

Ленинградский Гамлет

(О стихах И. Бродского)

Объемистый сборник стихов Бродского больше обязан своим выходом тягостной личной судьбе поэта и глумлению над ним издательского «судебного» процесса, чем его немалым, чисто творческим заслугам.

Эта книга — не продуманный, окончательный отбор законченных, подготовленных для печати произведений, а случайное собрание разнокалиберных текстов, в разных стадиях обработки. Она — не выставка художника, а застигнутая врасплох неожиданым визитом, не прибранная для приема гостей его мастерская. Наряду с законченными, вставленными в рамку картинами, в ней немало эскизов, набросков, временно заброшенных проектов и другого полужернового материала, более показательного для личности автора и понимания его творческого процесса, чем для его максимальных возможностей и достижений.

И это затрудняет ответственную оценку Бродского как поэта, потому что поэта, как и каждого человека, правильнее судить по тому, что у него есть самого лучшего, а не по его недостаткам, срывам и несовершенствам, имеющимся у любого из нас.

Чисто человеческий и, если угодно, политический интерес этого в значительной мере случайного материала повышается тем, что автор его живет в СССР. Эта книга — картина советских будней, куда советское правительство не хочет допустить посторонних свидетелей. Здесь наблюдаем мы не официальный, показной фасад, а изнанку, которую этот фасад старается скрыть и исказить.

Но изнанка эта оказывается позорной, жалкой и некрасивой лишь для руководящих партийных верхов. Сама же по себе она

намного живее, прекраснее и привлекательнее вопиюще фальшивой штукатурки под соцреалистический мрамор.

В книжке Бродского не только нет ни одного высказывания в партийном духе, но и никакой полемики с советской властью. Автор просто интересуется не политикой, а многовековым наследием исторически сложившейся мировой литературы. В книжке немало мифологического материала. Так, одна из обширнейших в сборнике поэм «Исаак и Авраам» написана на библейскую тему и не лишена своеобразия в подходе к этому трудному и не раз уже использованному сюжету.

Точно так же маскарадные персонажи цикла «Шествие» взяты не из «советской действительности», а в общечеловеческом репертуаре художественных тем. В ней фигурируют не председатели колхоза, кулаки, вредители или герои социалистического труда, а всем близкие и понятные Арлекин, Дон-Кихот, Гамлет, князь Мышкин, или же скрипач, король, вор, крысолов...

По этой книге лучше всего можно определить, чем на самом деле живут и дышат молодые поэты в СССР. Так, например, у Бродского очень большую роль играет атмосфера и миф Петербурга, особенно в «Шествии», чем-то перекликающимся с Ахматовской «Поэмой без героя». И это именно вечный град Петров, с его единственной в мире иллюзорной атмосферой северной Пальмиры и Венеции, город-призрак, с его экзистенциальной тоской по непрочности земных твердынь, с его высокой, но обреченной культурой, а не банальный, плоский, искусственный Ленинград.

Поражает также удивительная близость Бродского к современной поэзии свободного мира. У него мы встречаем тот же отказ от сентиментальной поэтичности, ту же нарочитую разговорность выражения, не останавливающуюся даже перед сквернословием, те же описки конкретно точного прозаизма, тот же терпкий, горьковатый юмор, что и у таких ультрамодерных западных поэтов, как Жан Тардьё или Ремон Кено, Альдо Палаццески или Мерриль Мур.

Все это лишь еще раз доказывает, что партийное воспитание скользит по поверхности человека, не находя доступа в его внутренний мир.

В опубликованных стихах Бродского много не только случайного, но и незрелого. Не свободен он еще и от посторонних влияний, среди которых особенно заметен Заболоцкий:

Плывет в тоске необъяснимой
Певец печальный по столице,

Стоит у лавки керосинной
 Печальный дворник круглолицый,
 Спешит по улице невзрачной
 Любовник старый и красивый,
 Полночный поезд новобрачный
 Плывет...

Но также и Блок:

Слышишь ли, слышишь ли ты в роще детское пение,
 Блестящие нити дождя переплетаются, звенящие голоса,
 Возле узких вершин в новых сумерках на мгновение
 Видишь сызнава, видишь сызнава угасшие небеса?..

И даже Луговской:

Гулкий топот копыт по застывшим холмам — это не с чем
сравнить,
 Это ты там, внизу, вдоль оврагов ты вьешь свою нить,
 Там куда-то во тьму от дороги твоей отбегает ручей,
 Где на склоне шуршит твоя быстрая тень по спине
кирпичей...

Конечно, пока Бродский еще не сложившийся, большой поэт, а только подающий надежды юноша. Но его высокая одаренность уже не составляет ни малейшего сомнения, и можно только удивляться самостоятельности, достигнутой в его возрасте в тяжелых советских условиях. У Бродского есть все шансы стать одним из больших поэтов нашей эпохи.

Пока же легкость, с которой ему даются стихи, часто приводит к неопределенному многословию. Ему еще предстоит выработать ту лаконическую сосредоточенность, которая одна только придает поэзии подлинную выразительность и силу действия. Его образность еще недостаточно четка, а тематика не вполне определилась. Но в некоторых лучших своих стихотворениях Бродский уже достиг подлинного своеобразия, безупречного вкуса, а порою и недюжинного словесного мастерства.

Такие стихотворения, как «Рыбы зимой», «Еврейское кладбище около Ленинграда», «Глаголы или комментарии к «романсу скрипача» и некоторые другие, не только своеобразны, но и полны неподдельной метафизической смелости и представляют большой, чисто художественный интерес, независимо ни от каких обстоятельств. Первая строфа «Глаголов» интересно перекликается со стихотворением «Гойя» Вознесенского:

Меня окружают молчаливые глаголы,
 Похожие на чужие головы глаголы,
 Голодные глаголы, голые глаголы,
 Главные глаголы, глухие глаголы.

Доказательством того, что талант Бродского непрерывно растет, являются те немногие стихи 1964 года, которые попали в сборник:

Вот в этом-то у певчих птиц
 С двуногими и весь разрыв
 (Не меньший, чем в строеньи лиц),
 Что ножницы, как клюв раскрыв,

На дереве в разгар зимы,
 Скрипим, а не поем как раз.
 Не слишком ли отстали мы
 От тех, кто «отстает от нас»?

Особенно выделяется наиболее для нас несомненная удача Бродского — «Большая элегия». В ней заметно подлинно большое дыхание, а картина ночного покоя Лондона, открывающая поэму, поистине грандиозна. Поэма замечательно передает атмосферу творчества великого английского «метафизика», насколько не становясь от этого подражательной. Какова бы ни была дальнейшая судьба автора, это произведение в русской литературе останется наверняка.

Такие стихотворения, как «Книга» или «Был черный небосвод...», носят отпечаток личного своеобразия и, в то же время, перекликаются с новейшими стремлениями передовых позиций Запада:

В тот вечер возле нашего огня
 Увидели мы черного коня...
 ...Он черен был, не чувствовал теней.
 Так черен, что не делался темней.
 Так черен, как полуночная мгла.
 Так черен, как внутри себя игла.
 Так черен, как деревья впереди.
 Как место между ребрами в груди.
 Как ямка под землю, где зерно.
 Я думаю: внутри у нас черно.

Не только будущее Бродского, но и сама жизнь его в опасности. После Блока и Гумилева, после Хлебникова, Мандельштама и Клюева, после стольких других потерь невозможно допустить, чтобы власть лишила Россию еще одного поэта...

Манассия — царь Иудейский

Среди многих в высокой степени драматических личностей, запечатленных в Библии, одной из самых драматических является Манассия — один из последних царей южно-еврейского — Иудейского царства.

В его время северное еврейское царство — Израильское — уже было разрушено и завоевано кровожадными ассирийцами. Салманасар и Саргон уже захватили Самарию, уведя в ассирийский плен десятки, а может быть, и сотни тысяч израильтян, весь цвет нации, и переселили на их место язычников из арамейских провинций Ассирии, предков евангельских и современных самарян.

Но южное еврейское царство — Иудейское — еще стоит. Политически слабое, колеблющееся, дрожащее перед всеми своими соседями, измельчавшее, многократно впадавшее в самое примитивное язычество, потерявшее большую часть своих владений, прежнюю славу, прежнее богатство, оно, однако, именно в этот период дает примеры изумительной чистоты и высоты, духовные плоды, каких не давало в лучшие времена своего политического расцвета.

На улицах Иерусалима гремит голос сродника царей, пророка Исаии, слышны его почти евангельские слова: «Забудет ли женщина... дитя свое?.. но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя... Как прекрасны... ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение...».

Отец Манассии, царь Езекия, благочестив. Он благоговейно слушает своего сродника (дядю или двоюродного брата) пророка Исаию, и царю даются яркие свидетельства Божией силы, как в его личной жизни, так и в судьбах его государства.

Заболев смертельно и получив через пророка Исаию указание, что дни его сочтены, царь Езекия помолился Богу и сказал: «о, Господи! вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным Тебе сердцем и делал угодное в очах Твоих». И заплакал Езекия сильно. Пророк Исаия еще не вышел из города, как было к нему слово Господне: «пойди и скажи Езекии: так говорит Господь Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слезы твой, и вот, Я прибавлю ко дням твоим пятнадцать лет».

Царь ассирийский Сеннахирим, властитель всего Ближнего Востока, от Кавказа до Египта, и от Средиземного моря до Индии, вторгается в Иудею и осаждает Иерусалим, чтобы взять и разрушить его, как разрушена была северная еврейская столица Самария и другие израильские города.

Но Езекия молится: «Господи Саваоф, Боже Израилев, сидящий на херувимах! Ты один — Бог всех царств земли; Ты сотворил небо и землю. Приклони, Господи, ухо Твое и услышь; открой, Господи, очи Твои и воззри, и услышь слова Сеннахирима, который послал поносить Тебя, Бога живого. Правда, о, Господи! цари Ассирийские опустошили все страны и земли их..., но это были не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень. Потому и истребили их. И ныне, Господи Боже наш, спаси нас от руки его; и узнают все царства земли, что Ты, Господи, Бог один».

И пророк Исаия приходит сказать царю: «Так говорит Господь о царе Ассирийском: «не войдет он в этот город и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала: по той же дороге, по которой пришел, — возвратится, а в город сей не войдет, говорит Господь. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего».

И далее Библия повествует: «И вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот, все — тела мертвые. И отступил, и пошел, и возвратился Сеннахирим, царь Ассирийский». Этот знаменитый исторический момент, воспетый многократно в мировой литературе, особенно ярко был воспет поэтом Байроном.

И Езекия, начавший свое царствование в политической стесненности и бедности, кончает его в богатстве и славе духовной и земной.

Библия говорит: «И было у Езекиа богатства и славы весьма много: и хранилище он сделал у себя для серебра и золота и камней драгоценных, и для ароматов и щитов и для всяких драгоценных сосудов, и кладовые для произведений *земли*, для хлеба, вина и масла, и стойла для всякого рода скота, и дворы для стад. И города понастроил себе. И стад мелкого и крупного скота было у него множество, потому что дал ему Бог весьма большое имущество» (Пар. 32, 27).

Вот под какими впечатлениями, под какими влияниями проходила ранняя юность будущего царя Манассии, младшего и любимейшего из сыновей царя Езекиа, чада старости его. Казалось, можно было надеяться, что Манассия, сын благочестивого царя, наследует его благочестие и продолжит отцовское дело. Но этого не случилось.

Матерью Манассии была финикийская царевна по имени Хефциба, что значит: «в ней услаждение мое». Так с любовью была она названа своим мужем, царем Езекией, когда он на старости лет, уже после своей тяжелой болезни и исцеления, женился на юной, и надо думать, прекрасной финикийке.

Влияние матери финикийки на Манассию оказалось тлетворным. «Двенадцати лет был Манассия, когда воцарился, и 55 лет царствовал в Иерусалиме. И делал он неуютное в очах Божиих, подражая мерзостям народов, которых прогнал Господь от лица сынов Израилевых. И снова построил высоты, которые разрушил Езекиа, отец его, и поставил жертвенники Ваалам, и устроил дубравы, и поклонялся всему воинству небесному, и служил ему; и соорудил жертвенники в доме Господнем, о котором сказал Господь: в Иерусалиме будет имя Мое вечно».

Значение этих деяний Манассии усугубляется от того, что храм в Иерусалиме был в те времена единственным храмом Единого Бога во всем мире, в то время как языческими храмами была полна вся земля. И вот Манассия не щадит этого единственного храма Господнего, он наполняет его идолами финикийскими. Особенное негодование иудеев, оставшихся верными Господу, вызвало то, что Манассия поставил «изображение Астарты и истуканов ее в храме Божием». Служение Астарте и ее истуканам (т. е. фаллосам) было связано с культовым развратом, с культовой проституцией девочек и мальчиков.

«Манассия проводил сыновей своих чрез огонь в долине сыновей Енномовых». Об этом через столетие с негодованием вспоминает пророк Иеремия: «Поставили мерзости свои в доме, над которым наречено имя Мое, чтоб осквернить его; и устроили вы-

соты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих...» (Иер. 7, 30).

«Еще же пролил Манассия и весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края» (4 Цар. 21, 16).

Он приказал предать смерти престарелого сродника своего, духовного руководителя своего отца, великого пророка Исаию. Древние таргумы, а также Иустин Философ, говорят, что, проявляя изощренную жестокость, Манассия приказал перепилить пророка деревянной пилой.

«За то, что сделал Манассия, царь Иудейский, такие мерзости, хуже всего того, что делали Аморреи, которые были прежде его, и ввел он Иуду в грех идолами своими» (4 Цар. 21, 11).

Первоначальные жестокости и гнусности царствования Манассии мы можем приписать влиянию его матери финикийке и ее приближенных. Но направление жизни и деятельности Манассии не изменилось и после смерти матери. Оно оставалось неизменным в течение 45 лет. В этом прошла его юность и зрелость и подошла старость.

Можно ли было иметь какую-нибудь надежду на изменение и нравственное возрождение такого человека? Ведь он грешил не по неведению: он, сын благочестивого царя, он, слышавший почти евангельскую проповедь пророка Исаии, своего родственника. И он всё это пограл, всё залил кровью и отвратительной нечистотой. Может ли такой человек покаяться? Ведь должен же быть предел для Божиего прощения.

Но Божиему всепрощению предела нет.

И Манассия покаялся.

Трудно думать об этом без внутреннего душевного волнения. И нам, видевшим кровь праведных, обильно лившейся по улицам сел и городов наших, видящим и сейчас мерзости, превосходящие финикийские, нам, детям и внукам благочестивых отцов и пра-

Примечание: *) Тофет — финикийское слово, значущее каменный по-мост, на котором стоял кумир медный или бронзовый, внутри которого разводился огонь, и когда кумир накалялся, на протянутые руки его клали детей, приносимых в жертву, сжигая их заживо. Этот страшный обычай был широко распространен в финикийских и пунических городах. О Карфагене римские писатели с негодованием сообщали, что там в дни празднеств приносились таким образом в жертву Молоху и богине Танит сотни детей, как отпрысков знатных пунических семейств, так и детей военнопленных. — Автор.

дедов, так важно знать, что нет предела Божиему всепрощению, что ни для кого не закрыты врата покаяния.

В 647 г. до Р. Х. Самашукин, брат ассирийского царя Ассурбанипала, наместник Вавилона, поднял восстание против своего брата царя и пригласил Манассию, царька полувассального по отношению к Ассирии, присоединиться к Вавилону в качестве союзника против Ассирии. В свою очередь Манассия должен был вступить в переговоры с такими же полувассальными царьками финикийских городов-государств, привлекая их к союзу с Самашукином. Манассия согласился, но действовал нерешительно. Между тем, Ассурбанипал решительно вторгся в Вавилон, наголову разбил силы своего мятежного брата, и тот, боясь попасть в руки разгневанного и прославленного жестокостью повелителя-брата, сжег свой дворец и себя в нем.

Ассурбанипал потребовал, чтобы Манассия явился к нему в Вавилон и дал отчет в своих действиях.

Представители ассирийского царя прибыли в Иерусалим.

Момент был решительным и зловещим. Царь ассирийский во главе своего победоносного, воодушевленного успехом войска находится в Вавилонии, в нескольких дневных переходах от Иудеи. Если Манассия не проявит покорности, Ассурбанипал, вторгнувшись в Иудею, конечно, немедленно пленит страну и Иерусалим. Едва ли Господь для Манассии повторит чудо, совершенное Им для его отца Езекии. Если Манассия проявит покорность, то, может быть, эта участь минует его страну. Ассирийцы утомлены и, может быть, не захотят предпринимать нового похода. Но лично для Манассии надежды нет никакой.

И тут Манассия впервые проявляет проблески добра и мужества. Пятидесятидевятилетним человеком, на пороге старости, он соглашается без сопротивления идти к царю ассирийскому.

Посланцы ассирийского царя не церемонятся с Манассией. «Они заковали Манассию в кандалы и оковали его цепями, и отвели его в Вавилон» (2 Пар. 33, 11).

Об этом событии говорят и ассирийские летописи. Перечисляя царей, побежденных Ассурбанипалом, они называют и «Манасе, царя Ягуду» (Keilschriftliche Bibliothek — Schrader II, 149, 239).

В этом плену Манассия провел несколько лет, сколько точно — мы не знаем. Библия повествует: «В тесноте своей он стал умолять лице Господа Бога своего и глубоко смирился пред Богом отцов своих. И помолился Ему, и Бог преклонился к нему и услышал моление его, и возвратил его в Иерусалим» (2 Пар. 33,12).

Молитва его, сложенная им в плену, дошла до нас не в ев-

рейском подлиннике, который был когда-то утрачен, а в древнегреческом переводе, однако, и в еврейском Священном Писании есть упоминание о ней (см. 2 Пар. 33, 19).

Она потрясающая по силе. Приведем ее полностью в русском переводе:

«Господи Вседержителю, Боже отец наших Авраама, Исаака и Иакова, и семени их праведного: сотворивший небо и землю со всем благолепием их, связавший море словом повеления Твоего: заключивший бездну и запечатавший ее страшным и славным именем Твоим, которого все боятся и трепещут от лица силы Твоея, потому что никто не может устоять перед великолепием славы Твоея. И нестерпим гнев, гнев прещения Твоего на грешников. Но безмерна и неисследима и милость обетования Твоего, ибо Ты Господь Вышний, благий, долготерпеливый и многомилостивый, и кающийся о злобах человеческих. Ты, Господи, по множеству Твоей благодати обещал покаяние и отпущение согрешившим Тебе, и множеством щедрот Твоих определил покаяние грешникам во спасение. Итак, Ты Господи Боже сил, не положил покаяния праведным Аврааму, Исааку и Иакову не согрешившим Тебе, но положил покаяние мне грешному, потому что я согрешил паче песка морского. Многочисленны беззакония мои, Господи, и я не достоин взирать и смотреть на высоту небесную от множества неправд моих. Я скован многими узами железными, так что не могу поднять головы моей, и нет мне отдохновения, потому что прогневал я Тебя и сделал пред Тобою злое: не исполнил воли Твоей, не сохранил повелений Твоих, и ныне преклоняю колена сердца, умоляя о Твоей благодати. Согрешил я, Господи, согрешил, и беззакония мои я знаю. Но прошу молясь Тебе: отпусти мне и не погуби меня с беззакониями моими, и не осуди меня в преисподнюю. Ибо Ты Бог, Бог кающихся, и на мне яви всю благодать Твою, спаси меня недостойного по великой милости Твоей, и буду прославлять Тебя во все дни жизни моей, потому что Тебя славят все силы небесные, и Твоя слава во веки. Аминь».

Из многих исторических источников, повествующих о тех временах, мы знаем о десятках и сотнях тысяч пленников, страдавших в жесточайшем ассирийском плену. Редко какой народ, даже в языческой древности, имел такую ненасытную жажду мучительства и убийств: «У него на сердце — разорить и истребить множество народов», говорит об Ассирии пророк Исаия. Ассирийцев называет он «народом свирепым». А пророк Наум оп-

ределяет столицу Ассирии Ниневию как «город кровей, весь он полон обмана и убийств».

До нас дошли во множестве гордые и свирепые заявления ассирийских царей о том, сколько стран они разорили, сколько городов разрушили, сколько людей убили, ослепили, увели в плен. Они хвалятся своей жестокостью, своей беспощадностью, бесчеловечностью. «Я Сеннахирим, могучий муж, наступивший на горло своих врагов, топчущий всех супостатов, безжалостный герой, заставляющий дрожать людей в сражении... я захватил и разграбил семьдесят сильных городов и четыреста двадцать селений... Двести восемь тысяч человек малых и больших, мужчин и женщин я одних умертвил, а других ослепил и увел в Ассирию. А воинов города Хиримме, сильного врага, я поразил оружием, и ни одного из них не оставил в живых. Их трупы я привязал к кольям и окружил ими окрестности города...» Подобными хвастливыми ассирийскими памятниками полны современные музеи и коллекции исторических достопримечательностей.

Между тем, голос их жертв, тех, кого они пленили и мучили, почти не слышен, он не доходит до нас, заглушенный не только протекающим множеством веков, но и тем, что, вероятно, никто не вышел живым из ассирийского плена, чтобы рассказать о своих и своих сотоварищей страданиях, за одним единственным исключением: за исключением приводимой тут молитвы царя Манассии. И потому мы можем сказать, что в ней он говорит не только за себя, но и за сотни тысяч тех, кто, как он, томился в страшных ассирийских узилищах. Больше того: он говорит и за миллионы иных пленников, до нынешних включительно.

Когда он говорит: «скован я многими узами железными, так, что не могу поднять головы моей, и нет мне отдохновения» — он говорит не фигурально. Он говорит о действительном физическом своем состоянии, когда он не мог поднять своей головы, прикрученной к коленям железными цепями и кандалами. И наоборот, лишь фигурально он мог сказать: «преклоняю колена сердца моего» — телесных колен он не мог приклонить на молитву в это время.

Для нас же, как и для всех читателей его потрясающей молитвы, в этих конкретных его образах заключается важный и глубокий фигуральный смысл, потому что грех связывает и сковывает человека не менее жестоко, чем ассирийские тюремщики.

Возвратившись в Иерусалим, Манассия постарался по мере сил загладить причиненное им зло. «И узнал Манассия, что Господь есть Бог... И низверг чужеземных богов и идола из дома

Господня, и все капища, которые соорудил на горе дома Господня и в Иерусалиме, и выбросил их за город. И восстановил жертвенник Господень и принес на нем жертвы мирные и хвалебные и сказал Иудеям, чтоб они служили Господу Богу Израилеву» (2 Пар. 33, 13, 15, 16.).

Почему ассирийцы помиловали его, вопреки своим свирепым обычаям, мы не знаем. Может быть, не завоевавши полностью Иудеи, они сочли более разумным посадить на престоле в Иерусалиме человека, видевшего их мощь и потрясенного их жестокой силой.

Но мы можем догадываться, что воля Божия вывела из страшного плена этого покаявшегося царя, чтобы он поведал миру о своем опыте, передал всем кающимся поколениям свою огненную молитву и показал на своем примере насущно нужную для всех людей истину, что Божиему всепрощению нет предела, и никогда ни для кого не закрыты врата покаяния.

Внесенная в чин Великого Повечерия и помещенная во всех христианских часословах, читаемая в православных церквях ежедневно Великим Постом и многожды в прочее время года, отозвавшаяся благодаря этому в сотнях миллионов сердец, эта молитва Манассии, царя Иудейского, сложенная им в смрадном мраке ассирийской темницы, звучит, конечно, бесконечно громче всех свирепых хвастливых памятников ассирийских властителей, поверхностно вспоминаемых лишь на несколько минут посетителями музеев и составителями исторических коллекций, свидетельствуя тем, что сила Божия в немощи совершается от лет древних до нынешних.

Достоевский и Кант

Недавно мне удалось прочитать в одной из крупнейших публичных библиотек Западной Европы маленькую книжечку Я. Э. Голосовкера «Достоевский и Кант», о существовании которой, а также и её автора, я и не подозревал, пока не прочитал в «Посеве» очерки Михайло Михайлова «Лето Московское». Напомню: Михайлов рассказывает, как ему страстно хотелось познакомиться с автором этого замечательного маленького этюда о Достоевском. Встретиться ему с ним, однако, не удалось. Племянник Голосовкера Сигурт Оттович Шмидт как-то туманно объяснил, что Голосовкер очень болен, находится в больнице, и никто к нему не допускается. У читателя тут же закрадывается сомнение, не пошел ли философ Голосовкер по пути Тарсиса — через институт Склифасовского на «Канатчикову дачу». Да и Михайлов удивляется: если к Голосовкеру в больницу всё равно посетителей не допускают, почему же тогда племянник его не сказал, в какой больнице лежит больной и чем он болен? А попасть Голосовкеру на «Канатчикову дачу» было за что; сто́ит для этого только ознакомиться с содержанием книжечки «Достоевский и Кант», являющейся всего лишь выдержкой из его большого труда о Достоевском, который вряд ли в близком будущем увидит свет. Приходится только удивляться, что и эта книжечка была издана, хотя и смехотворным тиражом для Советского Союза — восемь тысяч экземпляров!

Что мы знаем о Голосовкере? Ни в одном советском официальном справочнике (БСЭ, СИЭ и пр.) я не нашел о нем ни слова. А Михайлов узнал о нем следующее. Голосовкеру 75 лет. Он окон-

чил Киевский университет по языкам и культуре античной Европы. Его высоко ценил Луначарский как знатока культуры, философии и литературы античного мира. При Сталине он пробыл 5 лет в концлагерях. В СССР его почти не издают, т. к. Голосовкер ни за что не соглашается итти на какие-либо компромиссы в своих писаниях, а пишет он на философские темы и его большой труд о Достоевском, отрывок из которого недавно увидел свет, является философским разбором мировоззренческих построений Достоевского.

Книжечка Голосовкера «Достоевский и Кант» содержит всего 100 страниц, но оригинальность мысли, стилистический блеск и глубина, — а к тому же, удивление, что такая вещь могла быть напечатана в Советском Союзе, — так захватывают и поглощают, что буквально не можешь оторваться, не прочитав её от первой до последней страницы.

Поскольку достать эту книжку теперь уже совсем трудно, постараюсь здесь как можно подробнее передать ее содержание, пользуясь обширными цитатами из наиболее интересных мест.

Книжечка «Достоевский и Кант» — это, в основном, философский анализ подхода Достоевского к проблеме добра и зла в «Братьях Карамазовых». Этот роман, как и почти все остальное творчество Достоевского, Голосовкер называет «философским поединком Достоевского с Кантом», поединком между духовной мудростью, исходящей от действенной христианской любви, проповедуемой такими «положительными героями» Достоевского, как старец Зосима и Алеша Карамазов, с одной стороны, и морализмом Канта, «исходящим из теоретического ума, из интеллекта, с ног до головы вооруженного формально-логической аргументацией. ...Это (у Канта — Д. У.) — продолжает Голосовкер — совесть устава, субординации и порядка, но не живого чувства. Достоевский же из всех безысходностей разума видит для человека выход в страстной деятельности любви». Подтверждение знания Достоевским Канта Голосовкер находит в том факте, что в одном из писем Достоевского к брату из тюрьмы (кажется, перед самой своей отправкой в Сибирь) Федор Михайлович просит обязательно прислать ему «Критику чистого разума» Канта, она, де, ему крайне необходима. Вышеприведенная цитата заканчивается несколько неточным утверждением Голосовкера, что «... только такой мыслитель, как Достоевский, мог так пронизательно психологически читать «Критику чистого разума» Канта, снимая формально-логический план Канта, как простую софистскую игру интеллекта-диалектика»...

Отнюдь не только Достоевский... И вряд ли Голосовкер, который, кстати, всюду пользуется «Критикой чистого разума» в русском переводе, сделанном Н. О. Лосским, не знал, что вся плеяда так называемого русского философского Ренессанса начала нашего века, после своего отхода от марксизма, прошла через увлечение Кантом, но его узкие тиски «категорического императива», столь характерные для западного пуританско-протестантского морализма, пришлись не по душе православно-русской мысли, в своей подлинной основе анархической в том смысле, в котором анархическим является христианство как таковое: «Пришел закон и умножился грех», т. е. законничество, прописная мораль — не добродетель, а тиски, связанные непосредственно с грехом; а апостол Павел учит, что в Царствии Небесном не будет уже никаких элементов, составляющих нашу земную жизнь, даже веры, ибо Предмет веры будет достигнут, и останется только Любовь. Итак, закон неразрывно взаимосвязан с грехом, а любовь, которая не подчиняется никаким законам и ничем с ними не связана, которая есть в идеале только результат полнейшей внутренней духовной свободы, — вечна. Поэтому как только Бердяев, Лосский, Франк, С. Булгаков и другие светила русского философского Ренессанса углубляются в сущность христианского учения, они отказываются от кантовского «категорического императива» в пользу свободно-волевого выбора человеком добра, в пользу добра, совершаемого по любви, а не по заказу «категорического императива». Кстати, в дневниках С. Л. Франка есть такая запись, характеризующая путь его отхода сначала от Маркса, а затем и от Канта: «Марксизм увлек меня своей наукообразной формой. Меня привлекала мысль, что жизнь человеческого общества можно познавать в его закономерности, изучая его, как естествознание изучает природу... Но уже в течение 2-го университетского года (1895-96) во мне начал созревать духовный перелом, приведший меня осенью 1896 года к решению окончательно порвать с революционной средой... Меня раздражали скороспелые категорические суждения... я почувствовал, что начинаю задыхаться в атмосфере сектантской веры социал-демократов. С осени 1896 г. я отошел от революционной марксистской среды и стал серьезно заниматься политической экономией, в результате чего... я пришел к сознанию шаткости и несостоятельности экономической теории Маркса... Уже студентом в Москве я изучал Канта... В Берлине слушал лекции... ново-кантианцев. Но душа моя не лежала к кантианству; оно было для меня лишь умственной конструкцией, внутренне ни-

когда меня не удовлетворявшей. Прочтя «Так говорил Заратустра», я был потрясен не учением Ницше, а атмосферой глубины духовной жизни, духовного борения, которой веяло от этой книги. С этого момента я почувствовал *реальность духа*, реальность глубины в моей собственной душе... Я стал идеалистом, не в кантовском смысле, а идеалистом-метафизиком, носителем некоего духовного опыта, открывшего доступ к незримой внутренней реальности бытия.»*) По словам же Бердяева, основной недостаток Канта в том, что он «... духовность сводит к практическим этическим постулатам... основная ошибка Канта была в том, что, признавая чувственный опыт, данностями которого суть явления (или феномены), он не признавал духовный опыт, данностью которого являются «вещи в себе». Человек, таким образом, остается как бы закупоренным в мире явлений; он не в состоянии вырваться из него, а если да, то только путем практических постулатов. Для Канта человек остается видимостью-явлением, а не вещью в себе... Его ошибка состояла как раз в признании чистого разума и чистого мышления. Чистое мышление не существует; мышление насыщено актами воли, эмоциями, страстями — все эти вещи играют роль в актах познания...»**)

Мы так долго задержались на этих цитатах, не имеющих, казалось бы, прямого отношения к рассматриваемой книге, по нескольким причинам.

Они, во-первых, указывают на некоторую весьма парадоксальную родственность марксизма и кантианства, родственность в совместном, хотя и совершенно различном, ограничении духовной деятельности человека, духовной свободы (Маркс ее вовсе не признавал!). Очевидно эти же элементы общего между кантианством и марксизмом ощущает и Голосовкер, ведущий посредством Достоевского свою атаку на Канта. Это будет проиллюстрировано ниже цитатами по порядку.

Во-вторых, мы хотели показать, как сказано выше, что не одному Достоевскому было свойственно вникнуть в сущность «Критики чистого разума» и оттолкнуться от нее.

Что же касается антикантианства Достоевского, которому Голосовкер придает характер исключительности, то, вероятно, это объясняется тем, что он преследовал в своей работе ка-

*) «Сборник памяти Семена Людвиговича Франка», Мюнхен, 1954 г.

**) Н. Бердяев, «Опыт эсхатологической метафизики»; обратный перевод наш с английского издания: "The Beginning and the End", Нью-Йорк, 1957, стр. 14-16.

кие-то иные цели, хотя, возможно, при этом и желал подчеркнуть особую художественную и психологическую выпуклость антикантианства Достоевского, с которой уж, конечно, трудно кому-либо состязаться, кроме того, дело, по-видимому, и не в одном только антикантианстве. Недаром в самом начале книжки «Достоевский и Кант» Голосовкер пишет: «Под «*все позволено*» Ивана скрывается у Достоевского одна из крупнейших европейских философских систем...» (стр. 17); и четырьмя страницами раньше: «*Все позволено* — идеология сатаны... Достоевский переводит читателя... в план мира совести... в план моральный, фантастический, inferнальный... этот бредовой, кошмарный, моральный мир... находится в «Критике чистого разума» Канта...» (выделено здесь и ниже Я. Голосовкером).

Голосовкер придает особое значение раздвоению личностей у Достоевского, особенно яркому в романе «Братья Карамазовы»: есть два Мити — один стремится пострадать, другой — бежать в Америку; Иван является в трех основных лицах — Иван-Смердяков-черт, кроме того, *сам Иван* является в как бы взаимоисключающих противоречиях. В этом расщеплении Голосовкер видит постановку большого философского вопроса. «Здесь проблема дуализма, контрверзы и диалектики по существу, ибо сам Иван Карамазов мыслитель — *диалектический герой кантовых антиномий**», т. е. взаимоисключающих противоречивых явлений двух противоположных начал: тезиса и антитезиса. Решение философской проблемы автор хотел бы найти в утверждающем тезисе — в Зосиме, Алеше, противопоставляя этому тезису образ великого инквизитора, как антитезис с его отрицанием, и черта, как карикатуру на великого инквизитора и на самый антитезис». (стр. 33-34)

«Канту, продолжает Голосовкер, известен один чудовищный

*) АНТИНОМИИ ЧИСТОГО РАЗУМА (Противоположность трансцендентальных идей).

ТЕЗИС (догматизм)

1. Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве.
2. Всякая сложная субстанция в мире состоит из *простых* частей, и вообще существует только простое и то, что сложено из простого.

АНТИТЕЗИС (эмпиризм)

1. Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен как во времени, так и в пространстве.
2. Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого. (Продолжение на следующей стр.)

секрет, что в разуме нашем таится *иллюзия*, бессмертная сестра химеры, которая рисует нам действительность там, где нет ничего, и рождает непримиримое противоречие между двумя истинами, возникающее вследствие того, что мы критерий абсолютного, вневременного, приложимый к миру *вещей в себе*, т. е. к тезису, применяем к миру эмпирического опыта, где все возникает, проходит и только кажется, но где ничего вечного нет, т. е. критерии тезиса применяем к антитезису... Хотя Кант спор антиномий считает пустым делом... тем не менее считает себя в силах разрешить все это примирением антагонистов... стóбит только повернуть перстень в сторону умопостижимую, как правым окажется тезис... в сторону эмпирическую, как правым окажется антитезис... Достоевский не только был знаком с этой антитетикой, но и продумал ее.» (стр. 37-39) И протестовал всем своим существом и талантом против этого кантианского равнозначного сосуществования обеих сфер и его искусственного уравнивания обеих «правд». Достоевский, по словам Голосовкера, требовал абсолютного торжества правды Тезиса.

«...герои Достоевского не только люди,.. они еще и проблемы, или идеи. Подобно черту, они только вселились в человекообразную оболочку, причем у одной и той же идеи несколько ипостасей... Формула Ивана «все позволено» — лозунг «Нового человека»... Эта формула служит закулисным обвинением против Ивана в отцеубийстве... На суд читателей представлен собственно не Иван, а кантов антитезис; сам Иван будет спасен автором, но антитезис осужден морально. На фабульной сцене Достоевского столько трупов... И убийцей всех этих самоубийц и убитых является формула «все позволено», которая, по замыслу автора, должна в их лице убить самое себя...» (стр. 41-45) «Кантово положение... (что) без Бога моральные идеи теряют всякое значе-

3. Причинность, согласно законам природы, есть не единственная причинность, из которой могут быть выведены все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить *свободную причинность*.

4. К миру принадлежит, или как часть его, или как его причина, *безусловно необходимое существо*.

3. Не существует никакой свободы, но всё совершается в мире только согласно *законам природы*.

4. *Нет никакого* абсолютно необходимого *существа* ни в мире, ни вне мира, как его причины.

Я. Голосовкер, стр. 40; цитирует по переводу Н. О. Лосского из «Критики чистого разума».

ние... — основная тема романа, это и есть формула Ивана: «*Все позволено, раз Бога и бессмертия нет*», т. е. все позволено, раз истина на стороне антитезиса. Это и есть секрет черта.» (стр. 46)*)

Несколько дальше Голосовкер (на стр. 78 и 79) развивает дальше тему секрета черта: «Секрет черта в том, что если Бог и бессмертие есть, то черт должен утверждать, что их нет: иначе исчезнет жизнь. Секрет великого инквизитора и искусителя в том, что Бога и бессмертия нет (или, во всяком случае, он в них не верит. Этот вопрос Голосовкер, по понятным причинам, оставляет не рассмотренным, а, быть может, рассмотрение его просто выпущено советской цензурой — Д. У.), но надо утверждать, что они есть, — иначе жизнь для миллионов будет сплошным страданием (! — Д. У.). Однако искуситель и черт — это один и тот же герой, но только в разных масках. Не в том ли засекреченный секрет, что черт обречен на вечное противоречие (без... кантовского примирения), что для него Бог и бессмертие одновременно и существуют и не существуют?... это высказывание... и Мити, и Зосимы, и Ивана, и... самого автора.» Речь, конечно, у Голосовкера тут идет о механическом снятии противоречия между тезисом и антитезисом, с которым не желает примириться абсолютист-Достоевский и который поэтому такое «примирение» высмеивает, окари-

*) Деление на сферы тезиса и антитезиса в «Братьях Карамазовых» Голосовкер видит не только в делах и мыслях героев романа, не только в лицах и именах, но и в словах:

Воплощения тезиса

Зосима
Алёша-Херувим

Тайна
Гимн-осанна
Восторг
Умилённая радость
Ангел

Благородство
Идеал Мадонны
Воскресший — новый человек Зосимы-Алёши

Воплощения антитезиса

Великий инквизитор
Иван, он же Смердяков, он же чёрт

Секрет
Позор
Критика
Бернары, Америка
Насекомое, клоп (или *муравей* в «Бесах». — Д. У.)

Гордость
Идеал содомский
«Новый человек» Ивана: «человеко-бог»

«Словесные символы тезиса символизируют: бессмертие, свободу, Бога. Словесные символы антитезиса — естественную необходимость, пустоту, бесконечность, уничтожение» (стр. 44 и 45).

катурирует. Однако Достоевский приемлет утверждение Канта, что оба решения существуют в мире бок о бок, одновременно. Вот что по этому поводу пишет Голосовкер: «... неустранимое противоречие разрешается у Канта тем, что оба противоположные решения принимаются одновременно, ибо свобода совместима с необходимостью, смерть с бессмертием, независимое существо с естественным законом (Бог — с природой). Точно так же разрешается противоречие у Мити... Поэтому Митя умеет и ненавидя любить... и идя за чертом, одновременно восклицает: «Я и Твой сын, Господи!..» Для Мити это не требует вовсе понимания. Понимать надо Ивану, понимать надо черту, ибо пока Иван-черт не сможет понять, зачем необходим «минус» (черт), до тех пор для него будут существовать две несовместимые правды и он будет стоять за антитезис... В Мите, как и во всем мире, сочетаются воедино и единовременно оба начала в одном и том же акте: «вонь и позор», «свет и радость»... Иван же, юный мыслитель, видел единственный путь к победе в гордом мужестве абсолютного атеиста, грядущего человеко-бога, вооруженного наукой перед лицом страшного *вакуума* природы... он совершенно опустил другое... оружие человека — искусство; ибо где человек погибает в истине, там он спасается красотой... В тайне сердца Иван хотел бы, *но не смог*, созерцать одновременно бездны веры и неверия... В этом «не смог», в этом бессилии Ивана скрыт сарказм Достоевского над скептической философией, над «Критикой чистого разума», над Кантом...» (стр. 80-85).

Иван, как говорит Голосовкер, не только троится — Иван-черт-Смердяков, — но и в самом Иване «сосуществуют» взаимоисключающие противоречия: то он адвокат «нового человека» — гордого атеиста — человеко-бога, то он пишет свой христианский «манифест»: «Основная мысль манифеста Ивана... любовь человека к человеку проистекает не от «закона естественного» (антитезиса), а от веры человека в свое бессмертие (от тезиса)... Теоретик-мыслитель Иван,... убивший в лице своего окарикатуризированного двойника, Смердякова-практика, собственного отца, Федора Павловича, оказался, подобно Раскольникову, «бледным преступником», который не вынес своего преступления,... выполняя программу «все позволено», почувствовал, что она ему не по силам, что ему позволено не все, а может быть, и ничего не позволено. В итоге Смердяков повесился: его совесть заела, т. е. тезис заел антитезис. И не столько за отцеубийство, сколько за всю принятую кантову программу антитезиса, как истины мира, зае-

ла совесть Ивана — в угоду автору. А поскольку антитезис в романе есть черт, то совесть в лице Ивана расправилась разом и с чертом, и с Кантом.» (стр. 64-70). Таким образом, Достоевский показывает всю зыбкость, нереальность сосуществования антитезиса и тезиса, и грядущее возмездие (если и не победу в нашем нормальном человеческом понимании этого слова) последнего над первым.

Тема о вине и возмездии у Достоевского занимает центральное место и ставится она им, по словам Голосовкера, и в «Преступлении и наказании», и в «Братьях Карамазовых» в плане 3-ей антиномии Канта (см. приведенные выше «Антиномии чистого разума»). «... о свободе воли и необходимости... Эта тема поставлена и в убийстве Федора Павловича Карамазова, и в совсем другом плане в «Легенде о великом инквизиторе». В главе «Братья знакомятся» Иван развивает мысль, что виновных в мире нет, что все одно из другого выходит — это антитезис 3-ей антиномии Канта. Но Иван тут же говорит: «Что мне в том, что виновных в мире нет... мне надо возмездие!»... на это признание вины человека, несмотря на то, что виновных нет... и указывает Кант... ради разрешения этого противоречия Кант вводит путем тончайшей казуистики свое учение об умопостигаемом и эмпирическом характере человека... Умопостигаемый характер... это разум, действующий согласно самим идеям. Разум может самостоятельно начинать ряд событий... это и есть свобода воли... умопостигаемый характер обладает свободной причинностью. От разума исходят императивы... (отсюда) эмпирический характер человека. Самые же акты, как проявления эмпирического характера, определены эмпирическими условиями; однако нам кажется, что и акты определяются идеями разума... Раз акты воли человека эмпирически обусловлены, то человек за них ответственности не несет. Но... нам кажется, что эти акты воли определены идеями разума, которые ничем не обусловлены... постольку мы возлагаем ответственность на человека за его поступки... в одном и том же акте человека могут быть противоречия между свободой и необходимостью. Свобода и необходимость могут существовать независимо друг от друга...» (стр. 55-59) В эти же кантовские категории Голосовкер, по-моему, несколько противореча самому себе, ибо, по его же словам, Зосима и Алеша являются олицетворением Тезиса, следовательно, казалось бы, их доводы не должны были бы входить в те самые рамки кантовских категорий, которые, по словам Голосовкера, подвергаются со стороны Достоевского

саркастическому окарикатуриванию, вмещает и старца Зосиму в его беседе о бессмертии с Хохлаковой: «Изменять факты Кант строго запрещает, предлагая примирить «факты» с «идеями»... эмпирическое с умопостигаемым... Старец Зосима (говоря Хохлаковой о бессмертии): «Доказать тут ничего нельзя... убедиться же можно... опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших близких деятельно и неустанно. По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей... Это истинно, это точно»... это довод, взятый из практики христианства, и есть, быть может, переход к «практическому разуму» Канта, к категорическому императиву...» (стр. 53-55).

Наше резюме книжечки Голосовкера «Достоевский и Кант» было бы неполным, если бы мы не остановились на теме двух «новых человек», которую автор рассматривает на стр. 30-32: «Совокупный секрет Мити и Ивана, секрет бегства в Америку, т. е. решение об отказе от страдания, от очищения,... от бессмертия, от Бога, — оказался выдумкой чёрта, «секретом чёрта»... сама Америка, страна мошенников, по убеждению Мити, крепко связана с чёртом... Только после суда узнаёт Митя, кто он: *новый человек*, возрождённый, который отвергает Америку, обретёт Бога и запоёт Ему и Его радости из-под земли гимн подземного человека, или он, Митя, тот, кто убежит в Америку, т. е. «Бернар презренный»... В романе два *новых человека*: один антипод другому, и между ними вечный поединок не на жизнь, а на смерть. Прежде всего, *новый человек* («Бернар») — это человекобог, которому «всё позволено», гордый человек, узнавший, что он смертен до конца, отказавшийся от «осанны» и «гимна», это — человек с идеей, это — человек с «хвостиками» в мозгу, с нейтронами вместо души, который выдумал протоплазму и химию, — это и есть «Бернар презренный». Бернар — известный учёный Клод Бернар, как химия, как подлец какой-то, как вообще наука, — и взято имя Бернар нарицательно... Этот Бернар — «наука», которая идёт против Бога и бессмертия, и голоса совести.

Другой *новый человек* — это тот, о котором говорит Зосима... это воскресший человек, который исполнен восторга и приходит к такой умилённой радости, который за вся и всех виноват, который заключен внутри Мити и хочет пострадать «за дитё»...»

Вряд ли надо пояснять, что этот *новый человек* — это образ Христа, отображённый у Достоевского в лице Алёши, старца Зосимы, Идиота-Мышкина. «Дитё» — образ невинно страдающих в

нашем мире. В Мите, по словам Голосовкера, идёт борьба этих двух «новых человек». В Мите сочетаются оба начала: тезис и антитезис — вонь и свет, как в нашем повседневном мире, в отличие от Ивана-чёрта, как одной крайности, и Алёши-Зосимы — другой крайности.

Возвращаясь в конце книжки к теме «засекреченного секрета» мира сего, бернардовского «нового человека», т. е. чёрта, Голосовкер пишет: «Секрет в том, что истина на стороне тезиса, но чёрту надо провозгласить, что истина на стороне антитезиса. Но зачем надо провозгласить торжество антитезиса... этого чёрт не знает... чёрту творить неразумное приказывает высший философский ум... и выполняет этот приказ «наука». Чёрт-антитезис и есть окарикатуренная философия, тот *ум-скоморох-диалектик*, который сам не знает... зачем создал он эту «науку», выступающую против тезиса, против Бога, бессмертия и свободы... До чего довёл себя этот «ум», этот чистый разум, этот Кант! Он довёл себя до вечного колебания на коромысле антиномий, до безвыходности, до агностицизма, тщетно пытаюсь формально-диалектическим трюком... примирить свой тезис со своим антитезисом...

Достоевский в кантианстве Ивана... вступил в смертельный поединок с Кантом — в один из самых гениальных поединков... в истории человеческой мысли... Критическая философия Канта нанесла самый тяжёлый удар спиритуализму... Но она-то спасала для Канта спиритуалистическую мораль голосом категорического императива, бравшего на себя функцию совести или морального судии. Вот почему Кант оказался чёртом, скоморохом-философом, который не знает, есть ли Бог, хотя Бога слышит в голосе своей совести... Вот почему Достоевский против Канта... с «наукой» вступила в бой совесть и победила... У «науки» в романе много имен: Америка, химия, протоплазма, Вавилонская башня, «хвостики»... За её атеистической спиной скрыт не только Кант, но и вся рационалистическая философия... Философия стоит за спиной атеистической науки. Против атеистической философии и направил Достоевский весь свой сарказм в лице «русского джентельмена» — чёрта.

Глава «Кошмар Ивана Фёдоровича»... сплошная карикатура на философию. Всё прикрыто одним словом «наука», которой вооружен человекобог — абсолютный атеист.

Достоевский сам себе противоречит, сначала говоря устами Ивана, что «любовь на земле проистекает... от веры в бессмертие и Бога»,... с другой — устами чёрта,... что и без Бога и бессмертия

человек полюбит ближнего и даже без всякой mzды, т. е. без воздаяния за гробом... Здесь открывается внутренняя антиномия... самого автора, который, отстаивая явно положения тезиса, не отрётся втайне и от антитезиса, от атеизма, тем более, что в самом атеизме Достоевский признал вывороченную наизнанку религиозную веру... Не выражают ли (веру Достоевского — Д. У.) одновременно и Иван, и Алеша, и Митя?..*)

Это атеистический ум, ум философии... убил старика Карамазова... из-за единственного виновника, символического чёрта Митя пошёл на каторгу, Иван сошёл с ума, Смердяков повесился... диалектический герой кантовых антиномий — вот кто виновник. И совесть, вооружённая единственным аргументом *credo, quia absurdum*, победила героя, вогнав его в безумие.

Достоевский умел показать весь ужас голода ума с (его) моральным страданием... Он увидел всю гордость и унижение этого ума, извивающегося в муке перед вакуумом природы, но героизму его упорной борьбы противопоставил... примирение с тайной природы, как с тайной неисповедимой — это ветхий догмат веры.

Рядом с «Божественной комедией» Данте — адом моральным, «Человеческой комедией» Бальзака — адом социальным, стоит «Чёртова комедия» Достоевского — *ad интеллектуальный*.

И всё же Достоевский неустанно заглядывал в великую бездну «вакуума»... столь же жадно и упорно выпытывая у неё тайны страдающей мысли, как наука выпытывает у неё тайны материи, порой подразумевая под этим и тайны духа (! — Д. У.)... И хотя Достоевский сам не мог вырваться из «ада ума», он в уста Алёши пытался вложить всечеловеческую надежду на грядущее: «А дорога... дорога-то большая, прямая, светлая, хрустальная, и солнце в конце её...» (стр. 86-94).

*) По-моему, здесь никакого противоречия нет. Устами чёрта ведь говорит только карикатура, следовательно, его слова совсем не должны отражать точку зрения самого Достоевского. Голословно звучат также слова Голосовкера о том, что Достоевский «не отрётся втайне и от атеизма». Если Достоевскому, как всякому глубоко верующему человеку, и были свойственны самые глубокие сомнения, то они ничего общего с атеизмом не имеют, тем более, что сам Голосовкер говорит, что атеизм для Достоевского был «вывороченной наизнанку... верой», т. е. той же карикатурой на веру, как чёрт был, например, карикатурой на Канта. Трудно полагать, чтобы Достоевского серьезно тянуло к атеизму, если он для него представлялся в карикатурном, т. е. несерьезном, виде! — Д. У.

Заканчивает Голосовкер свой труд, который он сам называет «Размышлением читателя», следующим «Послесловием»:

«Размышление читателя» посвящено... трагедии человеческого ума, тщетно ищущего познания всей истины бытия и жизни, абсолютного познания до самого конца и бессильного этот конец ухватить, несмотря на все успехи своей познавательской деятельности... Если Достоевский называет философию «разные философии»,... то было бы не меньшей близорукостью видеть в Достоевском мракобеса и гонителя знания или находить для Достоевского историческое оправдание... Гений Достоевского не нуждается ни в оправдании, ни в снисхождении... В поединке с Кантом Достоевский выступает как символ *ума*, исходящего из душевной глубины, из этики горячего сердца. Кант же, наперекор самому себе, выступает как символ *морали*, исходящей из теоретического ума, из интеллекта, с ног до головы вооруженного формально-логической аргументацией... (Кант — Д. У.) это — совесть устава, субординации и порядка, но не живого чувства. Достоевский же из всех безысходностей разума видит для человека выход в страстной деятельности любви...» (стр. 94-100).

Странно, почему Голосовкер не привёл ни одного довода против обвинений Достоевского в мракобесии. Он это мог бы сделать, объяснив хотя бы, почему «науку» «Бернаров», атакуемую Достоевским, он помещает в кавычки. То ли по цензурным соображениям, то ли по каким-либо другим Голосовкер ограничивается лишь намёком: Достоевский не мракобес, а горделивая наука «людей с хвостиками» — это всего лишь «наука», отсюда и делайте сами умозаключения; имеющие очи, да видят. Возможно, что он обходится здесь только таким лёгким намёком, чтобы показать, что гений Достоевского не нуждается и в его, Голосовкера, адвокатстве.

Вся книга слишком насыщена пафосом; разработка атак Достоевского против «бернардов презренных» Голосовкером слишком страстна, горяча, чтобы читатель мог поверить, что автор лишь углубленно анализирует писания Достоевского. У читателя не остаётся сомнения, на чьей стороне сам автор. Голосовкер вряд ли и пытается это скрыть или закамуфлировать. Вместе с Владимиром Соловьёвым он показывает абсурдность установки, иронически определенной Соловьёвым — «Мы все произошли от обезьяны, поэтому будем любить друг друга», несовместимость «гордого человекобога» и любви, несостоятельность атеистического гуманизма. Недаром «Великий инквизитор», который хочет общественного благополучия, не веря в Бога, знает (заодно с Вольтером), что Его надо выдумать, иначе жизнь будет кошмар-

ной; а чёрт, который хочет зла, зная, что Бог есть, отрицает Его. Идеал человека Достоевского, как и Пастернака, как и Голосовкера, совсем не звучит гордо; этот идеальный человек — Богочеловек, унижаемый, оскорбляемый и распинаемый Христос.

Утверждения «Человек — это звучит гордо» и «Всё позволено» — одно и то же; именно благодаря им появились системы «сверхчеловеков», «высших рас», «сверх- или высших классов» (диктатура пролетариата), от которых до сих пор миллионы гибнут без свободы. Наука в руках этих людей типа «всё позволено» превращается в «науку», «науку-религию», в жертву которой приносится всё; на наших глазах астрофизика, например, превратилась из подлинной науки как раз в такую «науку», в средство борьбы за политический международный престиж, во имя которого выбрасываются миллиарды в то время, когда народ лишен самого необходимого. Это и является доказательством несоместимости горделивого атеистического человекобожества с подлинной действенной любовью, абсурдности атеистического гуманизма.

Такова маленькая книжечка глубокого, почти никому неизвестного мыслителя современной России, навевающая «неофициальные» мысли. А какие мысли навеяла бы вся книга Голосовкера о Достоевском? Не удивительно поэтому, что она до сих пор не издана в СССР, и что и этот отрывок из неё «Достоевский и Кант» издан лишь тиражом в 8000 экземпляров, и что появление его на свет было, поскольку нам известно, обойдено полным молчанием со стороны советской критики. Ведь она, убогая, и не смогла бы подвергнуть мысли Голосовкера критике по существу. А хвалить такие вещицы пока в СССР никак не положено.

«Почему ночью темно?»

(Проблемы космологии)

После открытий, сделанных в 1963 году, советские ученые Я. Зельдович и И. Новиков с вполне понятной гордостью напомнили читателям «Комсомольской правды», что еще «в 1922 году Фридман опубликовал свою статью о нестационарном решении космологической проблемы, положив начало современной науке о Вселенной в целом». Зельдович и Новиков популярно рассказали о теории «расширяющейся Вселенной» и сочли нужным подчеркнуть:

«В теории Фридмана неизбежно утверждение, что в некоторый момент в прошлом плотность вещества Вселенной была бесконечной. Вся бесконечная Вселенная была точкой! Расширение началось не столь давно — 10 миллиардов лет тому назад... Ну, а что было 10 миллиардов лет и еще один день тому назад? Что было за год, за день, за минуту до «рождения» нашей Вселенной, до начала ее расширения? К сожалению, на этот вопрос сейчас нет конкретного ответа... Ведь даже в бесконечной Вселенной до нас доходит излучение только от объектов, лежащих внутри сферы в 10 миллиардов световых лет. Сфера очень большая, но все же конечная».

Такая постановка вопроса, конечно, резко противоречила старым догмам материалистической философии. Не удивительно, что беседа Зельдовича и Новикова стала в нашей стране сенсационной и вызвала бурное «брожение умов», отразившееся и на страницах советской печати.

Уже упомянутая статья Владимира Львова в журнале «Нева», насколько нам известно, была первой попыткой ослабить впечатление, произведенное беседой, опубликованной на страницах газеты «Комсомольская правда». Начав говорить об «эпохе

великого переворота в мировоззрении» «и о Боге», Львов направил затем все свои старания на то, чтобы доказать непорочность ортодоксальной марксистской философии, доказать, что «с достигнутых сегодня астрономией высот просматривается вечная и бесконечная Вселенная. Мир без Бога». И закончил Львов свою статью таким образом:

«Из праха сотворен и в прах возвратишься» — эту рабыню мудрость религии сменяет отныне другая, дерзновенная мудрость. Мы дети не только земного праха, но и голубой бесконечности неба. В нашей власти будет Вселенная».

Оставим пока в стороне это заявление о «голубой бесконечности неба» и будущей власти человека над всей Вселенной и вспомним, что статья Львова была опубликована в сентябре 1964 года, то есть как раз в то время, когда в Брюсселе состоялась традиционная Сольвейская конференция астрономов и астрофизиков, в работе которой приняли участие и крупнейшие специалисты по теоретической и атомной физике, в частности, «отец» первой атомной бомбы — виднейший американский ученый Роберт Оппенгеймер. Конференция детально обсуждала открытия 1963 года и, как рассказывал потом ее участник академик В. А. Амбарцумян, речь пошла «об одном из наиболее сложных и узловых вопросов современного естествознания — о возникновении современных форм существования вещества во Вселенной, а также о тех глубоких свойствах материи, которые ведут к процессам выделения грандиозных количеств энергии».

Короче говоря, мысли Зельдовича и Новикова были сенсационными только для широкого круга читателей в СССР. Еще до опубликования их беседы сорок видных американских ученых издали в Нью-Йорке книгу, целиком посвященную проблемам расширяющейся Вселенной, а на Сольвейской конференции лучшие умы человечества продолжали консолидировать свои мнения «о возникновении современных форм существования вещества во Вселенной». Не удивительно, что, ознакомившись с первыми итогами конференции в Брюсселе и убедившись, что на Западе у Зельдовича и Новикова есть множество весьма и весьма авторитетных единомышленников, научный комментатор В. Ковалевский начал писать о загадках Вселенной уже в ином тоне, чем тот, который избрал В. Львов. В своей статье «Если бы звезд было вдвое меньше», опубликованной в ноябрьском номере журнала «Знание — сила» за 1964 год, В. Ковалевский гораздо спокойнее и солиднее рассматривал проблемы познания Вселенной. И вдруг произошло нечто совсем неожиданное.

4 декабря 1964 года на страницах газеты «Комсомольская правда» появилась статья «Вселенная в зеркале науки», очень напоминавшая своим содержанием методы критики во времена Сталина.

Этой статье предшествовало следующее редакционное предисловие:

«Сложные вопросы строения Вселенной, благодаря космическим полетам, все более привлекают всеобщее внимание. Публикация статей на эту тему, как правило, вызывает поток писем. В частности, редакция получила много писем после опубликования 6 июня беседы с академиком Я. Зельдовичем «Когда Вселенной еще не было...». Читатели задают многочисленные вопросы, связанные с научным и философским содержанием беседы, высказывают критические замечания в адрес некоторых философских акцентов статьи, изложенных корреспондентом без необходимых уточнений. Поэтому мы публикуем сегодня теоретическую статью академика АН УССР М. Э. Омеляновского, посвященную философским проблемам современной космологии».

Какие же «необходимые уточнения» делает Омеляновский в своей «теоретической статье»?

Омеляновский поставил вопрос прямо: «противоречит ли «теория расширяющейся Вселенной» диалектическому материализму?». Но прямого ответа на этот вопрос он не дал, а немедленно повел в сторону, добавив, что «этот вопрос равносильен вопросу: действительно ли теория Фридмана — научная теория?».

Не трудно догадаться, что именно эти и подобные им вопросы и были поставлены в «потоке писем», полученных редакцией газеты «Комсомольская правда» за полгода, прошедшие после опубликования ею беседы Зельдовича и Новикова. Писатель М. Колесников, как мы теперь видим, был прав, характеризуя умонастроения современной советской молодежи. А как ответил на волнующие ее вопросы «мастер» диалектического материализма?

Судите сами. Омеляновский писал:

«Теория Фридмана... не есть истина в последней инстанции (а такой «истинной» пытаются ее сделать неумеренные ее сторонники)... В теории Фридмана ставится вопрос о так называемом «начальном состоянии», то есть о состоянии Вселенной в тот момент, когда, согласно теории, плотность материи во Вселенной была огромна (намного больше плотности ядерного вещества). В частности, ставится вопрос, что было до момента, который соответствует начальному состоянию, явившемуся началом «расшире-

ния Вселенной»? На этот последний вопрос, как отмечается в физической литературе, сейчас не только нет конкретного ответа, но и нет научного подхода к нему. Поэтому возникает вопрос: следует ли отсюда, что теория Фридмана вплотную подводит нас к первому дню творения мира божеством, что существуют границы человеческого познания и тому подобное — как утверждают всяческие мракобесы? В действительности все обстоит совершенно по-другому... Понятия «начальное состояние», «возраст Вселенной» и тому подобные, применяемые в теории Фридмана, нельзя понимать буквально. Буквальный смысл этих понятий отвечает только неверному распространению на Вселенную в целом явлений расширения Метагалактики. Тогда теория Фридмана не столько служит открытию новых явлений, сколько препятствует научному прогрессу. Ограниченный характер теории Фридмана ныне вполне определился, поскольку она не может объяснить многие новые космические явления, открытые в недавнее время, и среди них процессы, протекающие в ядрах галактик, важность которых выяснилась за последнее десятилетие. Эти новые факты требуют новых идей и новой теории, более глубокой, нежели теория Фридмана».

Но почему же все-таки Вселенная расширяется? Как «уточняет» Омеляновский «философский акцент» явления «красного смещения»?

«Наблюдения Хаббла по своему действительному содержанию говорят о расширении не Вселенной в целом, а Метагалактики», — пишет Омеляновский, забывая, что его коллега Эйгенсон в 1950 году категорически утверждал, что «никакого реального расширения всего пространства Метагалактики быть не может».

А дальше мы читаем:

«Распространение на Вселенную в целом свойств и характеристик, известных из исследований ее некоторой области, — это допускается теорией Фридмана, — заранее предполагает ничем не оправданную универсализацию этих свойств и характеристик. Метагалактика, то есть система окружающих нас галактик и их скоплений, расширяется; это — установленный современной наукой фундаментальный факт. Но расширение Вселенной, понимаемое в буквальном смысле, это логически неправомерная экстраполяция, которая используется церковниками в целях борьбы против материализма».

Здесь Омеляновский уже занялся передержками и подменой одного понятия другим.

Согласно определениям, данным в последнем издании Большой Советской Энциклопедии, «Вселенная в целом» — это «Космос», а «Метагалактика» — «совокупность звездных систем (галактик)», то есть опять же «Космос» или «Вселенная в целом». Ученые пользуются этими тремя различными терминами из чисто методологических соображений, а в философском плане никакого принципиального различия между тремя названными понятиями нет. Поэтому, когда Омеляновский призывает не понимать их буквально и вместе и в отдельности, он сам зачисляет себя в категорию мракобесов.

Но что же, все-таки, было, когда «ничего» не было, когда «вся бесконечная Вселенная была точкой»?

Зельдович и Новиков старались ответить на этот вопрос не так, как это сделал Омеляновский. В своей беседе они рассказали, в каком именно направлении идут поиски того вещества, плотность которого превышает ядерную. Зельдович и Новиков писали:

«Наибольший интерес вызывает предположение о том, что вещество это было холодным и состояло из смеси протонов, электронов и нейтрино, «спрессованных» до невероятной плотности. Расширяясь, смесь превратилась в практически чистый холодный водород. Позднее из этого водорода образовались звезды. В недрах звезд происходили уже хорошо изученные реакции ядерного синтеза. Звезды «взрывались», разбрасывая получившиеся элементы».

Но и это не совсем ново. Еще в 1947 году академик В. А. Амбарцумян писал, что звезды, галактики и их объединения возникли в одно и то же время и в одном и том же месте из некой «дозвездной материи». В 1961 году, совместно с армянским ученым Г. С. Саакяном, В. А. Амбарцумян опубликовал теоретическое исследование, в котором говорилось о возможности существования и гиперонных звезд, состоящих из нейтронов и самых тяжелых из элементарных частиц — гиперонов, масса которых более чем в 2 тысячи раз превышает массу электрона. Однако и эти предположения еще не дают вразумительного ответа на стоящую перед нами проблему.

В самом деле. Какие силы «спрессовали» до невообразимой плотности протоны, электроны и нейтрино, или нейтроны и гипероны? По каким причинам вся Вселенная, сосредоточившись в одной «точке», начала вдруг расширяться, превращаясь в «практически чистый водород», из которого «позднее» образовались неизвестными путями химические элементы и звезды? Почему в

звездах стали происходить реакции ядерного синтеза, приводящие к уму непостижимым взрывам?

Были, конечно, попытки научно ответить и на такие вопросы. Например, член-корреспондент Академии наук СССР Д. И. Блохинцев высказывал «сумасшедшую» гипотезу, что целая галактика может образоваться в результате столкновения протона с антипротоном. Об этой гипотезе очень популярно рассказал советский журналист Дмитрий Биленкин в своей заметке «Нечто фантастическое, но возможное», опубликованной в десятом номере журнала «Смена» за 1963 год. Еще более «сумасшедшую» гипотезу выдвинули совместно член-корреспондент Академии наук СССР, ныне уже академик Б. М. Понтекорво и доктор физико-математических наук Я. А. Смородинский, допустившие мысль, что и вся Вселенная могла образоваться в случае почти невероятного столкновения наилегчайших элементарных частиц — нейтрино и антинейтрино. Об этой гипотезе, которую великий датский физик Нильс Бор назвал «еще не достаточно безумной, чтобы она казалась правдоподобной», популярно рассказала советская журналистка Ирина Радунская на страницах седьмого номера журнала «Смена» за тот же 1963 год. Однако Нильс Бор, создавший в 1913 году первую модель атома, построенную по аналогии со структурой солнечной системы, в последние годы своей жизни сам неоднократно предостерегал о неправомочности проведения параллелей между свойствами и структурами микро- и макромиров.

В 1961 году, находясь в Москве, Нильс Бор говорил:

«Уже первые шаги атомной физики вскрыли много неожиданного и показали неприменимость наших старых представлений и понятий. Мы не знали наперед, на каком языке может быть дано описание этой новой области явлений. Если бы в солнечную систему ворвалась достаточно крупная комета, то она настолько бы возмутила движение планет, что, во всяком случае, не осталось бы никакого воспоминания об их прежнем движении. В атомных же явлениях ничего подобного не наблюдается. Здесь мы имеем принципиально новый вид целостности».

Академик В. А. Амбарцумян придерживается иной точки зрения. В своей статье «Мир далеких галактик», опубликованной в третьем номере журнала «Наука и жизнь» за 1963 год, он продолжал полагать, что «от успехов физики элементарных частиц зависит и возможность теоретического решения проблемы происхождения звезд и галактик».

13 января 1965 года в газете «Известия» появилась статья В. А. Амбарцумяна «Проблемы большой Вселенной».

«Грубо говоря, — писал В. А. Амбарцумян, — в науке еще продолжает жить в известной степени библейская традиция, согласно которой сначала был хаос и туман, а Бог сделал из этого хаоса Землю и другие планеты... Странники представления о сгущении «первоначального» рассеянного вещества («хаоса») еще не сдали окончательно своих позиций».

Это, между прочим, удар по Владимиру Львову, поскольку в уже цитированной нами статье он категорически утверждал:

«И кометы, и планетарные шары, а также метеориты, астероиды и само Солнце — все они, в конечном счете, детища одного и того же облака холодной космической пыли и газа... первичного облака, давшего начало Солнцу и планетам».

Но, ударив рикошетом по Львову, Омеляновскому и им подобным догматикам в науке, В. А. Амбарцумян, не сказав в своей статье ни слова о теории Фридмана, все же признал и рассказал, что «отдельные» галактики и «даже группы галактик» в действительности удаляются друг от друга, что могло быть вызвано только исполинским взрывом некоего «массивного плотного тела». Не сказав ни слова о беседе Я. Зельдовича и И. Новикова и о том, что было, «когда Вселенной еще не было», В. А. Амбарцумян все же повел речь о «зародышах» галактик и их скоплениях, напоминая таким образом о своей теории «дозвездной материи». А в общем, опять же не сказав ни слова об уже известном нам выступлении Римского Папы Пия XII, В. А. Амбарцумян как бы заочно солидаризировался и с ним по методу доказательства от обратного. Дескать, поскольку Вселенная произошла не из хаоса первичного вещества, значит, должно быть ясным, что она произошла из первоначального и сверхплотного сгустка материи.

Нам думается, что только из опасения, что молодые читатели не смогут понять его истинного, положительного отношения к теории Фридмана, В. А. Амбарцумян позволил себе сказать в своей статье следующее:

«Повсюду во Вселенной мы можем наблюдать явления истечений, выбросов, взрывов и извержений. В мире галактик эти процессы представлены очень четко. А сгущения диффузного вещества в плотные небесные тела нигде никто и никогда не наблюдает».

Последняя фраза вызывает недоумение.

Во-первых, В. А. Амбарцумян сам признает в своей статье, что сверхзвезды или, как он осторожно их называет, «квазизвезд-

ные радиоизлучающие объекты», «на определенном этапе своего развития излучают в тысячу миллиардов раз больше энергии, чем Солнце», а такое явление, по мнению многих весьма авторитетных теоретиков, может быть вызвано только в результате интенсивного сжатия массы сверхзвезд; а, во-вторых, давно известно, что в природе происходят не только взрывы, но и противоположные явления — «взрывы наоборот» или, как их называют в науке, «коллапсы». Внезапно расширяясь в одном месте, материя столь же внезапно в другом месте сгущается. Так, при подземных взрывах атомных бомб образуются пещеры, усеянные алмазами. Поэтому нет никаких оснований говорить, что подобные явления невозможны и в космическом пространстве.*)

*

Вопрос о том, существуют или не существуют на других планетах разумные, в нашем понимании этого слова, существа, возник давным-давно, однако, только теперь он стал воистину животрепещущим.

В своей статье «О невероятном и вероятном, о далеком и близком...», опубликованной в восьмом номере журнала «Молодая гвардия» за 1964 год, вице-президент Академии медицинских наук СССР В. В. Парин констатировал, что в наши дни идет «необъявленная дискуссия» между русским автором научно-фантастических рассказов Иваном Ефремовым и польским писателем того же жанра Станиславом Лемом, которые спорят на тему: в каких формах возможна разумная жизнь вне Земли?

В. В. Парин писал по этому поводу:

«Ефремов высказывается однозначно: многообразие живой материи может проявиться лишь в различии ее химического состава. В фантазии Лема дерзости много более, чем у его оппонента, нашего соотечественника».

По мнению В. В. Парина, фантазия Лема базируется на его «гигантской научной эрудиции», и Парин высказывает сожаление, что названная проблема «еще не разрабатывается наукой».

Но здесь следовало бы сказать — «еще недостаточно активно разрабатывается», ибо виднейшие советские и зарубежные ученые все же ведут, правда, тоже еще «необъявленную дискуссию» на ту же тему.

Действительный член Академии наук СССР В. Г. Фесенков в 1959 году, в первом номере журнала «Знание — сила» опубли-

*) Фред Хойл, например, уверен, что сверхзвезды образуются именно в результате «взрывов наоборот». — Прим. автора.

ковал свою статью «Космическое будущее человечества», в которой высказывал уверенность, что в пределах нашей галактики должны быть планеты, населенные существами, которые по уровню своего развития превосходят человека.

Президент Академии наук Белорусской ССР В. Ф. Купрович в своей заметке «Земля, жизнь, космос», опубликованной в девятом номере журнала «Техника — молодежи» за 1961 год, писал, что мы несомненно найдем на других планетах новые и неизвестные нам формы жизни, «в своем историческом развитии, возможно, на сотни миллионов лет ушедшие вперед».

Бернард Ловелл, директор радиоастрономической обсерватории при Манчестрском университете в Англии, в своем интервью, которое он, находясь в СССР, дал советским и иностранным ученым и журналистам и которое было опубликовано в девятом номере «Вестника Академии наук СССР» за 1963 год, говорил:

«Я не сомневаюсь, что на других планетах есть разумные существа. Что же касается установления связи с ними, то это чрезвычайно сложный вопрос. Для его решения, возможно, потребуется объединить все радиотелескопы Земли и увеличить их мощность в десять или даже больше раз. Если предположить, что живые существа на других планетах развивались так же, как на Земле, где на это понадобилось около трех миллионов лет*), и учесть, что возраст известной нам части Вселенной составляет по крайней мере 10 миллиардов лет, то мы могли бы там встретить существа как давно развившиеся, так и еще лишь возникающие».

Знаменитый американский астроном Харлоу Шепли, член Академий наук и научных обществ многих стран, считает, что обитатели других планет могут так же отличаться от человека,

*) Здесь Бернард Ловелл, совершенно очевидно, подразумевал лишь период, в течение которого происходило наиболее активное формирование современного человека. В действительности этот период был значительно более длительным. Английские антропологи Мери и Луис Лики еще в 1948 году нашли на острове Русинга, на озере Виктория в Африке, череп человека, жившего 14 миллионов лет назад. Позднее, в 1960 и 1961 году, супруги Лики нашли в Кении, в районе порта Тернан, останки еще более древних двуногих существ, живших от 25 до 40 миллионов лет назад. Этим существам супруги Лики дали наименование «кениапитек викери» или «проконсул африканус». Почти все английские антропологи, изучавшие кости «кениапитеков», пришли к выводу, что «проконсулы африканусы» не были ни людьми, ни обезьянами, но имели характерные черты и тех и других. — Прим. автора.

как слоны отличаются от микробов, а пчелы от морских губок. А вице-президент Академии наук СССР Н. Н. Семенов, в своей статье «Наука и техника в мире будущего», опубликованной в первом номере журнала «Наука и жизнь» за 1963 год, писал:

«Прогресс науки и техники сулит сказочные перспективы. Сейчас можно представить себе даже фантастическую встречу человека и античеловека в космосе. Они смогут узнать и даже полюбить друг друга, но... они не смогут прикоснуться друг к другу. Как только они это сделают, они оба взорвутся».

Полагаем, что нашим читателям известно, что именно представляют собой антимирры, антивещества и античастицы. Напомним: в атоме водорода — простейшем из атомов — один электрон вращается вокруг одного протона, а в атоме антиводорода — один позитрон вращается вокруг одного антипротона, и так далее. Однако, вопреки мнению Ивана Ефремова и ряда других писателей-фантастов, современные ученые отнюдь не исключают возможности, что где-то в космосе существуют и целые галактики, построенные не только из антивещества, но и из химических элементов вообще совершенно иных, чем те, которые мы знаем по таблице Менделеева.

В наши дни ошеломляющие научные открытия так часто совпадают с самой «дикой» фантазией, что как-то малозаметно проскользнули даже сообщения о том, что в 1964 году уже были получены данные, которые могут свидетельствовать о существовании во Вселенной разумных существ. Если подобные предположения подтвердятся, то перед человечеством реально открываются те «сказочные перспективы», о которых в начале 1963 года писал академик Н. Н. Семенов — первый советский ученый, удостоившийся Нобелевской премии.

Дело в том, что в 1964 году из двух точек Вселенной были приняты радиосигналы, носящие не обычный для «голосов» космических объектов характер какофонии или «электронной музыки», а похожие на некий систематизированный код, каким у нас на Земле является, например, азбука Морзе. Один из источников этих радиосигналов находится в созвездии Лебедя, где, по наблюдениям астрономов, назревает гигантская космическая катастрофа, которую можно предвидеть, поскольку там несутся навстречу друг другу две галактики или галактика и антигалактика; а второй источник неизвестных ранее радиосигналов находится, согласно сделанным вычислениям, на одной из планет звезды Тау, принадлежащей к экваториальному созвездию Кита.

Интереснее всего тот факт, что радиосигналы, с помощью

которых, вполне возможно, переговариваются между собой «Кит» и «Лебедь», похожи не только на особый код, но и на регулярные запрограммированные радиопередачи, ибо создалось впечатление, что они производятся в определенные часы и продолжаются какие-то определенные промежутки времени. Немудрено, что ученые нашей планеты лихорадочно стараются расшифровать перехваченные радиосигналы, чтобы как можно скорее «побеседовать» с далекими собратьями по разуму.

Особенно энергично работает в этом направлении советский астроном и доктор физико-математических наук Николай Кардашев. Ему помогают работы голландского ученого Ганса Фрондентайля, создавшего «Линкос» (лингвистику космоса), советский журналист, математик и научный комментатор А. Кондратов, доктор физико-математических наук Р. Добрушин и многие другие ученые. Чрезвычайно интересный расчет проделал Ф. Ю. Зигель. В своей статье «Позывные из Космоса?», опубликованной в четырнадцатом номере журнала «Смена» за 1964 год, он сообщил:

«Основные знания, полученные человечеством к 1964 году, можно свободно изложить примерно в ста тысячах крупных книг. Если закодировать (в двоичной системе) все содержание этих книг, то по выбранному радиодиапазону все основные знания, накопленные человечеством, можно передать всего за сто секунд».

Но не приходится сомневаться в том, что знания и техника, которыми пользуются неведомые радисты, отличаются от наших, земных, не меньше, чем, скажем, дифференциальное исчисление отличается от простой арифметики, а трактор — от плуга. Поэтому, найдя общий язык с богоподобными для нас обитателями Космоса, мы могли бы получить от них за те же сто секунд информацию о такой сокровищнице знаний, которая нам и не снилась. Короче говоря, не сегодня, так завтра может произойти настоящее чудо, в результате которого мы узнаем о том, чего без наличия космических связей, вполне возможно, никогда не узнали бы даже наши очень далекие потомки.

Не приходится удивляться, что, осмысливая открытия и достижения современных науки и техники, ни один ученый и философ, будь он идеалистом или материалистом, как, вероятно, подметил и наш читатель, уже не обходится без того, чтобы так или иначе не говорить о Боге и религии. Это — явление вполне закономерное и очень симптоматичное. Но о каком Боге и о какой религии идет речь?

Мусульмане верят в Аллаха, создавшего Мир из Великого Ничто, буддисты — в Брахму, олицетворяющего себя во всем Многообразии Природы, христиане — в Бога Отца, сотворившего человека «по образу и подобию Своему», и даже атеисты верят в вездесущую Материю, создающую «объективную реальность». Общей у приверженцев той или иной религии или антирелигии является, пожалуй, только вера в то, что человек — «венец творения». А вот от этой-то веры человечеству и приходится теперь отказываться.

Необходимо ли это?

Прежде, чем мы найдем ответ на этот вопрос, автору этой статьи хочется позволить себе высказать некоторые соображения, которые на первый взгляд могут показаться еретическими и консерваторам от идеализма и консерваторам от материализма.

Уже не раз писалось о том, что жизнь на нашей планете далеко не обязательно возникла в результате местных спонтанных процессов, а могла быть в той или иной форме занесена на Землю из Космоса, из других галактик, с иных звезд и планет. Для этого не было необходимости пользоваться космическими кораблями. Их роль отлично могла быть исполнена кометами, с которыми, как теперь подсчитано, Земля имела в далеком прошлом не менее ста любовых встреч. Но с хвостами комет Земля сталкивалась и в далеком прошлом и в последние столетия очень часто, причем эти столкновения не оставляли никаких видимых следов на Земле только потому, что, как сказал на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков американский астроном Симон Ньюкомб, эти хвосты представляют собой «видимое ничто».

Вещество, из которых состоят хвосты комет, действительно разряжено до масштабов пустоты. Однако исследования американского ученого, лауреата Нобелевской премии Гарольда Юри показали, что и в хвостах комет имеются все же те химические элементы, из которых образуется белок — основа жизни на нашей планете. Следовательно, можно не сомневаться в том, что кометы, — а их в одной нашей солнечной системе сотни миллионов, — если и не сами заронили зерно жизни в Землю, то так или иначе помогли ему дать богатые всходы.

А теперь представим себе такой реальный эксперимент.

На одну из молодых планет нашей галактики, где существ с высокоразвитой центральной нервной системой еще нет, прилетает с Земли космический корабль. Мы высаживаем на эту планету «Адама и Еву» — согласно «библейской традиции», или па-

ру обезьян — согласно теории Дарвина, и улетаем. Но вернувшись на Землю, мы начинаем увлекаться новыми проблемами и забываем о начатом опыте. А жизнь на переставшей нас интересовать планете продолжается, эволюционирует, и через несколько тысячелетий наступает период, когда на ней оформляется цивилизация, скажем, похожая на наше средневековье.

Кем будет человек для потомков первых обитателей этой планеты?

Он будет представляться им в образе всемогущего Творца. И кто из безбожников осмелится утверждать, что в данном случае новая форма жизни на космическом теле рождена не идеей Высшего Разума? Кто посмеет сказать, что вера новых, может быть, превратившихся в двуглавых и треногих разумных существ в наши силы будет «реакционной верой» в силы сверхъестественные? Разве гражданин будущего, случайно узнав об эксперименте, начатом его далекими предками, не сможет посетить забытую нами планету и предстать перед ее обитателями таким же божеством, каким еще и в наши дни на нашей Земле предстает белый человек перед некоторыми «допотопными» дикарями?..

Человечество находится в аналогичном положении перед ранее сформировавшимися и более развитыми живыми и мыслящими существами, наличие которых в Космосе, по-видимому, реально. Они даже ради забавы могли бы когда-то посылать на Землю и ракеты и кометы. Но еще незнакомые нам существа, которые представляются в том или ином божественном образе нашим примитивно мыслящим верующим и примитивно верующим или неверующим мыслителям, вполне вероятно, сами преклоняются перед какими-то «своими» божествами, и так далее, и так далее, пока мы опять не возвращаемся к вопросу: а что же было, когда Вселенной еще не было, когда «вся бесконечная Вселенная была точкой»?

Ньютоновский «постулат божественного первого толчка» — наиболее правдоподобный ответ на этот вопрос. А из этого ответа неизбежно следует, что вся Вселенная, вместе со всеми обитающими в ней живыми существами, их цивилизациями, идеями, науками и вероисповеданиями, вместе со всеми субстанциями и трансформациями духа и материи, создана по воле одного, единого, над всем и над всеми властвующего и для всех одинаково непостижимого Бога — Всевышнего Творца.

Харлоу Шепли высказал мысль, что современная наука «обогащает основы религии». Когда же его спросили: «Почему Вселенная существует?», он ответил коротко:

«Один Бог это может знать. И, по-видимому, это и есть предельная информация, в самом широком смысле этого слова, доступная человеку».

С этими мыслями Харлоу Шепли познакомили советских читателей действительный член Академии наук СССР П. Н. Федосеев и уже упомянутая нами Ирина Радунская (первый — в своей статье «Философия и естествознание», опубликованной в девятом номере журнала «Природа» за 1963 год, а вторая — в статье «Путешествие к «концу света», опубликованной в восьмом номере журнала «Наука и жизнь» за тот же год). С этими мыслями Харлоу Шепли соглашаются в наши дни почти все большие ученые, которые имеют возможность открыто и искренне высказывать свои суждения. Все чаще подтверждаются и пророческие слова Макса Планка, сказанные им в 1941 году в его знаменитом докладе «Смысл и границы точных наук»:

«Мы достигаем границы, которую точная наука не может переступить. Как ни велики и знаменательны ее успехи, ей никогда не удастся сделать последний шаг в область метафизики».

Действительно. Мы знаем уже очень многое и, конечно, будем знать все больше и больше. Мы расширяем и углубляем наши знания даже познанием того, что мы — люди — принципиально никогда сами знать не сможем. Например, молодой датский математик Хенрик Абель более ста лет назад обессмертил свое имя, доказав, что уравнение пятой степени в радикалах не решается (второй, третьей и четвертой степени решается, а пятой — нет!?). Мы совершенно точно знаем также, что неразрешима проблема создания вечного двигателя. А 21 февраля 1965 года, в своей статье «Физика накануне важных перемен», опубликованной в газете «Известия», действительный член Академии наук СССР и лауреат Нобелевской премии Игорь Евгеньевич Тамм открыто признал, что и в квантовой механике принципиально невозможно одновременное точное определение импульса и пространственных координат элементарной частицы материи: то, о чем давно говорил Нильс Бор.

Как видим, современная наука и впрямь обогащает основы религии, ибо «человек — этот властелин природы» (слова Карла Маркса и Фридриха Энгельса) все чаще и чаще убеждается в

том, что он может только верить в целесообразность существования непознаваемого и человеку неподвластного.

Наша жизнь далеко не ограничивается и не определяется функциями мозгового вещества, которое, как и всякое вещество во Вселенной, подчиняется сложнейшим законам взаимодействия «трех китов» современного естествознания — Времени, Пространства и Гравитации. Поэтому самые, казалось бы, точные измерения, самые, казалось бы, неопровержимые опытные данные, самым тщательным образом проверенные факты и самые, казалось бы, логичные умозаключения нередко вызывают в нашем мозгу только вакханалию мыслей.

В июльском номере журнала «Октябрь» за 1964 год были опубликованы несколько необычные размышления профессора Н. А. Козырева, что редакция даже озаглавила их двояко: в оглавлении — «Затерянный мир», а в тексте — «Неизведанный мир».

Явно солидаризуясь с вышеприведенными словами Макса Планка, профессор Н. А. Козырев писал:

«В точных науках нет даже перспективы передать великую гармонию жизни и смерти, являющуюся сущностью нашего Мира. Если поверить в безусловную истинность принципов точных наук, то познание Мира оказывается невозможным».

Знаменитый астроном, физик и математик писал о «сказочной панораме», которую открывает «физическое воздействие времени» на наши измерительные приборы; что «все процессы в Мире происходят не только во времени, но и с помощью времени»; что «различие между будущим и прошедшим принципиально не может быть равным нулю»; что нельзя отрицать «существование явлений телепатии, то есть передачи мыслей на расстояние», и еще о многом, не менее интересном. А закончил профессор Н. А. Козырев свои размышления такими словами:

«Изучая свойства времени, мы сможем проникнуть в глубины природы и узнать, говоря словами Фауста, «Вселенной внутреннюю связь» — „was die Welt im Innersten zusammenhält.“

На одиннадцатом интернациональном Конгрессе по прикладной механике, который состоялся в Мюнхене с 30 августа по пятое сентября 1964 года и на котором автор излагаемой статьи имел честь присутствовать, мысли Н. А. Козырева витали в воздухе. Но, говоря о новых формах движения материи, о спутниках и «покорении космического пространства», участники Конгресса

еще далеко не улавливали «Вселенной внутреннюю связь».

Например: силы гравитации, неразрывно связанные с большими массами материи, оказались способными замедлять время и искривлять, закручивать и даже замыкать пространство; пространство оказалось не способным существовать вне времени и сил гравитации, а время, которое не может существовать без пространства, оказывается, ослабляет гравитацию и помогает пространству расширяться...

Здесь, как говорится, «сам черт ногу сломит». Но мы отнюдь не собираемся отпугивать наших читателей от современной науки и противопоставлять науку религии. Нам хочется только подчеркнуть, что в наши дни уже нельзя всегда и во всем полагаться на обывательский «здравый смысл». Надо учиться абсорбировать, то есть воспринимать не только холодным рассудком, но и всем своим существом, всем сердцем и всей душой ту величественную картину Мироздания, которая в самых неожиданных ракурсах предстает перед нами.

Сочетая веру и знания, это сделать гораздо легче.

* * *

Согласно теории Эйнштейна, продолжающей успешно преодолевать все возникающие перед нею препятствия, вблизи больших масс вещества время действительно замедляет свое «течение». Следовательно, когда исполинские массы материального вещества или вещественной материи заключались в сверхплотной точке, не имеющей реальных пространственных координат, не было и времени. Несуществующие часы в этой точке «стояли». Время и пространство могли начаться только вместе с началом расширения материи, с началом ее движения. А движение это могло быть вызвано только Словом, выражающим идею и волю Создателя. И что бы ни говорили «всезнающие» атеисты, но даже «слепой» веры в такое магическое Слово с избытком хватит на всю дальнейшую историю человечества, ибо «жить — значит умирать».

Все, что рождается, с момента рождения начинает приближаться к своей смерти. Каждодневно подтверждающаяся теория Фридмана показывает, что такой процесс происходит и со всей материальной Вселенной, рожденной из точки. Материя, когда-то находившаяся в этой точке, умирает, расширяясь и расплываясь с непрерывно возрастающей скоростью. А тот факт, что в процессе жизнь-смерть материя принимает неопишемое многообразие форм, от атомов до живых существ и чудовищных сверхзвезд,

говорит только о том, что умирание происходит не везде равномерно, только о том, что в действительности Вселенная анизотропна, то есть различна по своим свойствам в различных местах своего пространства, но отнюдь не о том, что в конечном итоге что-нибудь и для кого-нибудь изменится.

Человечество, несомненно, умрет раньше всей материальной Вселенной. Убедиться в этом очень не трудно, если мы еще раз вернемся к открытию сверхзвезд.

Возьмем для наглядности сверхзвезду ЗС-196, которую в 1963 году отделяли от Земли 10 миллиардов световых лет или, круглым числом, 100 000 000 000 000 000 000 (десять в степени 23) километров. Когда от этой сверхзвезды отделился фотон, через 10 миллиардов лет доставленный световым лучом на нашу планету, не только человечества, но и самой Земли еще не существовало, ибо «возраст» нашей планеты не превышает пяти миллиардов лет. Поэтому, когда этот фотон прилетел на Землю, в этот момент сверхзвезда ЗС-196 постарела, по сравнению с Землей, на пять миллиардов лет и, вполне вероятно, вообще перестала существовать, расплылась в ничто или удалась за пределы нашей досягаемости, — это для нас, в конце концов, безразлично. Ведь если бы даже мы немедленно послали ответный световой сигнал, он достиг бы места отправления первого фотона лишь за десять миллиардов лет, а Земля неминуемо исчезнет раньше, поскольку, увеличиваясь в диаметре на полмиллиметра в год, за десять миллиардов лет она должна расшириться (если «прирост» диаметра будет неизменным) на целых пять тысяч километров.*)

Вот тут-то и вырисовывается колючая проволока границы между физикой и метафизикой, ибо мы видим, что, так или иначе, в природе происходит некий мистически-реальный или реально-мистический обмен информацией между одухотворенной и неодухотворенной материей, между прошлым и будущим, между бытием и небытием.

Высказывалась мысль, что нашу Землю не посещают высокие гости из Космоса по той простой причине, что существ более совершенных, чем человек, если они и были когда-то, больше нет в природе. Мотивировалась эта мысль тем, что, дескать, на каком-то этапе высокоразвитые цивилизации неизменно кончают

*) Эти рассуждения правильны лишь для условий неменяющегося расстояния между звездой ЗС - 196 и Землей. В расширяющейся же Вселенной условия должны быть иными. — Р е д.

свою жизнь самоубийством. В. А. Амбарцумян горячо протестовал против такого допущения. Но ведь и человечество уже несколько лет держит у своего виска дуло атомных и водородных «пистолетов». И если даже эта угроза будет ликвидирована, в ближайшем будущем нависнут другие угрозы: угроза перенасыщения нашей атмосферы смертоносными химическими отходами заводов, фабрик и транспорта; угроза перегрева земной поверхности, в результате использования миллиардноградусной плазмы для получения новых ресурсов энергии; угроза перенаселения и продовольственного кризиса. А когда растрескивающаяся Земля вынудит человечество срочно переселяться на другие планеты нашей галактики, вступит в действие эйнштейновский «парадокс времени».

Молодые космонавты, подготовив базы для переселения и вернувшись на Землю за первыми пассажирами, в лучшем случае, увидят своих детей и жен сильно постаревшими по сравнению с ними (сыновья могут оказаться много старше своих отцов), а в худшем случае, возвращающиеся космонавты не найдут и самой Земли, успевшей исчезнуть за сравнительно небольшой, по их часам, промежуток времени. Немецкий ученый, профессор Е. Зенгер, в своей книге «К механике фотонных ракет», переведенной и на русский язык, подсчитывал, что возможен вариант, когда в период между стартом и финишем космического корабля по земному времени проходят миллионы лет, а космонавты, за тот же период проживают лишь 23-24 «собственных» года. «Собственных» потому, что, согласно теории Эйнштейна, уже экспериментально проверенной и в земных условиях, время на быстро движущихся телах действительно замедляется...

После сказанного нами в последних абзацах мы сами замечаем, что уподобляемся тому персидскому астрологу, который предсказывал своему царю его судьбу такими словами:

— О, великий властелин! Звезды говорят, что сначала умрет твой отец, потом умрет твоя мать, потом умрет твоя жена, потом умрет твой старший брат, а потом умрешь и ты.

Царь приказал отрубить этому астрологу голову.

Мы, разумеется, не хотим такого конца. Поэтому спешим воплотиться в другого астролога, позванного царем после казни первого. А этот астролог сказал коротко:

— О, великий властелин! Звезды говорят, что ты переживешь всех своих родных и близких.

Царь приказал осыпать этого предсказателя золотом.

Такой финал нас не огорчил бы. Поэтому мы хотим закончить

нашу статью коротким сообщением о самой новейшей научной теории, об оптимистической теории «поля творения», разработанной совместными усилиями английского астрофизика и математика Фреда Хойла и индийского ученого Джавахиты Нарликара.

Теория Эйнштейна отличается от теории Ньютона прежде всего тем, что она учитывает эффекты больших скоростей. Теория Хойла и Нарликара отличается от теории Эйнштейна тем, что она учитывает эффекты больших масс, полагая, что масса всякого тела зависит не только от скорости его движения и количества содержащегося в нем вещества, но и от местонахождения тела в пространстве Вселенной. Одно и то же тело, движущееся с неизменной скоростью, изменяет свою массу, если оно оказывается в различных участках Вселенной, гуще или реже заселенных космическими телами. Иными словами, масса каждого тела не является самоценной: в солидном и «хорошем обществе» ее «вес» увеличивается, в «плохом» — уменьшается. А это, разумеется, связано с напряженностью полей гравитации.

Уравнения, выведенные Ф. Хойлом и Д. Нарликаром, сложнее уравнений Эйнштейна, однако, они упрощаются, если мы допускаем, что масса не зависит от ее положения в пространстве и пренебрегаем силой ее взаимодействия со всеми другими массами вещества, находящимися во Вселенной. В таком случае уравнения Хойла-Нарликара сводятся к уравнениям Эйнштейна-Инфельда так же, как уравнения Эйнштейна сводятся к уравнениям Ньютона, если мы перестаем учитывать зависимость массы от скорости ее движения.

Но из уравнений Хойла-Нарликара следует, что средняя плотность материи в непрерывно расширяющейся Вселенной может сохраняться только за счет непрерывного появления новых масс материи. Такого явления в природе как будто не наблюдается. Поэтому теорию «поля творения» или «поля С» (по первой букве слова «творение» в английском языке) следует понимать не как учение о силах, творящих материю, а как учение о силах, творящих бессмертие материи.

Ф. Хойл рассуждает следующим образом.

«Поле творения», расширив Вселенную до каких-то размеров, исчерпывает свои силы, и поле гравитации суммарной массы всех космических тел, как бы воспрянув духом, начинает сжимать Вселенную. От этого «поле творения» вновь напрягается, как пружина, на каком-то пределе пересиливает давление гравитации и опять начинает расширять пространство-время. Такие колебания ритмично повторяются, и, короче говоря, сохраняя в се-

бе неизменные ресурсы материи и энергии, Вселенная в целом, также, как и отдельные космические тела и их системы, пульсирует подобно живому сердцу.

По расчетам Фреда Хойла, «пульс» Вселенной — 60 ударов в минуту.

Но есть ли в природе сердце, способное биться вечно? Является ли «поле творения» материальной субстанцией? Откуда взялась точка сверхплотного вещества, из которой образовалась Вселенная? Что представляет собой нейтрино, способное, по расчетам академика Бруно Максимовича Понтекорво, свободно пролетать сквозь чугунную плиту, толщина которой в миллионы раз превышает расстояние от Земли до Солнца?..

Так же, как акт творения всей Вселенной, акт творения элементарной частицы материи «столь же мистичен, как сказочный взмах волшебной палочки», — сказал известный английский космолог Дж. Уитроу. Омеляновский процитировал эти слова, как иронические. Его взгляд не может оторваться от 106 страницы «Краткого курса истории ВКП(б)», на которой Сталин изрек: «Мир по природе своей материален... и не нуждается ни в каком «мировом духе». Но современный человек, взлетая в ясный солнечный день лишь за пределы земной стратосферы, попадает не в «голубую бесконечность неба», а в ночь еще более темную, чем те, которые он привык видеть на Земле. И, глядя расширенными зрачками в черную холодную бездну, манящую только немигающими огоньками звезд, «властелин природы» думает — не может не думать! — именно о мировом духе, об одухотворенности и величии всего сущего.

С точки же зрения «здравого смысла», он, конечно, думает о том, как бы поскорее благополучно вернуться на родную Землю, а не о том, что в его власти будет вся Вселенная...

* * *

Однажды старенького калужского учителя попросили утешить отца умиравшего ребенка. Учитель обнял отца ребенка за плечи, вывел в сад, под ночное небо и тихо сказал, подняв руку вверх:

— Не горюйте. Поговорим лучше о звездах...

Нам кажется, что эти слова Константина Эдуардовича Циолковского должны вспоминаться каждому, кто сегодня размышляет над апокалипсисами и печалится, что вся Вселенная, так или иначе, приближается к смерти, приближается вместе со всей сво-

ей материей, вместе с временем и пространством, вместе с самой жизнью.

Перспектива, конечно, не радостная. Но — странное дело! — когда мы, хорошо зная, что и мы умрем, мечтаем о далеких звездах, у нас отнюдь не пропадает охота жить, наслаждаться калейдоскопическим процессом жизни, учиться, работать, самосовершенствоваться и творить как можно больше блага для себя и себе подобных. И хочется думать и верить, что у всех непредвзято мыслящих и чувствующих людей, которые, глядя в просторы Вселенной, одновременно молитвенно обращаются своим духовным взором к Богу, к Всевышнему Творцу, вдохновляющему всякое творческое начало, — хочется думать и верить, что у всех таких людей на душе светло всегда. И днем, и ночью.

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

(Июль-декабрь 1964 года)

1. 7 — Генрих Любке переизбран президентом ФРГ.
2. 7 — Президент США Джонсон подписал закон о гражданских правах 1964 года.
5. 7 — Густаво Диас Ордас избран президентом Мексики.
6. 7 — Ньясаленд, бывший британский протекторат в Африке, стал суверенным государством Малави.
8. 7 — В Бухаресте заключено соглашение между Румынией и КНР о расширении экономического и технического сотрудничества.
10. 7 — Моиз Чомбе сформировал новое правительство Конго.
11. 7 — Умер Морис Торез, председатель Французской коммунистической партии.
13. 7 — IV сессия Верховного Совета СССР VI созыва (по 15. 7).
— Съезд Республиканской партии в США в Сан-Франциско (по 17. 7).
14. 7 — Барри Голдуотер выдвинут кандидатом в президенты США от Республиканской партии.
15. 7 — А. И. Микоян сменил Л. И. Брежнева на посту председателя Президиума Верховного Совета СССР.
17. 7 — США запустили три спутника одной ракетой.
— Вторая Всеафриканская конференция глав государств и правительств (по 21. 7).
21. 7 — Поездка Хрущева в Польшу (по 23. 7).
23. 7 — Дало присягу новое итальянское коалиционное правительство Альдо Моро.
25. 7 — Организация Американских Государств приняла решение о дипломатических и экономических санкциях против Кубы.
28. 7 — Полет американского космического корабля «Рейнджер-7» с телевизионным оборудованием на Луну (по 31.7).
— Визит генерального секретаря ООН У Тана в СССР (по 31.7).
4. 8 — Нападение северовьетнамских торпедных катеров на американские

- военные корабли в Тонкинском заливе. Бомбардировка военно-морских баз Северного Вьетнама.
- Поездка Хрущева по сельскохозяйственным районам СССР (по 18. 8).
7. 8 — Умер председатель Государственного совета Польши Завадский.
12. 8 — Эдвард Охаб избран председателем Государственного совета Польши.
13. 8 — Генерал Гривас назначен главнокомандующим кипрской национальной гвардией.
18. 8 — Запуск в СССР трех спутников одной ракетой.
20. 8 — Президент США Джонсон подписал закон о борьбе с бедностью.
21. 8 — Умер Пальмиро Тольятти, генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии.
22. 8 — Студенческие волнения в Южном Вьетнаме.
24. 8 — Съезд Демократической партии США в Атлантик-Сити (по 28. 8).
26. 8 — Луиджи Лонго избран генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии.
- Линдон Джонсон выдвинут кандидатом в президенты США от Демократической партии.
27. 8 — Революционный совет Южного Вьетнама передал всю полноту власти триумvirату, в который вошли Зыонг Ван Минь, Нгуен Кхань и Чан Тхиен Кхием.
- Поездка Хрущева в Чехословакию (по 5. 9)
30. 8 — Конголезские правительственные войска взяли Альбертвилль, где находился центр прокоммунистических повстанцев.
2. 9 — 30 индонезийских парашютистов сброшены в Малайе.
4. 9 — Эдуардо Фрей избран президентом Чили.
5. 9 — Совецание глав арабских государств в Александрии (по 12.9).
- Чрезвычайная сессия совета министров Организации африканского единства в Аддис-Абебе по вопросу о Конго (по 10. 9).
7. 9 — Конголезские повстанцы в Стэнливиле объявили о создании «Народной республики Конго».
9. 9 — Умер финский дипломат Туомиоя, посредник ООН на Кипре.
11. 9 — Виролайнен образовал новое правительство Финляндии.
14. 9 — Возобновилась работа Ватиканского собора католической церкви.
16. 9 — Всемирный форум солидарности молодежи и студентов в борьбе за национальную независимость и освобождение, за мир (Москва, 16-24. 9).
- Гало Пласа Лассо (Эквадор) назначен посредником ООН на Кипре.
17. 9 — Прервал работу Комитет по разоружению в Женеве.

18. 9 — Нападение четырех торпедных катеров Северного Вьетнама на два американских эсминца в Гонконгском заливе.
20. 9 — Парламентские выборы в Алжире.
— Поездка де Голля в Южную Америку (по 16. 10).
21. 9 — Мальта провозглашена независимым государством.
— Умер Отто Гротеволь, председатель совета министров ГДР.
24. 9 — Вилли Штоф назначен председателем совета министров ГДР.
25. 9 — Совет Безопасности продлил мандат вооруженных сил ООН на Кипре до 26. 12. 64.
26. 9 — Образование Высшего национального совета в Южном Вьетнаме.
27. 9 — Опубликован доклад по делу об убийстве президента Кеннеди, составленный следственной комиссией во главе с председателем Верховного суда США Уорреном.
29. 9 — Визит Сукарно в СССР (по 1. 10).
5. 10 — 2-я Конференция глав «неприсоединившихся» государств в Каире (по 10. 10).
10. 10 — XVIII Олимпийские игры в Токио (по 24. 10).
12. 10 — Полет трехместного пилотируемого космического корабля «Восход» вокруг Земли с В. М. Комаровым, К. П. Феоктистовым и Б. Б. Егоровым на борту (по 13. 10).
14. 10 — Пленум ЦК КПСС. Отставка Хрущева. Брежнев — первый секретарь ЦК КПСС. Қосыгин — председатель Совета министров СССР.
15. 10 — Парламентские выборы в Англии.
16. 10 — Взрыв атомной бомбы в Китае.
— Гарольд Вильсон назначен премьер-министром Англии.
19. 10 — В результате авиационной катастрофы близ Белграда погибли члены советской военной делегации, направлявшейся на празднование двадцатилетия освобождения Белграда от немецкой оккупации, и экипаж самолета (всего 18 человек).
21. 10 — Начались волнения в Судане.
22. 10 — Нобелевская премия по литературе за 1964 год присуждена французскому писателю Жан-Полу Сартру.
24. 10 — Бывшая британская колония в Африке, Северная Родезия, стала независимым государством и приняла новое наименование — Замбия.
— Высшим национальным советом Южного Вьетнама Фан Кхак Шыу избран президентом республики, а Чан Ван Хьонг премьер-министром.
25. 10 — Японский премьер-министр Икеда ушел в отставку.
26. 10 — Под давлением народных волнений, суданский президент Аббуд распустил правящую военную хунту и временно перенял на себя все конституционные полномочия власти.

29. 10 — Республика Танганьика-Занзибар приняла новое наименование: Объединенная Республика Танзания.
30. 10 — Боливия порвала дипломатические отношения с Чехословакией из-за поставки чехословацкого оружия подрывным элементам в стране.
- Создано новое правительство Судана. Премьер-министр — Эль-Халифа.
2. 11 — Принц Фейсал провозглашен королем Саудовской Аравии вместо смещенного короля Сауда.
3. 11 — Выборы в США: Линдон Джонсон — президент, Губерт Хэмфри — вице-президент.
- Достигнуто соглашение о прекращении военных действий между монархистами и республиканцами в Йемене.
4. 11 — Президент Боливии Виктор Пас Эстенсоро свергнут военной хунтой.
5. 11 — Генерал Барриентос встал во главе правящей хунты в Боливии.
8. 11 — Хабиб Бургиба переизбран президентом Туниса.
9. 11 — Эйсаку Сато избран в парламенте новым премьер-министром Японии.
12. 11 — В Люксембурге великая герцогиня Шарлотта ушла на покой; на трон вступил наследный принц Жан.
15. 11 — Маршал Ибрагим Аббуд ушел с постов президента и главнокомандующего вооруженными силами Судана.
16. 11 — Пленум ЦК КПСС. Доклад Подгорного «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций и советских органов».
21. 11 — Закончила работу третья сессия второго Ватиканского собора католической церкви.
24. 11 — Бельгийские парашютисты захватили аэродром Стэнливиля в целях освобождения и эвакуации белых, задержанных в качестве заложников конголезскими повстанцами.
- Восстановлены дипломатические отношения между СССР и Чили.
26. 11 — Бельгийские парашютисты высадились в городе Паулис (северо-восточное Конго) в целях освобождения и эвакуации белых.
28. 11 — США запустили в направлении Марса космический корабль «Маринер-4».
30. 11 — Запуск в СССР космической автоматической станции «Зонд-2» в направлении Марса.
1. 12 — Открылась XIX сессия Генеральной Асамблеи ООН.
2. 12 — Поездка папы Павла VI на Евхаристический конгресс в Индию (по 6. 12).

7. 12 — Капитуляция конголезских повстанцев в Стэнливиле.
— Переговоры британского премьер-министра Вильсона с американским президентом Джонсоном в Вашингтоне (по 9. 12).
9. 12 — Пятая сессия Верховного совета СССР шестого созыва (по 11. 12).
— Конголезские правительственные войска заняли город Паулис.
12. 12 — Кения стала республикой.
14. 12 — Премьер-министром Британской Гвианы назначен Форбс Бернхэм, лидер партии Народный национальный конгресс.
15. 12 — В США, с помощью американской ракеты «Скаут», учеными и специалистами Италии запущен первый итальянский искусственный спутник Земли «Сан Марко».
17. 12 — Распущен парламент Цейлона.
18. 12 — Совет Безопасности продлил срок полномочий вооруженных сил ООН на Кипре до 26 марта 1965 года.
20. 12 — Руководство вооруженных сил Южного Вьетнама распустило Высший национальный совет.
— Первая сессия Всекитайского собрания народных представителей третьего созыва (по 4. 1).
— ОАР и Ирак сформировали «Объединенное политическое руководство» для обеих стран во главе с Насером и Арефом.
21. 12 — Поездка Микояна в Финляндию (по 23. 12).
28. 12 — Джузеппе Сарагат избран президентом Италии.
29. 12 — Боливия вернулась в состав Организации Американских Государств, из которой она вышла два года назад вследствие конфликта с Чили.
30. 12 — Выборы в Нигерии.
31. 12 — Резолюция Совета Безопасности ООН о замирении Конго.

Copyright by „Possev“

Главный редактор **Н. Б. Тарасова**

Редакционная коллегия:

А. Н. Артемов,

Б. А. Нарциссов, А. Н. Неймирок, А. И. Поплюйко, В. Д. Самарин,

Б. А. Филиппов.

Адрес редакции журнала «Грани»:

Grani c/o Possev-Verlag, 623 Frankfurt/M.-Sossenheim, Flurscheideweg 15

О Б Р А Щ Е Н И Е
ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»
К ПИСАТЕЛЯМ, ПОЭТАМ, ЛИТЕРАТУРНЫМ КРИТИКАМ
И ДЕЯТЕЛЯМ ИСКУССТВА И НАУКИ,
К ЛИТЕРАТУРНОЙ МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНЧЕСТВУ

Доводим до сведения писателей, поэтов, литературных критиков, деятелей искусства и науки, не могущих опубликовать свои труды у нас на родине, что русское издательство «П О С Е В», находящееся в настоящее время за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, *предоставляет эту возможность.*

Повести, романы, рассказы, стихотворения, литературоведческие, публицистические, философские и научные статьи будут опубликованы в журнале «Г р а н и».

Отдельные художественные произведения, сборники стихотворений, сборники статей и научные труды могут быть изданы также отдельными книгами.

В течение последних лет журнал «Г р а н и» опубликовал в 11 номерах (№№ 32, 34-35, 36, 39, 43, 47, 49, 54, 56, 57 и 58) стихи, переданные из Советского Союза. Среди них стихотворения из романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» (опубликованы анонимно еще до выхода за границей самого романа). Пять раз журнал «Г р а н и» публиковал прозу авторов, живущих в СССР (№№ 32, 48, 55, 56 и 57). № 52 целиком посвящен материалам, переданным из Советского Союза, и содержит произведение Валерия Тарсиса «Сказание о синей мухе» и подпольный литературный журнал московской молодежи «Феникс».

Издательство «Посев» уже выпустило отдельной книгой две повести В. Тарсиса: «Сказание о синей мухе» и «Красное и черное».

УСЛОВИЯ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»

1. Издательство «Посев» принимает рукописи, *подписанные также и псевдонимами.*

2. Издательство «Посев» обязуется немедленно перепечатывать присланные рукописи на пишущих машинках, чтобы уничтожить малей-

шую возможность установить личность автора по почерку или по шрифту его машинки. После перепечатки рукописи будут уничтожены. Издательство «Посев» гарантирует, что ни одна рукопись не попадет в чужие руки.

3. Все права на рукописи авторы передают издательству «Посев», включая сюда разрешение переводить рукописи на иностранные языки и печатать в любых странах за рубежом. Право на заключение договоров с иностранными издательствами также передается авторами издательству «Посев».

4. Издательство «Посев» обязуется откладывать авторский гонорар в размере, соответствующем установленным в издательстве ставкам. Деньги будут храниться в издательстве до того времени, когда автор найдет возможность их получить.

5. Сорок процентов чистого дохода от издания беллетристических произведений или научных трудов как на русском, так и на иностранных языках, поступают в распоряжение автора. Остальные шестьдесят процентов поступают в фонд издательства «Посев» для расширения печатной базы и покрытия расходов по бесплатному распространению в СССР через подпольные каналы журнала «Грани» и книг, в том числе и произведений данного автора.

6. Если автор хочет издать свое произведение за рубежом, но не в издательстве «Посев», издательство берет обязательство передавать рукописи в другие русские зарубежные и иностранные издательства по указанию автора. В таком случае издательство «Посев» берет на себя защиту интересов авторов.

7. Не принятые издательством «Посев» или другими зарубежными издательствами по каким-либо причинам рукописи будут храниться в перепечатанном виде до того времени, пока автор не найдет возможным затребовать их обратно.

8. Во избежание возможных недоразумений при последующем установлении авторского права рекомендуется прилагать к рукописи «вещественный пароль». Например: половину узорно разрезанной открытки, копию какого-либо рисунка или чертежа и т. п. У себя автор сохраняет другую половину открытки, оригинал рисунка или чертежа и т. п. Когда автор сможет и захочет — он предъявит этот «вещественный пароль», который совпадает с «вещественным паролем», хранящимся в издательстве, и легко утвердит свое авторство и свои права.

ЧЕРЕЗ КОГО ПЕРЕСЫЛАТЬ РУКОПИСИ ИЗ СССР
В ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»?

а) Через моряков торгового и военного флота, плавающих в иностранных водах.

б) Через туристов, посещающих государства свободного мира.

в) Через членов различных научных и общественных делегаций: спортивных команд, артистических групп, выезжающих из СССР за границу.

Примечание: Во всех этих случаях необходимо иметь доверенное лицо или личного друга, который не подведет и не предаст.

г) Через иностранных туристов, посещающих СССР, через иностранных артистов, спортсменов, ученых, моряков. При этом необходимо соблюдать осторожность, чтобы не обратиться по ошибке к ненадежному, нечестному человеку.

д) Через иностранные посольства — при имеющихся определенных связях и возможностях. И в этом случае требуется соблюдение осторожности.

На передаваемой рукописи указать следующий адрес:

Possev-Verlag
V. Gorachek KG
623 Frankfurt/M. - Sossenheim
Flurscheideweg 15

Издательство «Посев»
Франкфурт-на-Майне /Зоссенхайм
Флуршайдеверг № 15

ДАЛЬНЕЙШИЙ ПУТЬ РУКОПИСИ ЗА РУБЕЖОМ

Для тех, кто привезет рукопись за границу, имеется два пути ее дальнейшей отправки по месту назначения:

1. ИЗ РУК В РУКИ

Представители издательства «Посев» есть во всех европейских странах, в Австралии, США, странах Южной Америки, Канаде, Северной Африке и др. Представители издательства «Посев» часто встречают моряков, туристов и делегатов, приезжающих из СССР в западные страны.

В связи с этим приехавший за границу имеет возможность связаться непосредственно с представителем издательства «Посев» и передать ему рукопись из рук в руки, указав в устной форме все свои пожелания.

2. ПО ПОЧТЕ

Для этого требуется надписать на пакете указанный адрес издательства «Посев» и бросить в почтовый ящик или сдать на почту в любом западном государстве.

В случае, когда покупка почтовых марок явится затруднительной, можно посылать пакет без марок. Рукопись все равно дойдет по адресу, почтовые же расходы по ее отправке в этом случае оплачивает получатель — издательство «Посев».

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Участвуйте в духовной революции нашей Родины — РОССИИ!

Активно, свободно и горячо выражайте подлинное общественное и политическое мнение всей страны!

На российскую интеллигенцию, прежде всего, на молодежь, возлагается историей ответственнейшая задача — стать свободным рупором нашего народа, его стремлений, чаяний, борьбы.

За свободное творчество!

За свободную Россию!

С дружеским приветом.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОСЕВ»

Katalog der bisher
erschienenen Nummern
der Zeitschrift „Grani“.

Каталог вышедших
до настоящего
времени номеров
журнала.

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

№ 1

(РАСПРОДАН)

В номере :

Е. Романов — Вместо программной статьи; В. Каралин — Освобождение; С. Павлов — Чужой берег; С. Максимов — Танюша; В. Вашилев — Агентство «Молниеносный ответ»; М. О. Кубе — В гостях у «дикарей»; А. Угрюмов, А. Неймирок, Ф. Борисов — Стихи; Н. Витов — Гуманизм Федора Достоевского; Ж. П. Сартр — Новая французская литература; Проф. Д. С. — «Суриков, как художник-историк»; Р. Воробьев — По поводу статьи проф. Д. С. «Суриков, как художник-историк»; Библиография; Из мира литературы, искусства и науки.

№ 2

В номере :

Д. Новоселов — Клоун; С. Максимов — Прохожая; М. Кубе — На севере диком...; Ю. Гошин — Первый шаг; В. Гальской, В. Тополев, А. Котлин, С. Бонгарт, В. Завалишин, Р. Воробьев, И. Елагин, А. Парфенов, А. Угрюмов, О. Анстей — Стихи; Ф. Борисов — Россия и революция; С. Левицкий — Владимир Соловьев; Питирим Сорокин — Течение социальных отношений, войн и революций; Ф. Б.-в. — Древнерусская икона; Г. Стшелецкий — Автопортреты Рембрандта; Н. В. Ветлугин — Энергия атомного ядра; Библиография; Из мира литературы, искусства и науки.

№ 3

(РАСПРОДАН)

В номере :

Н. Александров — Вамбадон; С. Максимов — Царь Иоанн; Е. Ггарин — Белые ночи; Н. Табурич — Счастье; М. О. Кубе — Забытый адмирал; Проф. И. А. — Встречи с Сергеем Есениным; А. Котлин, А. Парфенов, А. Неймирок, В. Гальской, В. Марков, А. Угрюмов, В. Тополев, В. Завалишин — Стихи; С. Левицкий — Трагедия отвлеченного добра; Р. Воробьев — Социалистическая утопия в России; Николай Саввич — Критик-художник (памяти Петра Пильского); В. Филиппов — Чудодей песни; Е. Е. Климов — Певец крестьянской детворы; Н. В. Ветлугин — Энергия атомного ядра.

№ 4

В номере :

С. Максимов — Денис Бушуев; Г. Андреев — Новелла о танке; А. Неймирок — Сербские народные былины; Н. Моршен, В. Завалишин, В. Тополев, В. Филиппов — Стихи; В. Каралин — Застынувший посреди дороги; Ф. Сиверцев — Язык и стиль Пушкина; Проф. А. Филиппов — Философия «как будто бы»; К. Сакс — Законы развития искусства; Е. Шугаев — Музыкальная жизнь Америки. В. Горич — Нефть; Библиография; В. Стремлев — Послевоенные звезды; А. Флауме — О трех учебных книгах; Из мира литературы, науки и искусства.

№ 5

В номере :

А. Землев — Родина ветловая; Бор. Зайцев — Сердце Авраамия; Г. Андреев — Встреча; Э. Хемингуэй — Революция; Д. Новоселов — В Коктебеле; Н. Моршен и О. Клычков — Стихи; Л. Ржевский — Живое и мертвое слово; Г. Иссако — Предвоенная эмигрантская поэзия; Н. Кошеватый — Воинствующий материализм, кризис культуры и грядущее новое сознание; Н. Осипов — Внутренняя эмиграция в СССР; В. Марков — О проблемах современной музыки; Е. Шугаев — Кризис современной архитектуры; С. Левицкий — Мировоззрение психоанализа; Н. Рутыч — Куликовская битва; В. Горич — О межпланетных путешествиях; Библиография; В. Стремлев — «Размышления о ювелирах».

№ 6-7

(РАСПРОДАН)

В номере :

С. Максимов — Денис Бушуев.

№ 8

В номере :

Л. Ржевский — Девушка из бункера; Г. Андреев — Соловецкие острова; Д. М. Кленовский и Ник. Моршен — Стихи; Мария Кригер — Отравленная туника; Всеволод Горелов — Бунтовщик и искатель; Капитан Воробьев — Советское танкостроение; Р. Редлих — Культ Сталина; В. Мерцалов — Сталин.

№ 9

В номере :

Л. Ржевский — Девушка из бункера; В. Мартов — Угасшие звезды; В. Филиппов — Монастырь; Святое Паозерье; А. Шишкова — Стихи; Л. Р-ский — Закат великих традиций; Н. Рутыч — К вопросу о развитии исторической мысли в СССР; С. Левицкий — Страх свободы; Н. Гаврилов — Цена достижений; Александр Уралов — Реставрация «критики и самокритики»; Библиография; П. Тверской — О русской песне; Л. Р. — Стихи сегодняшней нашей жизни.

№ 10

В номере :

Г. Андреев — Тамара; В. Мартов — Угасшие звезды; Григорий Климов — Диалектический цикл; Александр Неймирок — Стихи; Олег Ильинский — Стихи; Борис Филиппов — Петроград-Ленинград; Н. Громов — Кто победил?; А. Седов — Искусственное превращение элементов; Л. Ржевский — Светофоры на путях советского языкознания; В. Мерцалов — Животноводческая трехлетка; Н. Аркадьев — Книга, не достойная героев.

№ 11

В номере :

Л. Ржевский — Девушка из бункера; Д. Кленовский — Стихи; С. Юрасов — Из цикла «Переводы самого себя»; Н. Аркадьев — Когда-то осенью; Г. Круговой — Неприятная жертва; В. Марков — Стихи. Переводы; Документы нашего времени — ИТК; Жак Сорель — Запад

и мы; Н. Осипов и Р. Редлих — Сознание и «сознательность»; Г. Андреев — Годы рождения 1927 - 1930; В. Мерцалов — Закрепощение трудящихся и трудовые резервы СССР; Библиография; Отдел пародий.

№ 12

В номере:

С. Юрасов — «Враг народа»; О. Ильинский — Стихи; Г. Андреев, Л. Ржевский — Награда; Н. Моршен — Стихи; Б. Филиппов — О многом; А. Шишкова — Стихи; Н. Берберова — Владислав Ходасевич; А. Трушинович — Берлин — окно в Россию; Э. Ройтер — Речь на собрании «Свободного Союза русско-немецкой дружбы»; Библиография.

№ 13

В номере:

Л. Ржевский — Между двух звезд (роман); Н. Соколов — Пути-дороги (роман); Г. Андреев — При взятии Берлина (рассказ); Стихи эмигрантского рассеяния; В. Мартов — Угасшие звезды (роман); Б. Вышеславцев — Вольность Пушкина; В. Марков — Творческий облик А. Жиды; Н. Рутыч — Декабристы; Н. Тарасова — Поединок генералиссимусов; Л. Осипова — Стахановский миф; Отдел пародий.

№ 14

В номере:

Е. Гагарин — Возвращение корнета; В. Свен — Певчая печка; О. Анстей, А. Лисицкая — Стихи; В. Мартов — Угасшие звезды; В. Марков — Творческий облик Андре Жиды; С. Левицкий — Достоевский и кризис гуманизма; М. Балмашев — М. Н. Ермолова, великая русская актриса; Библиография.

№ 15

В номере:

А. Ремизов — Стекольщик; А. Неймирок — В поисках; Б. Филиппов — Два рассказа; Л. Алексеева — Стихи; А. Кашин — Желтая Волга; О. Ильинский — Стихи; В. Свен — Канал пяти морей; О. Емельянова — По следам гоголевского юбилея; В. Вейдле — Старость Шекспира; Документы нашего времени: Годы армии 1945-49; Р. Редлих — Актив — социальная опора советской власти; Н. Д. Добровольская — Западская — Явления жизни в научном освещении. Библиография.

№ 16

В номере:

Н. А. Тэффи — Анота. Русь; Л. Ржевский — У Тэффи; В. Ширьев — Овечья лужа; А. Неймирок, О. Можайская, А. Шишкова — Стихи; Г. Андреев — После концлагеря; В. Мерцалов — По Голландии; Г. Алексинский — Воспоминания о Н. А. Тэффи. Критика — Публицистика — Наука; Л. Р-ский — Когда Илья Эренбург молился; Н. Донец — Проблема истины и ее решение Лениным; С. Левицкий — Везумие рационализма; Н. Рутыч — Казань. Библиография.

№ 17

В номере:

Л. Алексеева — Весенний цикл; И. Сургучев — Кающийся бес; Н. Тарасова — У границы; А. Кашин — Ожидание; В. Свен — Пришвинское; С. Орлов — Из лирического блокнота (стихи); Н. Соколов — Пути-дороги;

В. Свен, А. Искандер — Охотничьи рассказы; Н. Кошеватый — Встречи с А. Вельм; А. Трушнович — Кембридж; В. Самарин — Фронт в тылу; Н. Арсеньев — Русские просторы и народная душа; Р. Редлих — Работники большевистского аппарата; Книжное обозрение.

№ 18

В номере:

И. Бунин — Сны; Б. Филиппов — Счастье; Г. Андреев — Будет хорошо; Г. Петров — Ленинградский Петербург; Ф. Барков — Строители Петербурга; А. Касим, А. Лисицкая — Стихи; В. Гроссман — За правое дело (главы из романа); Н. Анатольева — В неравном бою; В. Самарин — Фронт в тылу (из опыта минувшей войны); В. Ильин — Сергей Прокофьев. Книжное обозрение.

№ 19

В номере:

А. Кашин — Мои знакомые. Повесть первая. Мишка и другие; А. Дар, Олег Ильинский, Александр Неймирок, Екатерина Таубер, Игорь Чиннов — стихи; В. Свен — Каламбай; Алексей Ремизов — Статуэтка; Ирина Сабурова — Вара; Документальная проза; Лев Дувинг — Великая скорбь; Критика и публицистика; Н. Тарасова — Тринадцатый апостол; Гр. Забежинский — Н. Г. Чернышевский и его «эстетика»; С. Левицкий — Об одной забытой полемике; В. Марков — Человек в джунглях; Книжное обозрение.

№ 20

В номере:

Л. Ржевский — Памяти И. А. Бунина; И. Сургутчев — «За чахохбили» (сцена из пьесы «Вождь»); А. Кашин — Мои знакомые. Повесть вторая. Чоротово колесо; Л. Алексеева — Маленькие рассказы: Тедди из Стокгольма. Экватор. Падение Семена Семеновича. Как мы были артистами. Золотые туфельки; К. Гершельман — Стихи; В. Ширяев — Горка Голгофа; В. Самарин — Город контрастов — Нью-Йорк; Ф. Барков — Художник Ф. Я. Алексеев, родоначальник русского городского пейзажа (1753 - 1953); Алексей Ремизов — Потихоньку, скоморохи, играйте; Н. А. Горчаков — Евреинов; Н. Тарасова — Тринадцатый апостол; Д. Кленовский — Оккультные мотивы в русской поэзии нашего века; Н. Арсеньев — О духовной традиции и о «разрывах» в истории культуры; Книжное обозрение.

№ 21

В номере:

Л. Ржевский — Сентиментальная повесть; Д. Кленовский — Два стихотворения; Анатолий Дар — Солнце все же светит; О. Анстей, Борис Нарциссов — Стихи; В. Свен — Селигер; В. Унковский, Т. Алексинская — О Кутрине; В. Самарин — За спинами героев; Л. Осипова — Дневник коллаборантки; Борис Филиппов — Глухие времена стеньга; Гр. Забежинский — Критическое о критиках. Книжное обозрение.

№ 22

В номере:

Георгий Петров — Ее не будет больше никогда; Л. Алексеева — Мой осколок; Н. Неймирок — Товарищ баронесса; А. Кашин — За жизнью жизни!; А. Ремизов — Три сказки; В. Свен; — Серка; И. Сургутчев — Письмо Периколы; В. Филиппов — Стена; А. Лисицкая — Сонеты; Анатолий Дар — Солнце все же светит; А. П. ЧЕХОВ. Этторе Ло Гат-

го — Чехов в Италии; Николай Татищев — А. П. Чехов и французы; К. Фитцлайон — Чехов в английской литературе; Грета Йельм — Чехов-драматург в Швеции; Виллиам Йенсен — «Вишневый сад» в Дании; А. Н. — Чехов у сербов; Глеб Струве — Чехов, Мейерхольд и фальсификаторы; В. Марков — О Хлебникове; С. Левицкий — С. Л. Франк и его учение; Е. Двойченко-Маркова — Пулково и американские астрономы; Книжное обозрение.

№ 23

В номере:

В. Свен — Бунт на корабле; Л. Алексеева — Стихи; А. Франк — Героические рассказы; Анатолий Дар — Солнце все же светит (роман); А. Касим — Стихи; Федор Пульман — Сердце Фландрии; А. Крамаровский — На святой земле; Л. Дувинг — Великая скорбь; Дм. Кленовский — Казненные молчанием; Н. Тарасова — Об источниках живой воды; Г. Забежинский — Критическое о критиках; Н. Татищев — О современной французской мысли; Книжное обозрение.

№ 24

В номере:

Анатолий Дар — Солнце все же светит; Из русской зарубежной поэзии — Александра Васильковская, Григорий Забежинский, А. Неймирок, Сергей Орлов, Екатерина Таубер, Борис Филиппов, Игорь Чиннов; А. Землев — Из цикла «Родина ветловая»; Е. Яконовский — Небесные фонарики; Рост — Письма о Канаде; Н. Анатольева — В поисках выхода; Борис Нарциссов — Бунин — поэт; Борис Филиппов — Константин Леонтьев и эстетика жизни; Н. Татищев — Сновидение Фридриха Гельдерлина; Книжное обозрение.

№ 25

В номере:

А. Кашин — Вавилоновы звенья; Из русской зарубежной поэзии — Олег Ильинский, Андрей Ермаков, Борис Нарциссов Фридрих Гельдерлин; И. Шмелев — Солдаты (главы из романа); Н. Неймирок — Катя; М. Сабашникова — Волошина — Невеста; Рост — Письма о Канаде; А. Ремизов — Три письма Горького; Н. Татищев — На персидской границе; Анкета философа; В. Марков — Легенда о Есенине; К. Федоров — Без числа и без меры; С. Левицкий — Гносеология самопознания; Проф. Б. Вышеславцев — Массовая психология; Проф. Н. Лосский — О возникновении русской революции и смысле ее; Г. Юрьев — Душителю духа; Заметки о книгах и журналах.

№ 26

В номере:

Анатолий Дар — Солнце все же светит (продолжение); И. Сургучев — Бред; Л. Алексеева — Стихи; А. Светланин — Вечное и переходящее; Н. Анатольева — Два юбиляра; Б. Литвинов — Сэнт-Экзюпери или этика ответственности; В. Арсеньев — Сэнт-Экзюпери о людях и любви; С. Левицкий — Свобода и творческое воображение; А. Мазурова — «Беатриче»; А. Николин — Некоторые черты титоизма; В. Яновский — Кампания по сокращению штатов; А. Шик — Всеволод Мейерхольд и русский театр; В. Арсеньев — Образы минувшего; И. Сергеев — Книга о польской Голгофе; Р. Реннинг — Кооперация в России; А. Светов — Лисий хвост; Г. Петров — О том, что не на потребу.

№ 27 - 28

В номере :

Джордж Орвелл — 1984 (роман). Перевод с английского В. Андреева и Н. Витова; О КИТАЕ: Китайские рассказы. Тигр. Веселье приключения «Вот-я-здесь». Судьба. Жу-ши — Мать-рабыня. Янг Чен-шен — Якорь. Перевод О. Фомина; Н. Татищев — Китайские поэмы; К. Глебов — Коммунизм XI века; Гуан Тэ-Мао — Китайские коммунисты как «аграрные реформаторы»; А. Светланин — Преходящее и вечное; Н. Пуриков — «Кровавое воскресенье» в Кемптене; Б. Литвинов — Даниил среди львов; Г. Петров — забытые юбилеи; Проф. Н. Лосский — Персонализм против материализма; Проф. Н. Арсеньев — Паскаль; Е. Двойченко — Маркова — Америка и американская революция в русской литературе; Л. Зальцберг — Европейское Объединение угля и стали; Заметки о книгах и журналах. Политические документы.

№ 29

В номере :

Ф. М. Достоевский — Записки из подполья, часть первая. Сон смешного человека, фантастический рассказ. Пушкин, очерк; профессор М. Л. Гофман — Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского; Борис Тих — Холодная война с тенью писателя; С. Левицкий — Об «амнистии» Достоевского; Нина Федорова — Вор, рассказ; Владимир Смоленский — Стихи; Татьяна Кудашева — Сказание о вечности, рассказ; Александр Котлин — Стихи из цикла «Флаг в море»; А. Кашин — «Товарищи, Кронштадт наш!», пьеса; А. Светланин — Преходящее и вечное. Советские портреты. Окончание; Л. Дувинг — Кронштадское восстание в документах; Профессор П. Кованьковский — Советский империализм; В. Арсеньев — Проблемы молодежи и педагогики; Ник. Андреев — О том, чего не случилось; Р. Плетнев — Неоправданная храбрость; Александр Шик — Новый труд об Александре I; А. Светов — Унылые «бодрячки»; Л. Зальцберг — Движущие силы ГФР; В. Кунгурцев — издание Академии Наук СССР. Политические документы.

№ 30

В номере :

Джордж Орвелл — 1984, роман. Перевод с английского В. Андреева и Н. Витова; Лидия Алексеева — Стихи; Из шведских поэтов — Переводы Л. Ржевского; П. Ильинский — Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии; А. Неймирок — О современной русской лирике в Советском Союзе (1953--1956 гг.); Николай Оцуп — М. А. Шолохов; А. Чемесова — Путешествие без карты; А. Светланин — XX съезд КПСС; А. Столыпин — Персональные изменения в ЦК КПСС; А. Двойченко — Маркова — Джефферсон и декабристы; Н. Лосский — Ответ советским критикам «Истории русской философии»; Л. Сергеева — Неисторический документ; Заметки о книгах и журналах; Политические документы.

№ 31

В номере :

Джордж Орвелл — 1984, роман. Перевод с английского В. Андреева и Н. Витова; Д. Кленовский — Стихи; Г. Климов — Формула власти (Отрывки из романа); В. Нарциссов — Стихи; Е. Яковлевский — Кафе «Аполло», рассказ; Николай Оцуп — Два стихотворения; Ив. Новгород-Северский — Сибирские сказки; П. Ильинский — Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии; А. Неймирок — О современной русской лирике в Советском Союзе (1953-1956 гг.); А. Кемпфе — Поэзия Леонида Мартынова; С. Маковский — Д. С. Стеллецкий; А. Полуйко — Шагает атомный век... С. Левицкий — Об упадке философии; Н. Татищев — Опыты религиозной философии в США; Р. Плетнев — Иерархия ценностей; Заметки о книгах и журналах; Политические документы.

№ 32

В номере:

Александр Иванов — Узкой тропой, стихи; Письма из Москвы; Лев Дувинг — «Дорога к социализму» (Венгерская революция); Евг. Замятин — Наводнение, повесть; Современная русская литература; Психология творчества; А. Кашин — Художник и человек; Ник. Андреев — «Ересь» Замятина; Нина Федорова — Дети, роман; Н. Моршен — Два стихотворения; Р. Туров — Рассказ Ивана Ивановича; С. Маковский — Зимой, цикл стихотворений; Николай Оцуп — Персонализм как явление литературы; А. Кузнецова — Охматдет на поводу у советской власти; С. Левицкий — Тишайший философ; Е. Двойченко — Маркова — Вениамин Франклин и Россия; Заметки о книгах и журналах; Политические документы.

№ 33

(РАСПРОДАН)

В номере:

Конгресс за права и свободу в России; Резолюция Конгресса за права и свободу в России; Н. Тарасова — Культурная и духовная жизнь современной России; Евг. Евтушенко — Станция Зима (поэма); Ю. Нагибин — Свет в окне, рассказ; А. Неймирок — Стихи; Борис Зайцев — Дни; Олег Ильинский — Стихи; Нина Федорова — Дети, роман; Ю. М. — Лагерные стихи; Борис Тих — О романе Дудинцева «Не хлебом единым»; Екатерина Таубер — В пути находящийся; Ник. Андреев — Литература в изгнании; Н. А. Горчаков — «Марксистская теория театра»; Н. Евреин — Любовь актера; К. Федоров — Третье звено диалектической триады; С. Германов — «Ставка на сильных»; Заметки о книгах и журналах; Политические документы.

№ 34 - 35

В номере:

Стихи из России; Нина Федорова — Дети, роман; Николай Оцуп — Антихрист, стихотворение; Сергей Маковский — Раздумья, цикл стихотворений; В. Самарин — Счастье, рассказ; Лидия Алексеева — Стихи; Н. Нароков — Прошлогодний снег, рассказ; Сергей Рафальский — Поэма о потустороннем мире; А. Мазурова — Восьмушка гороха, рассказ; Из современной венгерской поэзии. Переводы А. Неймирока; Лада Николенко — Королева Анна, очерк; Алексей Ремизов — Со креста; Ренуха; Ник. Андреев — А. М. Ремизов; Георг Палоци — Хорват — Янош Кадар; Анатолий Орлов — Дагестанское восстание 1934 - 35 гг.; Н. Оцуп — Гуманизм в СССР; В. Филиппов — Погорельщина; Б. Литвинсов — Восстание совести; Н. Дешевой — Атлантида и Америка по древним преданиям; Ю. Марголин — О свободе; Р. Редлих — Доктрина революции в холодной войне; Д. Стефко — Реорганизация управления промышленностью; Заметки о книгах и журналах; Политические документы.

№ 36

В номере:

Борис Пастернак — Стихи; Л. Ржевский — Паренек из Москвы, повесть; Русская поэзия в СССР: А. Ахматова, В. Луговской, Н. Заболоцкий, С. Кирсанов, Л. Мартынов; В. Ширяев — Кудеяров дуб, повесть; Сергей Маковский — Н. С. Гумилев; Г. Нео-Сильвестр — Охтенская «богородица»; В. Завалишин — Александр Блок и русская революция; К. Фотиев — Нетленная краса (О романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»); Н. Рутыч — Россия и революция в 1917 году; А. Светов — Коммунизм и мир; Ю. Марголин — О свободе; Библиография. Политические документы.

№ 37

В номере:

В. Ширяев — Кудеяров дуб, повесть (окончание); Русская поэзия за рубежом: Д. Кленовский, Лидия Алексеева, Олег Ильинский, О. Анстей, Сергей Рафальский, Е. Таубер; Н. Анатольева — «Цель творчества — самоотдача...»; Александра Мазурова — Томас Вольф и его судьи; В. Пав-

лов — Размышления над «Искусством»; А. Поплюйко — Астронавтика — мечты и действительность; С. Кирсанов — Сорок лет советской экономики; Н. Рутыч — Брест; Библиография; Политические документы.

№ 38

В номере:

Голоса молодой России — Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Я. Аким, Евгений Винокуров, Юнна Мориц, Владимир Гордиенко, Белла Ахмадулина, Иван Рядченко, Иван Харабаров, Валерий Рыжей, Владимир Соколов, Наталия Астафьева, Сергей Давыдов, Владимир Цыбин, Владимир Фирсов, Майя Борисова, Анатолий Поперечный Александр Коренев — с предисловием И. Гусева; А. Кашин — Крест на солнце, рассказ; Отец Павел, рассказ; Петр Ершов — Киримбюбю, рассказ; Г. Климов — Все люди братья, глава из романа «Имя мое легион»; Проф. М. Новиков — Первые шаги в эмиграции; Михаил Берлогин — Из воспоминаний советского журналиста; Николай Оцуп — Свобода творчества; В. Майцев — Два течения в литературе и искусстве народов Кавказа; А. Мазурова — Мир любви; Н. А. Горчаков — Борьба за новое в советской кинематографии; А. Поплюйко — Ученые России в советской науке; Р. Плетнев — Закат Европы; Проф. Н. Арсеньев — А. С. Хомяков; С. Левицкий — По ту сторону славянофильства и западничества; Библиография; Политические документы.

№ 39

В номере:

Жорж Бернонос — Записки сельского священника; Стихи из России. П. Востоков — Из пережитого (Вместо вступления — Ник. Оцуп); Поэты русского зарубежья — Лидия Алексеева, Сергей Маковский, Михаил Дараганов, Сергей Рафальский; Лев Дувинг — Великая скорбь (Из третьей части); В. Литвинов — Соблазн отчаяния; Ю. Терапиано — «Смотр»; Николай Еленев — Кем была Марина Цветаева? Н. Евреинов — Живопись и театр; А. Иванов — Дворец науки — символ международного сотрудничества; Сергей Левицкий — Апостол современного рационализма; Проф. Н. Лосский — Украинский и белорусский сепаратизм; † К. Федоров (К. Штепа) — «Сталинизм» и «хрущевизм»; Библиография; Политические документы; Н. Анатольева — Между двумя съездами.

№ 40

В номере:

«Дело» Пастернака; Борис Пастернак — Избранное; Николай Оцуп — Подвиг одиночки; Н. Анатольева — Пастернак и мировая общественность; Р. Редлих — Философские выписки из «Доктора Живаго»; Михаил Берлогин — Сон о жизни; Василий Барсов — О Пастернаке; Жорж Бернонос — Записки сельского священника (перевод с французского Е. Таубер); Н. Человский — Коммунистический империализм; С. Кирсанов — Школа в свободной России; В. Тремль — Будущее государственных займов СССР; В. Сергеев — Объективные элементы революционного процесса в России; Ив. Сергеев — Банкротство; † В. Арсеньев — «Миссия»; Л. З. — Советский человек; Л. Зальцберг — Ядерное оружие и внешняя политика; М. Шведова — «Волк из Лазквэр». Документы за октябрь-декабрь 1958 г.

№ 41

В номере:

Нина Федорова — Революция. (Отрывки из романа «Жизнь»); В. Емельянов — Ночь на Босфоре. (Отрывки из повести «Рейс»); Я. Темкин — Три рассказа: Вечером. Деловая встреча. Разговор с хозяйкой; Н. Саблин — Подслушанный аккорд. (Рассказ); Лада Николенко — Петербург в Ле-

нинграде. (Отрывки из «Повести о потерях»): Из поэзии российского зарубежья — А. Анстей, И. Буркин, Александра Васильковская, Михаил Дараган, О. Можайская, Александр Неймирок, Ирина Одоевцева, София Прегель, Сергей Рафальский, Константин Халафов, Аглая Шишкова; З. Арбатов — «Ноллендорфплатикафе»; Георгий Мейер — Неузнанный поэт бессмертия; И. Гусев — Вопросы без ответов; Тончо Карабулков — Молодая болгарская поэзия; Н. Евреинов — Живопись и театр; Н. Дешевой — О первоисточниках человеческого знания; Проф. прот. В. Зеньковский — Христианские предпосылки знания; Н. Рутыч — Внутривластная борьба после XX съезда; А. Столыпин — Влияние ревизионизма на внешнюю политику СССР; Л. Зальцберг — «Политическая экономика»; Прот. В. Зеньковский — «Трагедия свободы»; Лидия Алексеева — «О главном — стихами»; А. Неймирок — Тайнопись радости; В. Литвинов — Белые ризы и грязные руки; Проф. В. П. Zubov — Слово о полку Игореве; М. Шведова — Один из многих.

№ 42

В номере :

Л. Ржевский — Две недели. (Записки с больничной койки); † Борис Ширяев — Хорунжий Вакуленко. (Неоконченная повесть); Александра Мазурова — «Только всего — жизнь!..» (Повесть); Аглада Шиманская — Эпизод. (Рассказ); Из украинской современной поэзии — Никола Зеров, Максим Рильский, Павло Филипович, Михайло Драй-Хмара, Павло Тычина, Володимир Свидзинский, Евген Плужник, Олег Ольжич, Елена Телига, Олекса Стефанович, Юрий Клен, Евген Маланюк, Михайло Орест, Иван Вагряный, Богдан Кравцев, Порфирий Горотак (в переводе Игоря Качуровского); З. Арбатов — Встреча с Максимом Горьким; А. Случевская — Коростовец — Воспоминания об отце; К. К. Случевский — Загробные песни; Письмо о поэзии П. Востокова; Эммануил Райс — Украинская поэзия нашей эпохи; Р. Плетнев — «Жизнь» — стихотворение в прозе; Михаил Берлогин — Из дневника критика; Н. Нарок — Принцип, преферанс и сапоги; В. Маньковский — «Взгляд, затаивший папирской...»; Федор Степун — Немецкий романтизм и философия истории славянофилов; Проф. Н. Алексеев — Природа и человек в философских воззрениях русской литературы; С. Левицкий — Заживо погребенный Век; Л. Федоров — «Педагогическая поэма» коммунизма; Николай Армазов — Участь страсти; К. Ф. — Жизнь писателя; И. Гусев — «Юность» — журнал молодых; Григорий Забежинский — О «Мостах» через пропасть; Г. Борский — Тарасов-Труайа — французский академик; М. Шведова — Врачи в концлагерях; О. Красовский — Молодежь и коммунизм; М. Залевский — В защиту идеи промышленной демократии.

№ 43

В номере :

И. Гусев — Молодые писатели современной России. (Вместо предисловия); Юрий Казаков — Отщепенец. Никишкины тайны; Евгений Евтушенко — Четвертая Мещанская; Анатолий Приставкин — Трудное детство; О. Вубнова — Счастье; Юрий Курганов — Лето на Севере; Юрий Нагибин — Комаров. Старая черепаха; Евгений Носов — Живое пламя. Чирки; Илья Лавров — Из фиолетовой тетради. (Отрывок из повести «Девочка и рябина»); Эдуард Шим — В начале зимы; Анатолий Кузнецов — Продолжение легенды; Стихи из России — П. Востоков; Русская поэзия за рубежом — Сергей Рафальский, Лидия Алексеева, Иван Буркин, Анна Запольная; Л. Арсеньева — О Куприне; А. Куприн — Сонет («Учись, мой друг»); Р. Плетнев — Оттиски горячего сердца. (Письма Н. В. Гоголя); Н. Тарасова — Свет в окне; О. Можайская — Поэзия Эмили Дикинсон; Г. Забежинский — Версон и религия; Ю. Терапиано — Что нам может дать Индия?; С. Кирсанов — План и свобода в экономике; Федор Степун — Об «избранной» России; Г. Забежинский — Горький и Андреев; К. Фотиев — Россия и коммунизм; М. Шведова — «Нас ведут на кладбище...»; Екатерина Таубер — Разоренные гнезда.

№ 44

В номере:

Сорокалетие русской зарубежной поэзии; Ю. Терапиано — О зарубежной поэзии 1920—1960 годов; Избранные стихотворения зарубежных поэтов — Зинаида Гиппиус, Георгий Иванов, Николай Оцуп, Владислав Ходасевич, Марина Цветаева, Георгий Адамович, Лидия Алексеева, Лариса Андерсен, Ольга Анстей, Нина Верберова, Раиса Влох, Вера Булич, Анатолий Величковский, Тамара Величковская, Александр Гингер, Алда Головина, Михаил Горлин, Иван Елагин, Владимир Злобин, Юрий Иваск, Олег Ильинский, Борис Филиппов, Д. Кленовский, Ирина Кнорринг, Довид Кнут, Вл. Корвин-Пиотровский, Ю. Круэнштерн-Петерел, Антонин Ладинский, Сергей Маковский, Виктор Мамченко, Юрий Манделштам, Владимир Марков, Николай Моршен, Вл. Набоков-Сирин, Борис Нарциссов, Александр Неймирок, Юрий Одарченко, Ирина Одоевцева, К. Померанцев, Борис Поплавский, София Прегель, Анна Присманова, Георгий Раевский, Сергей Рафальский, Елена Рубисова, Владимир Смоленский, Юрий Софиев, П. Ставров, Леонид Страховский, Глеб Струве, В. Сумбатов, Екатерина Таубер, Юрий Трубецкой, Николай Туроверов, Лидия Червинская, Игорь Чиннов, Анатолий Штейгер, Аглаида Шиманская, Аглая Шишкова, Георгий Эристов, Ирина Яссен; В. Унковский — Зарубежный Сургучев; Зоя Симонова — Свидетели защиты; Алексей Ремизов — Память сердца; Георгий Мейер — Топор Раскольников; Борис Филиппов — Разговор по поводу и без повода...; Николай Ирколин — Несимметричная механика; Проф. Н. Лосский — Буддизм и христианство; В. Тремль и Л. Зальцберг — Заработная плата в СССР; Л. Зальцберг — Жизненный уровень в Западной Европе; К. Фотиев — «Воздушные пути»; В. Марков — Пауль Целан и его переводы русских поэтов; Сергей Левицкий — Книга о жизненном пути Бердяева; Николай Арсеньев — Церковь и народ; Н. Тарасова — Гражданин живой России; М. Шведова — «Одержимые и могучие».

№ 45

В номере:

Борис Филиппов — Пыльное солнце, рассказы; Анатолий Дар — Иван Подмосткин и его главная любовь; Русская поэзия за рубежом: Борис Нарциссов, Иван Буркин, Александр Неймирок, Борис Филиппов, Анна Запольная; Герман Ловцкий — Лев Шестов по моим воспоминаниям; Лидия Алексеева — Памяти В. Л. Пастернака, стихи; О. Анстей — Новый Пастернак; В. Завалишин — Борис Пастернак и русская литература; В. Марков — Советский Гамлет; Георгий Мейер — «Дух глухой и немой»; Н. Хохлов — У порога; А. Поплюйко — Проблема перестройки научных учреждений в СССР; Бор. Тих — Идеология несвободы; В. Кунгурцев — Результаты первого года семилетки; Э. Райс — Ветры Скифии; Г. Забежинский — Память сердца; А. Неймирок — Поэма о грусти; Л. Алексеева — «Причастность глубине»; В. Марков — «Когда разгуляется» в немецком переводе; Николай Арсеньев — Завещание Маклакова

№ 46

В номере:

Георгий Иванов — Посмертный дневник, стихи; М. Форштеттер — Стихи. Предисловие С. Маковского; Н. Максимов — Смерть Афанасьева, повесть; Юрий Терапиано — Четыре стихотворения; Иван Буркин — Нью-Йоркские ямбы, Pro domo mea, Страница любви, стихи; Анатолий Дар — Иван Подмосткин и его главная любовь, повесть (продолжение); Г. Ловцкий — Лев Шестов по моим воспоминаниям (окончание); Георгий Мейер — «Дух глухой и немой»; Г. Забежинский — Французская литература (1959); В. Литвинов — Иностранная литература в СССР; Александра Мазурова — Вызов человеку; М. Бертолин — Художник; Сергей Левицкий — Об упадке созерцания; С. Кирсанов — Специализация и органическое единство науки и знания; К. Фотиев — Вера, действующая любовью. О ранней советской литературе; Александр Шик — «Генерал ВО» — «Азеф»; С. Кирсанов — О капитализме и справедливости; Л. Зальцберг — Труды профессора Адольфа Вебера.

№ 47

В номере:

Тетрадь стихов из России; Б. Филиппов — Музыкальная шкатулка, повесть; М. Илан Ракич — Симонида. (Перевод Лидии Алексеевой); В. Самарин — Дом со ставней голубой, рассказ; Аглаида Шиманская — Стихи; Леонид Бсгданов — Quo Vadis, рассказ. Таких не надо, рассказ:

Николай Евсеев — Стихи; Александра Мазурова — «Только всего — жизнь!», рассказ; Т. Величковская — Закал, стихи; В. Бунина-Муромцева — Беседы с памятью; Н. Алексеев — В бурные годы. К пятидесятилетию со дня смерти Льва Толстого: Иван Раевский — Толстой и наука (воспоминания); Николай Раевский — Жизнь и смерть Льва Толстого; А. Невежин — Предсмертное посещение Львом Толстым Оптинной Пустыни (со слов монаха-очевидца); Николай Раевский — Впечатления от Венецианского конгресса; В. Ермилов — Толстой-писатель; Сальвадор де Мадарьяга — Завет Толстого; Георгий Мейер — Хожdenие по мукам (опыт медленного чтения); Л. Зандер — Зло и отрицание (литературно-философский экскурс); И. Коротков — Современная психология, ее методы и значение; Лев Пар — НТС до войны (к 30-летию Народно-Трудового Союза российских солидаристов); Эммануил Райс — О четырех поэтах. Музей современной поэзии; Александр Шик — Путешествие в Россию сто лет назад; Л. Зальцберг — Устрашение или оборона. Поборник свободной экономики; М. Залевский — О будущей России.

№ 48

(РАСПРОДАН)

В номере:

М. Нарича-Нарымов — Неспетая песня, повесть, присланная из России; Русская поэзия за рубежом: Сергей Рафаильский, Лидия Алексеева, Михаил Дараганов, Елена Матвеева, Александр Неймирок, София Прегель, Екатерина Таубер; В. Бунина-Муромцева — Беседы с памятью (продолжение); Н. Алексеев — В бурные годы; Л. Ржевский — О тайнописи в романе «Доктор Живаго»; Георгий Мейер — Хожdenие по мукам (опыт медленного чтения); Сергей Львов — Голые люди; Сергей Левицкий — Патриарх русской философии; Л. Зандер — Зло и отрицание (литературно-философский экскурс); Прот. Д. Константинов — Духовная школа в СССР; Свящ. К. Фотиев — Посмертная книга Н. А. Бердяева; Борис Филиппов — Поэт теургического действия; А. Мазурова — О «явном рабстве и тайной свободе» в советской литературе. — Г. Шишкин — Духовная биография Льва Толстого; Э. Райс — Позднее поэтическое цветение; А. Неймирок — Необычная книга.

№ 49

В номере:

К восьмидесятилетию Бориса Зайцева; Дмитрий Кленовский — Из новых стихов; Владимир Костецкий — Окончание романа, рассказ; Стихи из России — Весеннее, «В альбом Элизе», Находка на толкучем рынке; Борис Филиппов — Из книги «Музыкальная шкатулка», рассказы; Т. Величковская — «Вышел месяц темной ночью...», стихи; Лев Дувинг — Возмездие, повесть; Борис Нарциссов — Случаи с Авксентием Алексеевичем, рассказ; Эммануил Райс — Сорокалетие русской поэзии в СССР (1920-1960); Георгий Мейер — Хожdenие по мукам (опыт медленного чтения); Сергей Львов — Лепота; Сергей Левицкий — Оправдание духа (против духоморов); Прот. Д. Константинов — Внешняя политика Московской патриархии (за 1960 год); Е. Гаранин — Новый курс советской карательной политики; С. Сокольников — «Воздушные пути II»; В. Завалишин — «Разорвать... плен рутины»; Борис Филиппов — Владислав Ходасевич; Г. Забежинский — Выдачи, предательства, лагеря... 1945 года; Александр Шик — «Москва» Бориса Зайцева; Юр. Болышухин — Дружеские шаржи.

№ 50

В номере:

К пятидесятилетию журнала ГРАНИ; Алла Орбинская — Хожdenие по мукам. Отрывок из «Героической поэмы»; Владимир Костецкий — Повесть без названия, повесть; Аглайда Шиманская — «Звонко встретился» — «Слушаю, алло!», стихи; В. Бондаренко — Гражданский долг, телепеса; Анна Запольная — «Вхожу с пустыми руками...», стихи; Роман Редлих — Решение, рассказ; София Прегель — «По лесу туман и тление...», стихи; Владимир Самарин — Красная каша, миниатюры; Борис Филиппов — Богдан (Памяти Богдана Ивановича Сагазова — Леонида Богдана); Юрий Терапиано — Осип Мандельштам; Георгий Мейер — Свет в ночи (опыт медленного чтения); Эммануил Райс — Сорокалетие русской поэзии с СССР (продолжение); Борис Нарциссов — Сила и материя. Переводы: Карл Ясперс — Философская автобиография; Карл Густав Юнг — Современность и будущее; Г. Шишкин — Литературное завещание; А. Марков — «Еврейская повесть»; Н. Тарасова — «По самой грани»; Политическая хроника.

№ 51

В номере:

«Дело» Михаила Александровича Нарницы-Нарымова; К 125-летию со дня смерти А. С. Пушкина: В. Жуковский — Письмо к С. Л. Пушкину; Николай Еленев — Две сказки: Предводитель собачества. Под Млечным путем; К двадцатипятилетию со дня смерти Евг. Замятина: Евг. Замятин — Ела (повесть); Юрий Анненков — Евгений Замятин (воспоминания); П. Замир — В арестантском вагоне; Георгий Мейер — Свет в ночи (опыт медленного чтения); Эммануил Райс — Сорокалетие русской поэзии в СССР (окончание); стихотворное приложение; Глеб Рар — Первые православные японцы; Карл Ясперс — Философская автобиография (продолжение); Карл Густав Юнг — Современность и будущее (продолжение); В. Савин — Финансовая система хозрасчета; С. Сокольников — Благодарная память сердца; Н. Тарасова — Лунный поэт; Г. Шишкин — Дальневосточная трагедия; Хронология важнейших событий (июль-декабрь 1961 г.); Обращение издательства «Посев».

№ 52

(РАСПРОДАН)

В номере:

Валерий Тарсис — Сказание о синей жухе (передано из России); «Феникс» — подписольный журнал московской молодежи; Н. Тарасова — Век крушения вер...; В. Бунина-Муромцева — Беседы с памятью (продолжение).

№ 53

В номере:

Алла Кторовая — Юрин переулоч (повесть); Лидия Алексеева, Игорь Качуровский, Борис Нарциссов, София Прегель, Аглайда Шиманская — Стихи; Борис Филиппов — Памяти Ариадны Владимировны Тьрковой; В. Бунина-Муромцева — Беседы с памятью (окончание); Вера Налон — Углич; Борис Пастернак о себе и о читателях, с комментариями Г. П. Струве; Екатерина Таубер — Неукротимая совесть (О поэзии Анны Ахматовой); Георгий Мейер — Сон и его воплощения (Опыт медленного чтения); Д. Бург — Моральное банкротство советских конформистов (О повести В. Некрасова «Кира Георгиевна»); Николай Еленев — «Мир искусства» и его круг (Пути русского эстетического индивидуализма); Глеб Рар — Очаг православия в Хакодате; Карл Ясперс — Философская автобиография (продолжение); Карл Густав Юнг — Современность и будущее (окончание); Николай Реймер — Понятие «a priori» у Канта и Шопенгауэра; С. Сокольников — Несколько изданий сочинений Бориса Пастернака; А. Марков — Несостоятельность теории трудовой стоимости Карла Маркса; Хронология важнейших событий — январь-июнь 1962 г.

№ 54

В номере:

Валерий Тарсис — Веселенькая жизнь (роман передан из России); Алексей Бердников — Портрет (поэма), из цикла «20 нереалистических стихотворений» (из обзора произведений московского поэта); Клавдия Шестрова — Стихи; «Дробница Наполеона» (рассказ); Маргарита Дьяконова — Стихи; Андрей Кривицкий — Кэру (рассказ); Д. Бург — Партия и писатели; Вячеслав Завалишин — Повесть о «мертвых домах» и советском крестьянстве (Об «Одном дне Ивана Денисовича» А. Солженицына); Николай Еленев — Пути русского эстетического индивидуализма (Накануне смены поколений); Карл Ясперс — Философская автобиография (продолжение); Сергей Левицкий — Силуэты русских мыслителей: М. А. Бакунин, Лев Шестов; Библиография. Хронология важнейших событий (июль-декабрь 1962 г.).

№ 55

В номере:

Валерий Тарсис — Веселенькая жизнь (окончание); Алла Кторовая — Вертоград моей сестры (рассказ); Игорь Чиннов, Лидия Алексеева, Борис Нарциссов, Ираида Легкая, Александр Неймирок, Миртала Кардиналовская — стихи; И. Буркин — Догоревшие свечи; А. Чемесова — Певец «переходного» поколения (Евгений Евтушенко в зеркале своей «Автобиографии рано созревшего человека»); Эммануил Райс — Заметки о поэтах «четвертого поколения»; Александр Неймирок — Белла Ахмадулина; Карл Ясперс — Философская автобиография (окончание); Прот. Д. Константин — Антираелигиозная пропаганда в СССР; Свящ. К. Фотиев — Иерархия благоговения (заметки о творчестве Вячеслава Иванова); Екатерина Таубер — «Матренин двор» А. Солженицына и «Живые мощи» И. Тургенева; Д. Бург — Апельсиновая капитуляция; Хронология важнейших событий (январь - июнь 1963).

№ 56

В номере:

А. Солженицын — Этюды и крохотные рассказы; Анна Ахматовой — семьдесят пять лет (портрет писательницы); Н. Тарасова — Живая совесть; Анна Ахматова — Реквием (цикл стихотворений); Алла Кторовая — Лицо Жар-Птицы (роман); Иосиф Бродский — Конь вороной. Этюд. Рождественский романс. Памятник Пушкину. Рыбы зимой (стихи); Н. Селихов — Светило. Прогулка арстанта. Вера битника (стихи); А. Антокольский — «Мы все, лауреаты премий...» (стихотворение); Булат Окуджава — Из неопубликованного: «Берегите нас, поэтов, берегите нас...». О войне. Черный кот. «Эх ты, шарик голубой...». «Вся земля, вся планета...». «Всю ночь кричали пегухи...». Песенка о дураках. «Возьму шинель и вещмешок и каску...». Песня о барабанщике (стихи); В. Бондаренко — Века и десятилетия (Евгений Замятин и Джордж Орвелл — два путешественника во мрак будущего и будущий мрак); Д. Бург — В борьбе за Пастернака; Мировая пресса о «Фениксе»; В. Кунгурцев — Сельское хозяйство после Сталина; Хронология важнейших событий (июль - декабрь 1963 г.).

№ 57

В номере:

*** — «Мы шли этапом. И не раз...» (стихи из России); Биография В. Я. Тарсиса; Валерий Тарсис — Палата № 7 (повесть); Л. Д. — Писатель В. Я. Тарсис и мировая пресса; Дмитрий Кленовский, Анна Запольная, Борис Филиппов, Михаил Дараганов, Ираида Легкая, Борис Нарциссов, Тамара Величковская — стихи; Георгий Мейер — Фаталист (к 150-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова); Герман Ермолаев — Партийное решение (Резолюция ЦК РКП(б) от 1925 г.); А. Поплюйко — Хирургия «Хулио Хуренито»; Сергей Левицкий — В. П. Вышеславцев (1877 - 1954); Александра Мазурова — Трагедия науки; С. Кучеров — Собственность в Советском Союзе; В. Сергеев — Длинный путь (автобиография Пигирима Сорокина); Э. Райс — Люди культурной миссии; Л. Дувинг — Ожившая старина; С. Левицкий — О религиозно-философском Ренессансе; О. К. — Первая боевая организация большевиков; В. Цветков — Новое о Жанне д'Арк; Хронология важнейших событий (январь - июль 1964 г.).

№ 58

В номере:

Рената Швейцер — Дружба с Борисом Пастернаком (переписка); «СИНТАКСИС» №№ 1, 2, 3 — подпольный литературный журнал московской и ленинградской молодежи; Александр Неймирок — Человек за бортом (о журнале «Синтаксис»); Николай Ирколин — «Почему ночью темно?» (проблемы космологии); Иван Курганов — Переселение крестьян в России; Арк. Слизской — Писатель одной книги; О. Можайская — Голова Горгоны; А. Неймирок — «Прозрачный след»; Сергей Муромцев — Поэзия ожидания; С. Кирсанов — Анализ социалистической системы сельского хозяйства; Обращение издательства «Посев».

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

"Г р а н и" регулярно печатают произведения, которые из-за коммунистической цензуры не могут печататься в России и подпольными каналами вывозятся из страны. "Г р а н и" первые напечатали стихи Бориса Пастернака из цикла "Доктора Живаго", еще до того, как роман достиг своего итальянского издателя /№№ 34-35/. "Г р а н и" напечатали /№ 48 - распродан/ повесть Михаила Нарницы-Нарымова "Неспетая песня", а когда автор был заточен в сумасшедший дом, подняли на его защиту общественное мнение Запада и содействовали его освобождению. "Г р а н и" целиком опубликовали подпольный рукописный журнал московской молодежи "Феникс" /№ 52 - распродан/. "Г р а н и" получили из страны и напечатали стихотворный цикл Анны Ахматовой "Реквием" /№ 56/, посвященный судьбе русских женщин, мужа которых томятся в коммунистических застенках. "Г р а н и" первые опубликовали 15 "этюдов и крохотных рассказов" Александра Солженицына /№ 56/, являющихся бесспорно выдающимся произведением этого талантливейшего автора и именно из-за своей духовной силы не могущих пройти цензуру советских журналистов. "Г р а н и" напечатали сатиру Валерия Тарсиса "Сказание о синей мухе" /№ 52-распродан/, переведенную на многие языки и опубликованную в Англии, США, Италии, Франции, Германии, Швеции и Дании. "Г р а н и" опубликовали его же роман "Веселенькая жизнь" /№№ 54 и 55/. В. Я.Тарсис был также заключен в сумасшедший дом, но при содействии "Г р а н е й" на его защиту было поднято мировое общественное мнение. Коммунистическим властям пришлось освободить его, а о своих переживаниях он написал повесть "Палата № 7", являющуюся открытым призывом к борьбе за свободу. "Г р а н и" напечатали "Палату № 7" /№ 57/, и мировая печать высоко оценила и геройство автора и само произведение. Книга переводится на многие языки, печаталась в отрывках в лондонской "Обсервер" и уже вышла в Англии и Германии. "Г р а н и" печатают также лучшие произведения зарубежной прозы, поэзии и публицистики.

Условия подписки на журнал

Г Р А Н И

Подписка на 4 номера с пересылкой в Германии	25.00 н. м.
Подписка на 4 номера с пересылкой в США и Канаде	7.00 ам. дол.
Подписка на 4 номера с пересылкой в остальных странах	26.00 н. м.
Цена номера в розничной продаже в США и Канаде	2.00 ам. дол.
Цена номера в розничной продаже в остальных странах	7.00 н. м.

Подписку принимает издательство «Посев»

POSSEV-VERLAG, 623 Frankfurt/M.-Sossenheim, Flurscheideweg 15

или представители в разных странах.

Переводить подписную плату можно почтовыми и банковскими переводами и даже личными банковскими чеками.

Из Германии: почтовым переводом и постчекконто: Frankfurt/Main No. 33461

Из остальных европейских стран: почтовым переводом.

Из США и других заокеанских стран: банковскими чеками.

Из стран с низкой валютой: почтовыми купонами.

Валерий Тарсис

Сказание о синей мухе Красное и черное

Оба произведения пересланы автором для напечатания за границу, так как не могли появиться в Советском Союзе из-за условий цензуры. «Сказание о синей мухе» — это талантливая сатира на послесталинское общество. «Красное и черное» — романизованная биография писателя П. Виноградова, автора нашумевшего в 30-ые годы романа «Три цвета времени». Роман «Красное и черное» описывает судьбу писателя и мыслителя, гибнущего в смиренной рубашке социалистического реализма.

В книге 165 стр. Цена 9.80 нем. марок

Михаил Нарнца

Неспетая песня

Повесть ленинградского писателя и скульптора М. Нарнцы была нелегально переслана автором за границу. В книге напечатаны биография автора с его портретом, а также его обличительное, полное мужества и достоинства, письмо Н. Хрущеву.

В книге 127 стр. Цена 7.25 нем. марок

Заказывайте книги на складе нашего издательства.

Possev-Verlag, 623 Frankfurt/Main-Sossenheim, Flurscheideweg 15